

ISSN 2079-1003 2500-2902

URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 3 (50) 2023

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 3 (50) 2023

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

ISSN 2079-1003, 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 3 (50) 2023

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

CONTENTS

No 3 (50) 2023

Maria P. Bezenova. Dialect basis of the first Udmurt translations of the Gospel of John	7
Elena L. Klyachko. The Tungusic verb <i>neke-</i> : its functions and the evolution of its semantics	23
Saglara V. Mirzaeva. Tibetan syllable <i>bya</i> in Oirat Clear Script	42
Irina P. Novak, Julia V. Normanskaja. Determining regular phonetic correspondences in the Karelian dialects. Vocalism.....	56
Sergei G. Tatevosov. Scales, measures, and endpoints: a few observations on the calculation of telicity. Evidence from Karachay-Balkar.....	97

REVIEWS

Egor V. Kashkin. The Oxford guide to the Uralic languages.....	123
Style sheet	137

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 3 (50) 2023

М. П. Безенова. Диалектная основа первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна.....	7
Е. Л. Клячко. Глагол <i>некэ</i> - в тунгусо-маньчжурских языках: функции и развитие значений.....	23
С. В. Мирзаева. О тибетской графеме <i>буа</i> в ойратском «ясном письме».....	42
И. П. Новак, Ю. В. Норманская. Определение регулярных фонетических соответствий карельской диалектной речи. Вокализм.....	56
С. Г. Татевосов. Шкалы, меры, конечные точки: наблюдения о композициональной природе предельности. На материале карачаево-балкарского языка	97

РЕЦЕНЗИИ

Е. В. Кашкин. The Oxford guide to the Uralic languages	123
Требования к оформлению статей.....	137

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН, Институт системного программирования РАН)

Ответственный секретарь

Н. А. Кошелюк

(к.ф.н., Институт системного программирования РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН, Гамбургский университет), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Гамбургский университет)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Executive secretary

Natalia Koshelyuk

(Ivannikov Institute for System Programming, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences; University of Hamburg), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbееv (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (University of Hamburg), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmás Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepšov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

Диалектная основа первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна

Безенова Мария Петровна, Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН (Ижевск),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

Статья посвящена описанию морфологических особенностей первых рукописных переводов Евангелия от Иоанна начала XIX в. Целью исследования является определение диалектной основы этих источников.

В работе описаны основные грамматические категории имени существительного (число, притяжательность, падеж) и глагола (залог, наклонение, время), а также неспрягаемые формы глагола (инфинитив, причастие, деепричастие). Источниковой базой исследования послужил корпус рукописных текстов первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна, хранящихся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и в Российском государственном историческом архиве. Анализ проведен методом сопоставления языкового материала памятников с данными удмуртского литературного языка и его диалектов. Предпринята попытка определения инновационного либо архаичного характера всех зафиксированных в исследуемых письменных источниках особенностей.

В результате анализа в рукописях был выявлен ряд инноваций, на основе которых можно судить о диалектной принадлежности письменных памятников. Соотнесение этих особенностей с современными удмуртскими диалектами позволило предположить, что в основе рукописей лежат говоры верхнечепецкого и среднечепецкого диалектов северного наречия. В памятниках также были зафиксированы некоторые архаизмы, которые на сегодняшний день уже не встречаются в севернoudмуртских говорах. Кроме того, в рассмотренных текстах, как и в других письменных источниках этого периода, отчетливо прослеживается орфографическая норма, согласно которой к основам, оканчивающимся на гласные и мягкие согласные, присоединяются морфологические показатели с *и*-овой инициалю, а в остальных случаях употребляются *ы*-овые форманты.

Ключевые слова: удмуртский язык, памятники письменности, Евангелия, морфологические особенности, диалекты удмуртского языка

DIALECT BASIS OF THE FIRST UDMURT TRANSLATIONS OF THE GOSPEL OF JOHN

Maria P. Bezenova,
Udmurt Institute of History, Language and Literature Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch, RAS (Izhevsk),
Ivannikov Institute for System Programming, RAS (Moscow); mary_kaj@mail.ru

The article focuses on the morphological features of the first manuscript translations of the Gospel of John made at the beginning of the 19th century. The aim of the study is to determine the dialect basis of these sources.

The paper describes the main grammatical categories of the noun (number, possessiveness, case) and verb (voice, mood, tense) as well as non-finite forms of the verb (infinitive, participle, gerund). The study is based on the corpus of handwritten texts that includes the first Udmurt translations of the Gospel of John, stored in the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences and in the Russian State Historical Archive. The analysis has been carried out by comparing the linguistic data collected from the sources with the Udmurt literary language and its dialects in order to determine the innovative or archaic nature of the features identified in the sources under analysis.

The analysis reveals a number of innovations, which indicate the dialect affiliation of the written records. The correlation of these features with modern Udmurt dialects suggests that the Upper-Cheptsa and Middle-Cheptsa dialects of the Northern dialect are the basis of the manuscripts. The sources also witness to a number of archaisms, which today can no longer be found in the Northern Udmurt dialects. In addition, in the texts under analysis, as well as in other written sources of this period, the spelling norm can clearly be traced, according to which the morphological indicators with an *u* initial are attached to stems ending in vowels and soft consonants, and in other cases the *ы* formants are used.

Keywords: the Udmurt language, written record, Gospels, morphological features, Udmurt dialects

Описание морфологических особенностей рукописи, хранящейся в СПбФ АРАН, выполнено при поддержке гранта Президента РФ № МК-1631.2022.2 «Корпус первых удмуртских переводов Евангелий». Анализ морфологии рукописи из РГИА выполнен при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных».

1. Введение

На сегодняшний день известно о двух переводах Евангелия от Иоанна на удмуртский язык начала XIX в.¹ Оба варианта не были опубликованы, находятся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (ф. 94, оп. 1, д. 244, 61 л.) и в Российском государственном историческом архиве (ф. 808, оп. 1, 1821 г., д. 177). Рукопись, хранящаяся в СПбФ АРАН, ранее уже была рассмотрена в нескольких статьях (см. [Ившин 2012; Камитова, Ившин 2012; Кайсина 2013]). Второй вариант перевода из РГИА, напротив, еще не становился объектом лингвистических исследований.

По данным П. Н. Луппова, над переводом Евангелия от Иоанна в начале XIX в. работали «священник с. Дебесь Павелъ Тропинъ и священникъ с. Балезинскаго Стефанъ Анисимовъ» [Луппов 1905: 11], т. е., по всей видимости, перевод был выполнен «по глазовскому нарѣчію». Однако в работе [Камитова, Ившин 2012: 15] авторы отмечают, что в тексте [Иоанн АРАН] «есть ряд слов, которые характерны именно для глазовского диалекта, входящего в северную диалектную группу (...). С другой стороны, в некоторых словах присутствуют фонетические особенности, которые в начале XX в., судя по материалам словаря [Wichmann 1987], были свойственны сарапульскому и малмыжскому диалектам, относящимся к срединной группе». При этом анализ фонетических особенностей рукописи [Иоанн АРАН] также указывает, что данный перевод ближе к изданной в 1847 г. удмуртской Азбуке на сарапульском, а не на глазовском наречии [Кайсина 2013: 106].

Как видим, вопрос диалектной основы первых рукописных переводов Евангелия от Иоанна на сегодняшний день остается открытым. В связи с этим в рамках данной статьи мы предпримем попытку проанализировать эти источники на уровне морфологии с целью выявления их диалектной принадлежности. В работе будут описаны основные грамматические категории имени существительного (число, притяжательность, падеж) и глагола (залог, наклонение, время), а также неспрягаемые формы глагола (инфинитив, причастие, деепричастие), характерные для современного удмуртского языка. Опыт описания удмуртских письменных памятников XIX в. свидетельствует о том, что для определения их диалектной принадлежности не обязательно сравнивать языковые особенности источника с письменным памятником того же периода, диалектная основа которого эксплицитно указана. Сопоставление письменных источников с современными диалектами также дает достоверный результат, но при этом следует помнить, что принадлежность памятников к тому или иному диалекту определяется набором общих инноваций, а не сохранившихся архаизмов. Поэтому при рассмотрении языковых особенностей письменных источников важно классифицировать, какие из них являются инновациями, а какие — архаизмами.

2. Именная морфология

2.1. Число

Категория числа в современном удмуртском языке основана на противопоставлении форм единственного и множественного числа. Для форм единственного числа характерно отсутствие формальных показателей. Множественное число имен существительных образуется с помощью суффикса *-ос*, присоединяемого к основам, оканчивающимся на гласный, или *-йос* (графически *-ёс*), который употребляется после основ с финальным согласным. Однако в отдельных южных [Кельмаков 2006: 116], севернoudмуртских [Карпова 2018: 168—169] и бесермянских² говорах встречаются случаи образования форм множественного числа с помощью суффикса *-йос* не только от основ с ауслаутным согласным, но и от основ с конечным гласным. Эти формы в удмуртских диалектах, вероятно, являются архаичными, поскольку, согласно существующим на сегодняшний день гипотезам [Лыткин 1931: 108; Uotila 1933: 182—183; Kövesi 1965: 152; Кондратьева 2011: 36 и др.], в составе данного морфологического показателя изначально был согласный *й*, т. е. маркер *-йос* имеет первичное происхождение, а *-ос* — вторичное.

Образование форм множественного числа имен существительных в исследуемых рукописях также не совпадает с современной литературной нормой. В переводе [Иоанн РГИА] функционирует суффикс *-йось*, который присоединяется как к основам на согласный, так и к основам с финальным гласным³, ср.:

¹ Оба варианта размещены в Корпусе письменных памятников удмуртского языка на сайте <http://udmcorpus.udman.ru/memorials>, который и послужил источником анализируемого материала.

² Согласно данным мультимедийного бесермянского корпуса <http://multimedia-corpus.beserman.ru/search>.

³ Подобные формы характерны и для южнoudмуртских памятников конца XIX — начала XX в., некоторые примеры зафиксированы и в севернoudмуртском письменном источнике [Безенова 2022а: 353].

пыжъіосъ ‘лодки’⁴ PL — литер. *пыжъёс*, *синъіосъ* ‘глаза’ PL — литер. *синъёс*, *шуръіосъ* ‘реки’ PL — литер. *шуръёс* и др.;

адями-іосъ ‘люди’ PL — литер. *адямиос*, *бецеіосъ* ‘братья’ PL — литер. *бечеос* ‘родственники’, *пудоіосъ* ‘животные’ PL — литер. *пудоос* и др.

В рукописи [Иоанн АРАН] в целом выступает тот же принцип, однако, кроме основного маркера *-іосъ*, в нескольких формах представлен суффикс *-осъ*, ср.:

висисъіосъ ‘больные’ PL — литер. *висисъёс*, *синтэмъіосъ* ‘слепые’ PL — литер. *синтэмъёс*, *ціорыгъіосъ* ‘рыбы’ PL — литер. *чорыгъёс*; *кііосъ* ‘руки’ PL — литер. *киос*, *кузідіосъ-тэ* ‘твоих хозяев’ PL-POSS.2SG-ACC — литер. *кузёостэ*, *пудоіосъ* ‘животные’ PL — литер. *пудоос* и др.;

архьерёосъ ~ *архиерёосъ* ‘архиереи’ PL < рус. *архиерей*, *Галиледъсъ* ‘галилеяне’ PL < рус. *Галилея*, *дина́ріосъ* ‘динарии’ PL < рус. *динарий*, *еврёосъ* ‘евреи’ PL < рус. *еврей*, *Іудёосъ* ~ *Іудеосъ* ‘иудеи’ PL < рус. *Иудея*, *Самаріосъ* ‘самаряне’ PL < рус. *Самария* (ср. *Самарііосъ* PL), *фарисёосъ* ~ *фарисеосъ* ‘фарисеи’ PL < рус. *фарисей* (ср. *фарисеіосъ-лэсь* ~ *фарисеіосълэсь* PL-ABL).

Несмотря на то, что маркер *-осъ* во всех приведенных выше примерах присоединяется к гласной, по нашему мнению, здесь он не представляет собой языковую особенность памятника, а, скорее всего, является лишь графическим приемом, поскольку, как видим, данный показатель употребляется исключительно с заимствованными лексемами, при этом в номинативе все они оканчиваются на *й* или йотированную гласную.

2.2. Притяжательность

Посессивность в современном удмуртском языке выражается различными лично-притяжательными суффиксами, представленными в таблице 1 (подробнее см. [ГСУЯ 1962: 82; УКК 2011: 36—37]).

Таблица 1. Лично-притяжательные суффиксы имен существительных

	Один обладатель	
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	-э(-)/-е(-), -ы(-), -м(-) ⁵	-ы(-), -м(-)
2-е лицо	-эд(-)/-ед(-), -ыд(-), -д, -д-/т-	-ыд(-), -д, -т-
3-е лицо	-эз(-)/-ез(-), -ыз(-), -з, -з-/с-	-ыз(-), -з, -с-
	Много обладателей	
	Одно обладаемое	Много обладаемых
1-е лицо	-мы(-), -м-	-мы(-), -м-
2-е лицо	-ды(-)/-ты(-), -ды, -д-/т-	-ты(-), -ды, -т-
3-е лицо	-зы(-)/-сы(-), -зы, -з-/с-	-сы(-), -зы, -с-

Аналогичные маркеры характерны и для первых рукописных переводов Евангелия от Иоанна, ср.:

[Иоанн АРАН]: *дышэтысе* ‘мой учитель’ POSS.1SG — литер. *дышетісе*, *синмы* ‘мой глаз’ POSS.1SG — литер. *синмы*, *картэдъ* ‘твой муж’ POSS.2SG — литер. *картэд*, *выныдъ* ‘твой брат’ POSS.2SG — литер. *выныд*, *висіонэзь* ‘его болезнь’ POSS.3SG — литер. *висёнэз*, *сюлмызь* ‘его сердце’ POSS.3SG — литер. *сюлмыз*, *селякъ-іосъ-тэ* ‘твои грехи’ PL-POSS.2SG-ACC — литер. *сьёлыкъёстэ*, *ужъіосызь* ~ *ужъіосысь* ‘его дела’ PL-POSS.3SG — литер. *ужъёсыз*, *бубымы* ‘наш отец’ POSS.1PL — литер. *бубымы* и др.;

[Иоанн РГИА]: *картэ* ‘мой муж’ POSS.1SG — литер. *картэ*, *піэдъ* ‘твой сын’ POSS.2SG — литер. *пиед*, *ужъэзь* ‘его дело’ POSS.3SG — литер. *ужез*, *дырызь* ‘его время’ POSS.3SG — литер. *дырыз*, *синъіосыдъ* ‘твой глаза’ PL-POSS.2SG — литер. *синъёсыд*, *бецеіосызь* ‘его братья’ PL-POSS.3SG — литер. *бечеосыз* ‘его родственники’, *ужъмы* ‘наше дело’ POSS.1PL — литер. *ужмы*, *айіосмы* ‘наши отцы’ PL-POSS.1PL — литер. *айыосмы* и др.

Кроме того, в текстах рукописей при выражении отношения принадлежности единичного объекта единичному обладателю встречаются особые формы, маркированные притяжательными суффиксами с *и*-овой огласовкой:

[Иоанн АРАН]: *бубизъ* ‘его отец’ POSS.3SG — литер. *бубиз/бубыез*, *бубизлэсь* ‘у его отца’ POSS.3SG-ABL — литер. *бубизлэсь/бубыезлэсь*, *бубизлы* ‘его отцу’ POSS.3SG-DAT — литер. *бубизлы/бубыезлы*,

⁴ Переводы с русского на удмуртский язык даются по электронному словарю <http://udmcorpus.udman.ru/dictionary> с учетом контекстов.

⁵ Посессивные маркеры без препозитивных огласовок функционируют в ряде косвенных падежей: аккузативе, инструментале, инессиве, иллативе, элативе, эгрессиве, пролативе и терминативе.

муми́зь ‘его мать’ POSS.3SG — литер. *мумиз/мумыез*, *мумизлы́* ‘его матери’ POSS.3SG-DAT — литер. *мумизлы/мумыезлы*;

[Иоанн РГИА]: *ай* ‘мой отец’ POSS.1SG — литер. *айи/айые*, *айды́* ‘твой отец’ POSS.2SG — литер. *айид/айыед*, *айзы́* ‘его отец’ POSS.3SG — литер. *айиз/айыез*, *муми́зь* ‘его мать’ POSS.3SG — литер. *мумиз/мумыез* и др.

Данные форманты имеют ограниченное употребление. В современном удмуртском языке они используются лишь с несколькими лексемами, обозначающими термины ближайшего родства по восходящей линии: *айы* ‘отец’, *мумы* ‘мать, мама’, *бубы* ‘отец’ [УКШГК 2022: 52—53]. Территориально указанные формы распространены в говорах северной диалектной зоны [ДАУЯ 2013: 59, 63; Карпова 2018: 175]. По мнению С. А. Максимова, гласный *и* в подобного рода словах восходит к уменьшительно-ласкательному суффиксу. «Возникнув как уменьшительно-ласкательная форма для обращения к матери (<...>), слово *муми* впоследствии стало употребляться и в функции называния, в которой оно (<...>) воспринимается не как мама вообще, а моя мама» [Максимов 2013: 211].

2.3. Падеж

Система склонения современного удмуртского литературного языка включает 15 падежей: именительный (номинатив), винительный (аккузатив), родительный (генитив), разделительный (аблатив), дательный (датов), творительный (инструменталь), лишительный (абессив), соответственный (адвербиаль), местный (инессив), входный (иллатив), исходный (элатив), отдалительный (эгрессив), переходный (пролатив), предельный (терминатив), направительный (аппроксиматив). В рукописных переводах Евангелия от Иоанна мы выявили лишь 12 падежей, адвербиальные, эгрессивные и аппроксимативные формы на рассмотренных страницах источников отсутствуют, что, вероятно, связано с меньшей их частотностью в удмуртском языке. При этом следует упомянуть, что в отдельных говорах южной диалектной зоны отмечается сокращение количества падежей вследствие замещения адвербиальных, аппроксимативных и терминативных форм послеложными конструкциями [Кельмаков 2006: 117—118]. Однако в текстах рукописей не представлены не только морфологически маркированные падежные формы, но и послеложные конструкции, которые могли бы их заменить, т. е. в анализируемых письменных источниках в целом отсутствуют семантически подходящие контексты.

В таблице 2 даны все падежные маркеры имен существительных, встречающиеся в текстах. Как видим, в памятниках наблюдаются некоторые отклонения от литературных норм, связанные с внешним оформлением падежных формантов.

Наибольший интерес, по нашему мнению, представляют формы творительного падежа единственного числа, зафиксированные в [Иоанн АРАН], которые образованы с помощью маркеров *-энынь* и *-ынынь*: *выдэмэнынь* ‘лежанием’ INS — литер. *выдэмен*, *кышноэнынь* ‘с женой’ INS — литер. *кышноен*, *улэмэнынь* ‘жизнью’ INS — литер. *улэмен*, *нимынынь* ‘именем’ INS — литер. *нимын*, *синмынынь* ‘глазами’ INS — литер. *синмын* и др. В памятнике они функционируют довольно широко наряду со стандартными формами с суффиксами *-энь/-енъ*, *-ынь*, ср.: *вуэнь* ‘водой’ INS — литер. *вуэн*, *Моисеень* ‘с Моисеем’ INS — литер. *Моисеен*, *циниэнь* ‘пальцем’ INS — литер. *чиньыен*, *лулынь* ‘душой’ INS — литер. *лулын*, *мыль кыдынь* — литер. *мылькыдын*, *нимынь* ‘именем’ INS — литер. *нимын* и др. Возможно, выявленные примеры свидетельствуют о диалектной особенности языка рукописи [Иоанн АРАН], однако доказательств этого на данный момент у нас, к сожалению, нет, поскольку подобные формы мы ранее не фиксировали ни в письменных источниках, ни в современных диалектах удмуртского языка.

Соответствия маркеров с *и*-овой инициальной в инессиве, элативе и пролативе *ы*-овым в литературном, на наш взгляд, объясняются орфографической нормой рассматриваемых письменных источников, которая характерна и для переводов Евангелий от Матфея и от Марка (см. подробнее [Безенова 2022б: 12—13]), а именно: показатели с *и*-овой огласовкой в рукописях употребляются после основ с конечной гласной⁶:

[Иоанн АРАН]: *дунийнь* ‘в мире’ INE — литер. *дуннеын*, *книгайнь* ‘в книге’ INE — литер. *книгаын*, *мэстайнь* ‘в месте’ INE — литер. *местаын*; *дуниейсь* ~ *дунийсь* ‘из мира’ ELA — литер. *дуннеысь*, *Иудейсь* ‘из Иудеи’ ELA — литер. *Иудеяысь*, *мэстайсь* ‘из места’ ELA — литер. *местаысь* и др.;

[Иоанн РГИА]: *Виварайнь* ‘в Вифаре’ INE — литер. *Вифараын*, *Галилеяйнь* ‘в Галилее’ INE — литер. *Галилеяын*, *Канайнь* ‘в Кане’ INE — литер. *Канаын*; *Виусадайсъ* ‘из Вифсаиды’ ELA — литер. *Вифсаи-*

⁶ Указанная орфографическая норма, возможно, основана на следующем фонетическом явлении: после гласной основы перед гласным показателя местного падежа в удмуртском языке вставляется звук *й*, который приводит к частичному продвижению вперед гласного *ы*, превращая его в звук, промежуточный между *ы* и *и*. Не исключено, что в данном случае мы имеем дело также с влиянием русской орфографии, где после *й* звук/буква *ы* не встречается.

Таблица 2. Падежные маркеры имен существительных

Падеж	Единственное число			Множественное число		
	[Иоанн АРАН]	[Иоанн РГИА]	литер.	[Иоанн АРАН]	[Иоанн РГИА]	литер.
номинатив	∅	∅	∅	∅	∅	∅
аккузатив	-эзъ	-эзъ	-эз/-ез	-ызъ/-ысъ	-э	-ты/-ыз
	∅	∅	∅	-э		-э/-е
	-э	-э	-э/-е	-эсъ		-эсъ
	-эсъ		-эс/-ес			
генитив	-лэнъ	-лэнъ	-лэн	-лэнъ	-лэнъ	-лэн
аблатив	-лэсь	-лэсь	-лэсь	-лэсь	-лэсь	-лэсь
датив	-лы	-лы	-лы	-лы	-лы	-лы
инстру- менталь	-энъ/-енъ	-энъ	-эн/-ен	-ынъ	-ынъ	-ын
	-ынъ	-ынъ	-ын			
	-энынь					
	-ынынь					
абессив	-ены-	-эны-/ены-	-эны-/ены-			
		-ыны-	-ыны-			
инессив	-тэкъ ~ -текъ	-тэкъ ~ -текъ	-тэк			
	-ынъ/-инъ	-ынъ/-инъ	-ын	-ынъ	-ынъ	-ын
иллатив		-нь	-н			
	-а-/я-		-а-/я-			
элатив	-э/-е	-э/-е	-э/-е		-а-	-а-
	-а-/я-	-а-/я-	-а-/я-			
пролатив	-ысь/-исъ	-ысь/-исъ	-ысь			
	-ысьты-	-ысьты-	-ысьты-			
терминатив	-эти		-эти			
		-ти	-ти			
		-ити	-ити			
	-озъ	-озъ	-озъ			

даысь, инти-йсь ‘из места’ ЕЛА — литер. *интыысь, кійсь* ‘из руки’ ЕЛА — литер. *кыысь*; *Самарияити* ‘по Самарии’ PROL — литер. *Самарияити* и др.

Кроме того, в [Иоанн РГИА] встречается такая форма, как *пыласконнинъ* ‘в купальне (досл. в месте, где купаются)’ — литер. *пыласконнин*, в которой инессивный суффикс *-инъ* на первый взгляд присоединяется к согласной. Однако, если учесть литературное соответствие, видим, что в данном случае происходит выпадение конечной *и* основы перед суффиксом инессива. Аналогичное явление прослеживается и в иллативных формах⁷, ср.: *пыласконнэ* ~ *пыласконнэ* ‘в купальню (досл. в место, где купаются)’ ILL — литер. *пыласконние, лудьяцконнязъ* ‘в место его воскресения’ ILL-POSS.3SG — литер. *лудьяцконнияз, улоннязъ* ‘в его царство (досл. в место его проживания)’ ILL-POSS.3SG — литер. *улоннияз* и др. Особенность, при которой «в словах с конечным *-н’и* почти во всех местных падежах перед падежным аффиксом выпадает гласный *и*» [Максимов 2018: 272—273], представлена в современных среднечепецких говорах удмуртского языка. Стоит также отметить, что сегодня формы с маркером *-ни* активно внедряются в литературный язык, хотя изначально считались исключительно диалектными, характерными для севернудмуртского [Вахрушев 1959: 23; Алашеева 1982: 92] и бесермянского наречий [Тепляшина 1970: 177—178], а также шарканского средневосточного говора [Бушмакин 1969: 61—62].

Случай употребления в [Иоанн АРАН] маркера *-ысь* в соответствии с литературным *-ыз* в аккумулятиве представлен лишь двумя словоформами (*кыльёосысь* ‘слова’ PL-ACC — литер. *кыльёсыз, ужьёосысь* ‘дела’ PL-ACC — литер. *ужьёсыз*), поэтому здесь не исключена опечатка либо это следствие оглушения конечного согласного *з* (оба примера в тексте стоят перед лексемами с глухим анлаутным согласным), хотя в целом для текста данной рукописи нехарактерна запись конечных звонких согласных, подверженных оглушению, буквами для глухих.

⁷ Единичные примеры обнаруживаются и в [Иоанн АРАН]: *осконнязъ* ‘в место его веры’ ILL-POSS.3SG — литер. *осконнияз, аранныязъ* ‘в место его жатвы’ ILL-POSS.3SG — литер. *аранныяз*.

3. Глагольная морфология

3.1. Залоги глагола

В современном удмуртском языке традиционно выделяют две группы залогов: понудительный и непонудительный, возвратный и невозвратный [УКК 2011: 201]. В первых рукописных переводах Евангелия от Иоанна нам удалось выявить только формы второго типа.

Возвратный залог, противопоставляясь невозвратному с нулевым маркером, в литературном языке образуется с помощью суффиксов *-иськ(ы)-/-йськ(ы)-*, *-ск(ы)-* (от глаголов I спряжения) или *-ськ(ы)-* (от глаголов II спряжения). В рукописях основными формантами возвратного залога являются маркеры:

1) **-ыськ(ы)-** (от глаголов I спряжения):

[Иоанн АРАН]: *жугыськэ вылэмь* 'он бился' REFL-PRS.3SG AUX — литер. *жугыське вылэм*, *кылыськыса* 'послышавшись' REFL-CONV — литер. *кылыськыса*, *мэдазь сэрыськы* 'пусть он не разобьется' NEG.IMP.3SG-REFL — литер. *медаз сэрыськы* и др.;

[Иоанн РГИА]: *карыськызы* 'они сделались' REFL-1PST-3-PL — литер. *карыськызы*, *лестыськызы* 'он строился' REFL-1PST-3SG — литер. *лэстыськызы*, *пыртыськызы* 'они крестились' REFL-1PST-3-PL — литер. *пыртыськызы* и др.

2) **-ськ(ы)-** (от глаголов II спряжения):

[Иоанн АРАН]: *вераськыса* 'посоветовавшись' REFL-CONV — литер. *вераськыса*, *восяськызы* 'они будут молиться' REFL-FUT-3-PL — литер. *восяськызы*, *катьяськыны* 'исцелиться' REFL-INF — литер. *катьяськыны* и др.;

[Иоанн РГИА]: *восяськыскомь* 'мы молимся' REFL-PRS-1PL — литер. *восяськыском(ы)*, *катьяськэмь* 'он, оказывается, исцелился' REFL-2PST.3SG — литер. *катьяськем(ез)*, *медазь тодмаськэ* 'пусть они не становятся заметными' NEG.IMP.3-REFL-PL — литер. *медаз тодмаське* и др.

Как видим, в памятниках в соответствии с литературным *-иськ(ы)-/-йськ(ы)-* функционирует формант *-ыськ(ы)-* с *ы*-овой огласовкой. Хотя в качестве исключения в [Иоанн РГИА] встречаются две формы с *и*-овым маркером: *жугыськэ валь* 'он бился' REFL-PRS.3SG AUX — литер. *жугыське вал*, диал. *пэяськыськыды* 'вы прельстились' REFL-1PST-2-PL. Употребление *ы*-ового варианта в памятниках, с одной стороны, может отражать языковую особенность источников, поскольку для современных говоров северной диалектной зоны характерен *ы*-овый маркер возвратного залога, в то время как для говоров южной диалектной зоны свойственно употребление *и*-ового показателя, при этом маркер с *ы*-огласовкой считается первичным по отношению к *и*-овому [Кельмаков 2006: 66—67]. С другой стороны, *ы*-овый формант может объясняться принятыми в тексте нормами орфографии, поскольку, как показывает опыт описания первых удмуртских переводов Евангелий, в памятниках этого периода суффиксы с *ы*-овой огласовкой, как правило, употребляются после основ с финальным твердым согласным, а *и*-овые — после основ на гласные или мягкие согласные [Безенова 2022б: 12—13]. Во всех выявленных в источниках формах *-ыськ(ы)-* присоединяется к основам, оканчивающимся на твердый согласный. В рукописях нам не удалось обнаружить примеры, образованные от основ с конечным гласным или мягким согласным, поэтому вопрос функционирования *ы*-ового рефлексивного показателя в первых удмуртских переводах Евангелия от Иоанна все же остается открытым.

Кроме того, формы возвратного залога от глаголов I спряжения в [Иоанн АРАН] маркируются суффиксом **-цьк(ы)- (-цк(ы)-)**⁸: *бэрыцькыса* 'обернувшись' REFL-CONV — литер. *берытскыса/берыктыськыса*, *ворцькызы* 'они родились' REFL-1PST-3-PL — литер. *вордскызы/вордйськызы*, *дышетцькы-тэкь* 'не обучившись' REFL-CONV — литер. *дышетскытэк/дышетйськытэк*, *куцькыллямь* 'они, оказывается, взяли' REFL-2PST.3PL — литер. *кутскыллям(зы)/кутйськыллям(зы)*, *мыкырьцькыса* 'преклонив голову' REFL-CONV — литер. *мыкыркыса/мыкыртйськыса*. Этот показатель представляет собой модификацию суффикса *-иськ(ы)-/-йськ(ы)-*, который возник в результате сочетания элемента *t* глагольной основы с согласным *c'* залогового суффикса и зафиксирован в кыркмасских и граховских южноудмуртских говорах, а также в верхнечепецких говорах северного наречия [Кельмаков 2006: 141].

В тексте [Иоанн РГИА] мы выявили лишь одну лексему с аналогичным формантом **-цк(-)**: *ворцькыны* 'родиться' REFL-INF — литер. *вордскыны/вордйськыны*. Однако в данной рукописи в нескольких формах встречается другой вариант первоначального залогового маркера глаголов I спряжения *-иськ(ы)-/-йськ(ы)-* — **-ск(ы)-**, который в целом характерен для северноудмуртских говоров [Карпова 2018: 334—335], а также в настоящее время широко употребляется в литературном языке, ср.: *кышкатскызы* 'они

⁸ В рукописи «графема **ц** (иногда **ч** — с последующими йотированными гласными, *и*, *е* или мягким знаком) обозначает глухую палатальную фонему *ч* (č)» [Камитова, Ившин 2012: 21].

испугались' REFL-1PST-3-PL — литер. *кышкатскизы/кышкатйськызы; дышетскиськодъ* 'ты учишься' REFL-PRS-2SG — литер. *дышетскиськод/дышетйськиськод, дышетскытэкъ* 'не обучившись' REFL-CONV — литер. *дышетскытэк/дышетйськытэк*.

3.2. Категория наклонения и временные формы

В рукописных текстах первых удмуртских переводов Евангелия от Иоанна, как и в современном удмуртском литературном языке и большинстве его диалектов, представлены три наклонения: изъявительное, повелительное и сослагательное.

3.2.1. Основным отличительным признаком глагольных форм **изъявительного наклонения** является изменяемость по временам. В удмуртском литературном языке выделяют восемь временных форм, среди которых представлены четыре простых (настоящее, будущее, первое прошедшее (очевидное), второе прошедшее (неочевидное)) и четыре сложных формы прошедшего времени (I плюсквамперфект, II плюсквамперфект, прошедшее длительное, прошедшее многократное) (см. подробнее [УКК 2011: 170]).

Рассмотрение глагольных форм, представленных в памятниках, показало, что в рукописях, как и в случае с падежными маркерами, действует орфографическая норма, согласно которой суффиксы с *и*-овой инициальной присоединяются к основам, оканчивающимся на гласные и мягкие согласные, а в остальном употребляются *ы*-овые форманты, хотя отклонения от этого правила в источниках не исключены. Эта закономерность явно прослеживается в формах 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа настоящего времени и 3-го лица множественного числа прошедшего неочевидного времени, образованных от глаголов I спряжения:

[Иоанн АРАН]: *луиськодъ* 'становлюсь' PRS.1SG — литер. *луисько, оскыськодъ* 'веришь' PRS.2SG — литер. *оскыськод, оскыськодъ* 'верим' PRS-1PL — литер. *оскыськом(ы), оскыськодъ* 'верите' PRS-2-PL — литер. *оскыськоды; кылылльямъ* 'они, оказывается, слышали' 2PST.3PL — литер. *кылылльям(зы)* и др.;

[Иоанн РГИА]: *возиськодъ* 'держу' PRS.1SG — литер. *возисько, улыськодъ* 'живешь' PRS.2SG — литер. *улыськод, адзиськодъ* 'видим' PRS-1PL — литер. *адзиськом(ы), ваиськодъ* 'приносите' PRS-2-PL — литер. *вайиськоды; пуксилльямъ* 'они, оказывается, сели' 2PST.3PL — литер. *пуксилльям(зы)* и др.

Кроме того, указанная норма функционирует в тексте [Иоанн АРАН] при маркировке утвердительных форм прошедшего очевидного времени (от глаголов I спряжения), тогда как в [Иоанн РГИА], напротив, практически все соответствующие формы вне зависимости от конечной фонемы глагольной основы оформляются суффиксом *-и(-)*, идентичным литературному, ср.:

[Иоанн АРАН]: *лыкты* 'я пришел' 1PST.1SG — литер. *лыкты, возидъ* 'ты держал' 1PST-2SG — литер. *возид, вайзь* 'он принес' 1PST-3SG — литер. *вайиз, кылымъ* 'мы слышали' 1PST-1-PL — литер. *кылым(ы), лыктыды* 'вы пришли' 1PST-2-PL — литер. *лыктыды, улызы* 'они жили' 1PST-3-PL — литер. *улызы* и др.;

[Иоанн РГИА]: *лестй* 'я сделал' 1PST.1SG — литер. *лэстый, бурмидъ* 'ты исцелился' 1PST-2SG — литер. *бурмид, адзизъ* 'он увидел' 1PST-3SG — литер. *адзиз, шедьтымы* 'мы нашли' 1PST-1-PL — литер. *шедьтым(ы), сйды* 'вы съели' 1PST-2-PL — литер. *сииды, тырмытызы* 'они наполнили' 1PST-3-PL — литер. *тырмытызы* и др.

На уровне морфологии в анализируемых памятниках можно отметить некоторые особенности.

1) В нескольких случаях формы настоящего времени от глаголов I спряжения в [Иоанн АРАН] маркируются показателями *-цько-, -цък-* в соответствии с литературными *-йсько-, -йськ-*: *тоцькодъ* 'я знаю' PRS.1SG — литер. *тодйсько, мэдцькодъ* 'ты намереваешься' PRS-2SG — литер. *медйськод, тоцькодъ* 'мы знаем' PRS-1PL — литер. *тодйськом(ы), квэрэцькоды* 'вы ругаетесь' PRS-2-PL — литер. *куаретйськоды, угъ быгатцькы* 'я не могу' NEG.1SG-PRS-SG — литер. *уг быгатйськы* и др. Данное явление в рукописи, как и в случае с показателем возвратного залога, объясняется модификацией *-ис'ко-, -ис'к-*, возникшей в результате сочетания конечного согласного глагольной основы с суффиксальным *с'*, и также отмечено в кырыкмасских и граховских говорах центрально-южного диалекта и в верхнечепецком диалекте северного наречия [Кельмаков 2006: 147—148]. В [Иоанн РГИА] подобные формы мы выявили лишь от одной лексемы, притом, как правило, параллельно они употребляются и с маркером *-ысько- ~ -исько-*: *тоцькодъ ~ тодыськодъ ~ тодиськодъ* 'я знаю' PRS.1SG — литер. *тодйсько, тоцькодъ* 'ты знаешь' PRS-2SG — литер. *тодйськод, тоцькодъ ~ тодыськодъ ~ тодиськодъ* 'мы знаем' PRS-1PL — литер. *тодйськом(ы)*.

2) Наряду с общеудмуртскими отрицательными формами прошедшего очевидного времени, образованными путем сочетания основы знаменательного глагола с изменяющимся по лицам и числам вспомогательным отрицательным глаголом (*öй, öд, öз, öм, öд, öз*), в рукописях встречаются конструкции, со-

стоящие из отрицательной формы будущего времени и двукратно повторяющейся частицы *на* ‘еще’, также указывающие на действие в прошлом⁹, ср.:

[Иоанн АРАН]: *эй тодь* ‘я не знал’ NEG.1PST.1SG — литер. *ой тод(ы)*, *эзь оскы* ‘он не поверил’ NEG.1PST.3SG — литер. *оз оскы*, *эмь ворцькылэ* ‘мы не родились’ NEG.1PST.1-PL — литер. *ом вордйське(лэ)*, *эдъ вайлэ* ‘вы не принесли’ NEG.1PST.2-PL — литер. *од вае(лэ)*, *эзь оскылэ* ‘они не поверили’ NEG.1PST.3-PL — литер. *оз оске(лэ)*; *эзь тодма* ‘он не узнал’ NEG.1PST.3SG — литер. *оз тодма*, *эдъ ужалэ* ‘вы не делали’ NEG.1PST.2-PL — литер. *од ужалэ*, *эзь валалэ* ‘они не поняли’ NEG.1PST.3-PL — литер. *оз валалэ* и др.;

узнá адзинá ‘он не видел’ NEG.FUT.3SG, *узнá адзиынá* ‘он не видал’ NEG.FUT.3SG-ITER, *узнá вуинá* ‘он не пришел’ NEG.FUT.3SG, *узнá кулнá* ‘он не умер’ NEG.FUT.3SG, *узнá этинá* ‘он не позвал’ NEG.FUT.3SG;

[Иоанн РГИА]: *эй лыкты* ‘я не пришел’ NEG.1PST.1SG — литер. *ой лыкты*, *эзь ысты* ‘он не послал’ NEG.1PST.3SG — литер. *оз ысты*, *эдъ вайлэ* ‘вы не приносили’ NEG.1PST.2-ITER-PL — литер. *од вайылэ*, *эзь тодэлэ* ‘они не узнали’ NEG.1PST.3-PL — литер. *оз тодэ(лэ)*; *эзь верá* ‘он не сказал’ NEG.1PST.3SG — литер. *оз верá*, *эзь сёлыкалэ* ‘они не согрешили’ NEG.1PST.3-PL — литер. *оз сёлыкалэ* и др.;

удъ нá кылынá ‘ты не слышал’ NEG.FUT.2SG, *узь нá вордськинá* ‘он не родился’ NEG.FUT.3SG, *узь нá вуинá* ‘он не пришел’ NEG.FUT.3SG, *узь нá тырмытськíна* ‘оно не исполнилось’ NEG.FUT.3SG, *удъ нá áдзилена* ‘вы не видели’ NEG.FUT.2-PL.

Подобные формы в свое время были зафиксированы в кукморских [Кельмаков 1969: 382—385] и граховских [Атаманов 1981: 52] говорах южноудмуртского наречия и, по мнению диалектологов, являются архаичными [Кельмаков 1969: 383].

3) Показателем множественного числа отрицательных форм 1-го и 2-го лица настоящего времени от глаголов II спряжения, а также всех трех лиц будущего и прошедшего очевидного времени от глаголов I спряжения в современном удмуртском языке является суффикс *-э(лэ)/-е(лэ)*. В тексте [Иоанн АРАН] данные формы маркируются формантом *-лэ*, ср.:

удá малтаськылэ ‘вы не думаете ли’ NEG.2PL-PRS-PL — литер. *уд-а малтаське(лэ)*; *удъ вóсьяськылэ* ‘не будете молиться’ NEG.FUT.2-PL — литер. *уд вóсьяське(лэ)*; *эмь ворцькылэ* ‘мы не родились’ NEG.1PST.1-PL — литер. *ом вордйське(лэ)*, *эдъ вайлэ* ‘вы не принесли’ NEG.1PST.2-PL — литер. *од вае(лэ)*, *эзь оскылэ* ‘они не поверили’ NEG.1PST.3-PL — литер. *оз оске(лэ)* и др.¹⁰

Мы считаем, что выявленные в памятнике формы, скорее всего, имеют более архаичный характер по сравнению с современными. Согласно И. В. Тараканову, элемент *-л-* маркера множественного числа повелительного наклонения, который также обозначается как *-э(лэ)/-е(лэ)*, вероятно, представляет собой исчезнувший согласный *л* основы глаголов II спряжения [Тараканов 1984: 26]. Возможно, изначально этот показатель множественного числа в виде *-лэ* был един как для форм, образованных от глаголов I, так и глаголов II спряжения. Однако с течением времени обязательный характер *л*-ового маркера мог сохраниться лишь для форм II спряжения (ср. литер. *ум ужалэ* ‘мы не будем работать’, *уд ужалэ* ‘вы не будете работать’, *уз ужалэ* ‘они не будут работать’; *ом ужалэ* ‘мы не работали’, *од ужалэ* ‘вы не работали’, *оз ужалэ* ‘они не работали’). На архаичность обнаруженных форм, на наш взгляд, указывает и отсутствие фиксаций подобных примеров в современных удмуртских диалектах, а также более предпочтительное употребление в устной и в письменной речи кратких вариантов глагольных форм I спряжения без *-лэ*.

4) Отрицательные формы прошедшего неочевидного времени в северноудмуртских говорах образуются аналитическим способом: сочетанием отрицательной частицы *өвөл* ‘не; нет’ с формой основного глагола [Карпова 2018: 322]. Подобных примеров в рукописях мы не выявили, однако в тексте [Иоанн АРАН] зафиксировали форму, образованную синтетическим способом: *улыллямтэ* ‘они, оказывается, не жили’ NEG.2PST.3PL — литер. *улиллямтэ(зы)*. Стоит отметить, что такой способ образования характерен для южноудмуртских и некоторых срединных говоров удмуртского языка [Кельмаков 2006: 152].

3.2.2. Утвердительные формы повелительного наклонения единственного числа в рукописях, как и в современном удмуртском языке, не имеют морфологического маркера, т. е. совпадают с основой глагола¹¹.

⁹ *Инмáръэзэ нó кинь нó кытынь нó узнá адзинá*: *одыгь ворцькэмь Пíезь, улысь Бубйзлэнь тázь, Сó возьмáтýзь*. ‘Бога **не видел** никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил’ [Иоанн АРАН, 1: 18]; *Кушкíзы но кутыны Сoз, нокíнь но бéнь эзь пóнь Сó вылэ кизэ, со поннá, что узь нá вуинá часэзь Солэнь*. ‘И искали схватить Его, но никто не наложил на Него руки, потому что еще **не пришел** час Его’ [Иоанн РГИА, 7: 30] и др.

¹⁰ Формально указанные примеры совпадают с глаголами многократного вида с суффиксом *-л-*, однако контексты их употребления не указывают на повторяемость действий.

¹¹ Конечная гласная глагольных основ I спряжения *-ы* при отсутствии сочетания согласных в основе слова, как и в литературном языке, выпадает.

Формы множественного числа в тексте [Иоанн АРАН], в отличие от литературного языка, для которого характерно функционирование двух суффиксов *-э(лэ)/-е(лэ)* (I спряжение) и *-лэ* (II спряжение), маркируются показателем *-лэ*, присоединяемым к глагольным основам как I, так и II спряжения. В [Иоанн РГИА] множественное число императивных форм от глаголов I спряжения оформляется не только суффиксом *-лэ*, но и *-э(лэ)*, идентичным литературному, ср.:

[Иоанн АРАН]: *мынь* ‘иди’ IMP.2SG — литер. *мын, сълты* ‘встань’ IMP.2SG — литер. *султы, мынылэ* ‘идите’ IMP.2PL — литер. *мынэ(лэ), ўцькылэ* ‘посмотрите’ IMP.2PL — литер. *учке(лэ)*; *юва* ‘спроси’ IMP.2SG — литер. *юа* и др.;

[Иоанн РГИА]: *оскы* ‘поверь’ IMP.2SG — литер. *оскы, эть* ‘позови’ IMP.2SG — литер. *оть, мынэлэ* ‘идите’ IMP.2PL — литер. *мынэ(лэ), омыртылэ* ‘почерпните’ IMP.2PL — литер. *омыртэ(лэ), тырмытэ* ‘наполните’ IMP.2PL — литер. *тырмытэ(лэ)*; *ювалэ* ‘спросите’ IMP.2PL — литер. *юалэ* и др.

Явление употребления в рукописях маркера *-лэ* в соответствии с литературным *-э(лэ)/-е(лэ)* в императивных формах множественного числа, образованных от глаголов I спряжения, как и в случае с показателем множественного числа настоящего, будущего и прошедшего очевидного времени, вероятно, имеет архаичный характер. Притом интересно, что в рукописи [Иоанн РГИА], в отличие от [Иоанн АРАН], параллельно функционируют как устаревшие, так и более инновационные формы с маркерами *-э* и *-элэ*.

Отрицательный аспект повелительного наклонения в памятниках, как и в литературном языке и в современных удмуртских диалектах, образуется сочетанием соответствующих утвердительных форм с неизменяемым препозитивным отрицательным глаголом *энь*:

[Иоанн АРАН]: *энь кáрылэ* ‘не делайте’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн каре(лэ), энь кварэтылэ* ‘не ругайте’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн куаретэ(лэ)*; *энь абдра* ‘не удивляйся’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн абдра, энь сэлыка* ‘не согреси’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн сьблыка, энь кышкэлэ* ‘не бойтесь’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн кышкэлэ, энь маллалэ* ‘не думайте’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн маллалэ* и др.;

[Иоанн РГИА]: *энь ишты* ‘не потеряй’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн ышты, энь кáрылэ* ‘не делайте’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн каре(лэ), энь оскылэ* ‘не верьте’ NEG.IMP-2PL — литер. *эн оске(лэ)*; *энь сэлыка* ‘не согреси’ NEG.IMP.2SG — литер. *эн сьблыка* и др.

В современном удмуртском литературном языке выделяют также аналитические формы повелительного наклонения, которые представляют собой сочетание знаменательного глагола в будущем времени с препозитивной утвердительной частицей *мед* ‘пусть’ или отрицательной *медам* ‘пусть не’ [Тараканов 1984: 28; УКК 2011: 168]¹². Подобные примеры встречаются и в рукописях, при этом в памятниках зафиксирована отрицательная частица *мэдазь*, указывающая на 3-е лицо:

[Иоанн АРАН]: *мэдъ лыктозь* ‘пусть он придет’ IMP-FUT-3SG — литер. *мед лыктоз, мэдъ сiотомъ* ‘пусть мы дадим’ IMP-FUT-1PL — литер. *мед сёт(ы), мэдъ оскоды* ‘пусть вы поверите’ IMP-FUT-2-PL — литер. *мед оскоды, мэдъ адзiозы* ‘пусть они увидят’ IMP-FUT-3-PL — литер. *мед адзозы, мэдазь ишь* ‘пусть он не потеряется’ NEG.IMP.3SG — литер. *медаз ышы; мэдъ вералозъ* ‘пусть он скажет’ IMP-FUT-3SG — литер. *мед вералоз* и др.;

[Иоанн РГИА]: *мэдъ шедьтозь* ‘пусть он найдет’ IMP-FUT-3SG — литер. *мед шедьтоз, мэдъ адзiомъ* ‘пусть мы увидим’ IMP-FUT-1PL — литер. *мед адз(ы), мэдъ шедьтоды* ‘пусть вы найдете’ IMP-FUT-2-PL — литер. *мед шедьтоды, медам ветлы* ‘пусть я не буду приходить’ NEG.IMP.1SG — литер. *медам ветлы, медазь бырь* ‘пусть он не погибнет’ NEG.IMP.3SG — литер. *медаз быры; мэдъ вералозъ* ‘пусть он скажет’ IMP-FUT-3SG — литер. *мед вералоз, мэдъ ювалозы* ‘пусть они спросят’ IMP-FUT-3-PL — литер. *мед юалозы* и др.

Стоит отметить, что для современных севернудмуртских говоров, за исключением нижнечепецкого диалекта, свойственно функционирование неизменяемой отрицательной частицы *медам* во всех трех лицах [Карпова 2018: 306]. Наличие в исследуемых рукописях *мэдазь*, скорее всего, связано с тем, что по своему происхождению система отрицательных частиц, оформленных лично-притяжательными суффиксами (*медам, медад, медаз*), более архаична по сравнению с системой, состоящей из частицы *медам*, характерной для всех трех лиц [Кельмаков 2006: 146].

3.2.3. Формы сослагательного наклонения в рукописях, как и в удмуртском литературном языке и его диалектах, маркируются суффиксом *-сал(-)*:

[Иоанн АРАН]: *курсалъ* ‘ты бы попросил’ SBJV.2SG — литер. *курысал(ыд), сiотсалъ* ‘он бы дал’ SBJV.3SG — литер. *сётысал(ыз), вэрасалъ* ‘он бы сказал’ SBJV.3SG — литер. *верасал(ыз), оскысалъды* ‘вы бы поверили’ SBJV-2-PL — литер. *оскысалды, эй кулсалъ* ‘он бы не умер’ NEG-SBJV.3SG — литер. *ой кулсал(ыз)* и др.;

¹² По мнению некоторых исследователей, эти формы в удмуртском языке представляют собой желательное наклонение [Кельмаков 2006: 145—146; Карпова 2018: 304—307].

[Иоанн РГИА]: *тодысáль* ‘ты бы знал’ SBJV.2SG — литер. *тодысал(ыд)*, *шедьтысáль* ‘он бы нашел’ SBJV.3SG — литер. *шедьтысал(ыз)*, *верасáль* ‘он бы сказал’ SBJV.3SG — литер. *верасал(ыз)*, *яратысáлды* ‘вы бы любили’ SBJV-2-PL — литер. *яратысалды*, *шедьтысáлды* ‘они бы нашли’ SBJV-2-PL — литер. *шедьтысалды*, *эй быгатысáль* ‘он бы не смог’ NEG-SBJV.3SG — литер. *ой быгатысал(ыз)*, *эмь кюясаль* ‘мы бы не бросали’ NEG.SBJV.1PL — литер. *ой кюясалмы* и др.

Однако в памятниках можно отметить некоторые особенности. Во-первых, как утвердительные, так и отрицательные формы единственного числа в источниках употребляются без личных показателей, что на сегодняшний день характерно для северноудмуртских [Карпова 2018: 302] и средневосточных говоров [Бушмакин 1971: 302], а для южноудмуртских, напротив, свойственно оформление подобных форм маркерами лица [Кельмаков 2006: 147]. Во-вторых, в тексте [Иоанн АРАН] перед суффиксом *-саль* происходит выпадение конечной гласной основы *ы* глаголов I спряжения при условии отсутствия сочетания согласных перед этой гласной. Данное явление в первую очередь характерно для срединных говоров удмуртского языка [Кельмаков 2006: 62]. В-третьих, в рукописи [Иоанн РГИА] мы обнаружили отрицательную форму 1-го лица, образованную с помощью вспомогательного препозитивного глагола *эмь*, указывающего на лицо и число (*эмь кюясаль* ‘мы бы не бросали’ NEG.SBJV.1PL — литер. *ой кюясалмы*). При этом, по данным лингвистов, отрицательный глагол в сослагательном наклонении в абсолютном большинстве современных диалектов имеет неспрягаемый характер, т. е. употребляется в форме *ой* во всех трех лицах как в единственном, так и во множественном числе [Кельмаков 1969: 394; Бушмакин 1971: 303; Люкина 2016: 113; Карпова 2018: 303—304]. Выявленный в [Иоанн РГИА] единичный нестандартный пример, на наш взгляд, представляет собой архаичную форму сослагательного наклонения.

3.3. Неспрягаемые формы глагола

К неспрягаемым формам глагола в удмуртском языке относятся инфинитив, причастие и деепричастие.

3.3.1. Морфологическим маркером инфинитива в первых рукописных переводах Евангелия от Иоанна, а также в удмуртском литературном языке и в абсолютном большинстве современных диалектов является суффикс *-ны*. При этом, как и перед формантом сослагательного наклонения, происходит выпадение конечной гласной основы *ы* глаголов I спряжения, если перед ней нет сочетания согласных, ср.:

[Иоанн АРАН]: *выдны* ‘лечь’ — литер. *выдыны*, *жугны* ‘избить’ — литер. *жугыны*, *шуккыны* ‘стукнуть’ — литер. *шуккыны*; *араны* ‘жать’ — литер. *араны*, *уляны* ‘прогнать’ — литер. *уляны*, *юваны* ‘спросить’ — литер. *юаны* и др.;

[Иоанн РГИА]: *возматыны* ‘показать’ — литер. *возматыны*, *карыны* ‘сделать’ — литер. *карыны*, *оскыны* ‘верить’ — литер. *оскыны*; *вераны* ‘сказать’ — литер. *вераны*, *лучканы* ‘красть’ — литер. *лушканы*, *юваны* ‘спросить’ — литер. *юаны* и др.

Явление выпадения *ы* в инфинитивных формах зафиксировано не только в срединных говорах, но и в верхнечепецком диалекте северного наречия удмуртского языка [Карпова 2018: 344].

3.3.2. Причастия в рукописях маркируются следующими формантами:

1) *-ысь*:

[Иоанн АРАН]: *кылысь* ‘слышащий’ — литер. *кылйсь*, *лыктысь* ‘приходящий’ — литер. *лыктйсь*, *улысь* ‘живущий’ — литер. *улйсь* и др.;

[Иоанн РГИА]: *кылкысь* ‘слушающий’ — литер. *кылзйськысь*, *сылысь* ‘стоящий’ — литер. *сылйсь*, *пукысь* ‘сидящий’ — литер. *пукысь* и др.;

2) *-эмь/-емь* (от глаголов I спряжения), *-мь* (от глаголов II спряжения):

[Иоанн АРАН]: *катьяськэмь* ‘выздоровевший’ — литер. *катьяськем*, *лыктэмь* ‘пришедший’ — литер. *лыктэм*, *сэртэмь* ‘развязанный’ — литер. *сэртэм* и др.;

[Иоанн РГИА]: *ворцкэмь* ‘родившийся’ — литер. *вордскем/вордйськем*, *катьяськэмь* ‘выздоровевший’ — литер. *катьяськем*, *кутскэмь* ‘начавший’ — литер. *кутскем*; *верамь* ‘сказанный’ — литер. *верам* и др.;

3) *-эмынь/-емынь* (от глаголов I спряжения), *-мынь* (от глаголов II спряжения):

[Иоанн АРАН]: *гоштэмынь* ‘записан’ — литер. *гоштэмын*, *истэмынь* ‘отправлен’ — литер. *ыстэмын*, *пыжэмынь* ‘испечен’ — литер. *пыжэмын*; *вэрамынь* ‘сказан’ — литер. *вэрамын* и др.;

[Иоанн РГИА]: *каремынь* ‘сделан’ — литер. *каремын*, *лэстэмынь* ‘сделан’ — литер. *лэстэмын*, *этемынь* ‘зван’ — литер. *о́темын*; *вэрамынь* ~ *вэрамйнь* ‘сказан’ — литер. *вэрамын* и др.

На уровне морфологии в данном случае каких-либо особенностей не прослеживается. Соответствие маркера *-ысь* литературному *-ись/-йсь* в причастиях, образованных от глаголов I спряжения, скорее всего, как и в предыдущих случаях, объясняется орфографической нормой, о которой мы уже не раз упоминали.

3.3.3. Морфологическими маркерами деепричастий в рукописях являются показатели:

1) *-са*:

[Иоанн АРАН]: *бэрыцкыса* ‘повернувшись’ — литер. *берытскыса/берыктійськыса, карса* ‘сделав’ — литер. *карыса, жутса* ‘подняв’ — литер. *жутыса, гажаса* ‘любя’ — литер. *гажаса, малпаса* ‘думая’ — литер. *малпаса, черекьяса* ‘воскликая’ — литер. *черекьяса* и др.;

[Иоанн РГИА]: *кылыса* ‘услышав’ — литер. *кылыса, лстыса* ‘сделав’ — литер. *лэстыса, тодыса* ‘узнав’ — литер. *тодыса; валаса* ‘понимая’ — литер. *валаса, вераса* ‘сказав’ — литер. *вераса, черекьяса* ‘воскликая’ — литер. *черекьяса* и др.;

2) *-тэкь/-текь*:

[Иоанн АРАН]: *пыкыськы-тэкь* ‘не опираясь’ — литер. *пыкыськытэк, тодьтэкь* ‘не зная’ — литер. *тодьтэк, уцькытэкь* ‘не посмотрев’ — литер. *учкытэк; кышка-тэкь* ‘не боясь’ — литер. *кышкятэк, малпатэкь* ‘не думая’ — литер. *малпатэк* и др.;

[Иоанн РГИА]: *дышетскытэкь* ‘не учившись’ — литер. *дышетскытэк, уцькытэкь* ‘не посмотрев’ — литер. *учкытэк, тодытэкь* ‘не зная’ — литер. *тодьтэк; кышкятэкь* ‘не боясь’ — литер. *кышкятэк* и др.;

3) *-ку-*:

[Иоанн РГИА]: *орцикүзь* ‘когда он проходит’ 3SG — литер. *ортчыкуз*, диал. *цилаллякүзь* ‘когда она развратничает’ 3SG;

4) *-тозь*:

[Иоанн АРАН]: *ултозь* ‘до жизни’ — литер. *улытозь*.

Из приведенных примеров видно, что в тексте [Иоанн АРАН] перед маркерами *-са* и *-тэкь*, как и перед показателями инфинитива *-ны* и сослагательного наклонения *-салъ*, рассмотренными выше, происходит выпадение конечной гласной основы *ы* глаголов I спряжения. Стоит также обратить внимание на показатели *-ку* и *-тозь*, соответствующие литературным. Маркер *-ку* по своему происхождению является инновационным [Перевощиков 1959: 70; Серебренников 1963: 302] и представлен в современных среднечепецком и верхнечепецком диалектах северного наречия [Карпова 2018: 356], а также в кильмезских говорах Кировской области [Кириллова, Титова 2016: 45], параллельно с более архаичным вариантом *-кы* может употребляться в отдельных срединных [Кельмаков 2006: 160] и бесермянских говорах [Люкина 2016: 132]. Суффикс *-тозь* по своему происхождению, напротив, является архаичным [Серебренников 1963: 305], встречается в отдельных говорах различных наречий удмуртского языка, однако в северных наречиях он функционирует лишь в дебесском и зурином говорах верхнечепецкого диалекта [Карпова 2018: 359].

Следует отметить еще одну особенность, посредством которой текст [Иоанн РГИА] явно отличается от [Иоанн АРАН] и современного литературного языка. Во всех глагольных формах, оканчивающихся на личные показатели *-мы*, *-ды*, *-зы*, ударение в рукописи, хранящейся в РГИА, падает не на последний слог слова, а на предпоследний (примеры см. выше). Это явление на данный момент отмечено диалектологами в среднечепецком и нижнечепецком диалектах, а также в кезском говоре верхнечепецкого диалекта северного наречия [Карпова 2018: 124], в бесермянском наречии [Люкина 2016: 46] и в кукморском говоре периферийно-южного диалекта удмуртского языка [Кельмаков 2006: 74]. Подобные формы с ударением не на последнем слоге слова, по мнению В. К. Кельмакова, скорее всего, восходят «к ранним состояниям в развитии удмуртской акцентуации» [Кельмаков 1993: 33].

4. Выводы

Итак, как мы указали в начале статьи, для определения диалектной основы письменных памятников важны инновационные явления. Инновации, которые нам удалось зафиксировать в первых рукописных переводах Евангелия от Иоанна, мы можем разделить на три группы:

- 1) инновационные особенности, выявленные в обеих рукописях;
- 2) инновационные особенности, выявленные в тексте [Иоанн АРАН];
- 3) инновационные особенности, выявленные в тексте [Иоанн РГИА].

В таблице 3 приведены морфологические явления, относящиеся к каждой из этих групп, и их распределение по современным удмуртским диалектам.

Учитывая данные этой таблицы, можно утверждать, что в основе первых рукописных переводов Евангелия от Иоанна лежат говоры севернорудмуртского наречия, поскольку в них представлены все обнаруженные инновации. Кроме того, четыре явления из восьми встречаются в срединных говорах, граничащих с северными диалектами.

Таблица 3. Распределение инновационных явлений по современным удмуртским диалектам

Морфологическая особенность	сев.			бес.	сред.	юж.	пю.
	вч.	сч.	нч.				
I. Инновационные особенности, выявленные в обеих рукописях							
Употребление лично-притяжательных маркеров с <i>и</i> -овой огласовкой в словах, обозначающих термины ближайшего родства	+	+	+	+	+		
Употребление как утвердительных, так и отрицательных форм единственного числа сослагательного наклонения без личных показателей	+	+	+			+	
Маркировка деепричастий с временным значением показателем <i>-ку</i>	+	+		+	+		
II. Инновационные особенности, выявленные в тексте [Иоанн АРАН]							
Образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения, оканчивающихся на <i>-ты-</i> , с помощью суффикса <i>-цьк(ы)-</i> (<i>-цк(ы)-</i>)	+						+
Маркировка форм настоящего времени от глаголов I спряжения, оканчивающихся на <i>-ты-</i> , показателями <i>-цько-</i> , <i>-цьк-</i>	+						+
Выпадение конечной гласной основы <i>ы</i> глаголов I спряжения перед суффиксом сослагательного наклонения <i>-салъ</i> , показателем инфинитива <i>-ны</i> и маркерами деепричастий <i>-са</i> и <i>-тэкъ</i> (при условии отсутствия сочетания согласных перед <i>ы</i>)	+					+	
III. Инновационные особенности, выявленные в тексте [Иоанн РГИА]							
Выпадение конечной <i>и</i> основы перед маркерами инессива и иллотива в существительных, образованных с помощью суффикса <i>-ни</i>							+
Образование форм возвратного залога от глаголов I спряжения, оканчивающихся на <i>-ты-</i> , с помощью суффикса <i>-ск(ы)-</i>	+	+	+				

Стоит также отметить, что на последней странице рукописи [Иоанн РГИА] указана информация о тех, кто работал над переводом: «Переводиль сіе Благовѣствованіе Сарапульской округи села Дебескаго Николаевской церкви священникъ Павелъ Тронинъ. При переводѣ наибольшую частію ему способствовалъ, и въ чемъ следовало, переводъ его выправлялъ Глазовской округи села Балезинскаго Петропавловской церкви священникъ Стефанъ Анисимовъ. Сей переводъ въ общемъ собраніи читали, и еще, въ чемъ показалось нужно, при глазовскомъ купцѣ Иванѣ Волковѣ, выправляли Глазовской округи села Святицкаго протоіерей Аѳанасій Шкляевъ, онъ и переписывалъ». Таким образом, результат, полученный в процессе анализа морфологии этого памятника, не противоречит указанным данным. При длительной подготовке, внесении многочисленных правок язык источника был, как видно из таблицы 3, максимально приближен к среднечепецкому диалекту.

На страницах другой рукописи, хранящейся в СПбФ АРАН, никакой информации об авторах работы нет. Однако, учитывая результаты анализа, отраженные в таблице 3, мы можем предположить, что в основе [Иоанн АРАН], скорее всего, лежит один из верхнечепецких говоров северного наречия удмуртского языка.

Сокращения

Языки и диалекты

бес. — бесермянское наречие	сев. — северное наречие	сред. — срединные говоры
пю. — периферийно-южный диалект	вч. — верхнечепецкий диалект	юж. — центрально-южный диалект
	нч. — нижнечепецкий диалект	
	сч. — среднечепецкий диалект	

Глоссы

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	2PST — второе (неочевидное) прошедшее время
1PST — первое (очевидное) прошедшее время	ABL — аблатив

ACC — аккумулятив	INS — инструменталь
AUX — вспомогательный глагол	ITER — итератив
CONV — деепричастие	NEG — отрицательный глагол
DAT — датив	PL — множественное число
ELA — элатив	POSS — посессивный показатель
FUT — будущее время	PROL — пролатив
ILL — иллатив	PRS — настоящее время
IMP — повелительное наклонение	REFL — рефлексив
INE — инессив	SBJV — сослагательное наклонение
INF — инфинитив	SG — единственное число

Общие

диал. — диалект, диалектный
 литер. — литературная форма, литературный язык
 РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
 СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН

Литература

- Алашеева 1982 — *А. А. Алашеева*. Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 91—105.
- Атаманов 1981 — *М. Г. Атаманов*. Граховские говоры южноудмуртского наречия // Материалы по удмуртской диалектологии. Ижевск, 1981. С. 45—96.
- Безенова 2022a — *М. П. Безенова*. Кириллические памятники на уральских и алтайских языках. Т. III. Памятники письменности на пяти диалектах удмуртского языка конца XIX — начала XX в. М., 2022.
- Безенова 2022b — *М. П. Безенова*. Морфологические особенности первых печатных Евангелий на удмуртском языке // Урало-алтайские исследования. 2022, 4 (47). С. 7—27.
- Бушмакин 1969 — *С. К. Бушмакин*. Морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка // СФУ. 1969, V. С. 59—69.
- Бушмакин 1971 — *С. К. Бушмакин*. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1971.
- Вахрушев 1959 — *В. М. Вахрушев*. Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки УдмНИИ. Вып. 19. Ижевск, 1959. С. 228—241.
- ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.
- ДАУЯ 2013 — Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. III. Ижевск, 2013.
- Ившин 2012 — *Л. М. Ившин*. Первый опыт перевода Евангелия от Иоанна на удмуртский язык: графо-орфографический анализ // *Linguistica Uralica*. 2012, 4 (XLVIII). С. 276—283.
- Иоанн АРАН — От Иоанна святое Благовествование // СПбФ АРАН. Ф. 94. Оп. 1. Д. 244. 61 л.
- Иоанн РГИА — От Иоанна святое Благовествование // РГИА. Ф. 808. Оп. 1. 1821 г. Д. 177.
- Кайсина 2013 — *М. П. Кайсина*. Диалектная основа первого «Евангелия от Иоанна» на удмуртском языке // Урало-алтайские исследования. 2013, 1 (8). С. 115—126.
- Камитова, Ившин 2012 — *А. В. Камитова, Л. М. Ившин*. Особенности перевода «Евангелия от Иоанна» на удмуртский язык в начале XIX века // Урало-алтайские исследования. 2012, 2 (7). С. 14—24.
- Карпова 2018 — *Л. Л. Карпова*. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Дис. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2018.
- Кельмаков 1969 — *В. К. Кельмаков*. Кукморский диалект удмуртского языка. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1969.
- Кельмаков 1993 — *В. К. Кельмаков*. Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов. Ижевск, 1993.
- Кельмаков 2006 — *В. К. Кельмаков*. Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006.
- Кириллова, Титова 2016 — *Л. Е. Кириллова, О. В. Титова*. О некоторых морфологических особенностях кильмезских говоров удмуртского языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. XVI Всероссийская конференция (с международным участием): Материалы XVI Всероссийской конференции. Уфа, 2016. С. 43—45.
- Кондратьева 2011 — *Н. В. Кондратьева*. Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ижевск, 2011.
- Луппов 1905 — *П. Н. Луппов*. О первых вотских переводах источников христианского просвещения: Очерк из истории инородческих переводов. Казань, 1905.

Лыткин 1931 — В. И. Лыткин. К происхождению суффикса множественного числа *jos* в удмуртском языке // На удмуртские темы: Сборник статей. Вып. II. М., 1931. С. 101—111.

Люкина 2016 — Н. М. Люкина. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян. Ижевск, 2016.

Максимов 2013 — С. А. Максимов. Комментарий к картам: «Мать», «Обращение к матери», «Бабушка — мать отца», «Бабушка — мать матери», «Отец», «Обращение к отцу», «Дедушка — отец отца», «Дедушка — отец матери», «Отчим» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. III. Ижевск, 2013. С. 204—258.

Максимов 2018 — С. А. Максимов. О пермском словообразовательном суффиксе существительных с локальным значением — удм. *-ñi* // коми *-in* // *Linguistica Uralica*. 2018. Т. 54. Вып. 4. С. 270—285.

Первошиков 1959 — П. Н. Первошиков. Деепричастия и деепричастные конструкции в удмуртском языке. Ижевск, 1959.

Серебренников 1963 — Б. А. Серебренников. Историческая морфология пермских языков. М., 1963.

Тараканов 1984 — И. В. Тараканов. Повелительное наклонение, формы его выражения и их значения в удмуртском языке // Вопросы грамматики удмуртского языка. Ижевск, 1984. С. 25—34.

Тепляшина 1970 — Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М., 1970.

УКК 2011 — Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): Тодослыко-дышетскон издание (Морфология удмуртского языка: Научно-учебное издание) / Отв. ред. Н. Н. Тимерханова. Ижевск, 2011.

УКШГК 2022 — Удмурт кылын шонер гожьяськонъя кыллюкам (Шонер гожьяськонъя правилоосын): 55 000 пала кыл но кылтэчет (Орфографический словарь удмуртского языка (с правилами правописания): Около 55 000 слов и словосочетаний). Ижевск, 2022.

Kövesi 1965 — M. Kövesi. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965.

Uotila 1933 — T. E. Uotila. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933.

Wichmann 1987 — Y. Wichmann. Wotjakischer Wortschatz // Aufgezeichnet Y. Wichmann; Bearb. T. E. Uotila, M. Korhonen; Hrsg. M. Korhonen. Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI).

References

Alasheeva 1982 — A. A. Alasheeva. Verkhnechepetskie govory I. In: Obraztsy rechi udmurtskogo yazyka. Izhevsk, 1982. S. 91—105. {A. A. Alasheeva. Upper-Chepts dialects I. In: Speech samples of the Udmurt language. Izhevsk, 1982. P. 91—105.}

Atamanov 1981 — M. G. Atamanov. Grakhovskie govory yuzhnoudmurtского narechiya. In: Materialy po udmurtskoi dialektologii. Izhevsk, 1981. S. 45—96. {M. G. Atamanov. Grakhov dialects of the South Udmurt dialect. In: Materials on Udmurt dialectology. Izhevsk, 1981. P. 45—96.}

Bezenova 2022a — M. P. Bezenova. Kirillicheskie pamyatniki na ural'skikh i altaiskikh yazykakh. T. III. Pamyatniki pis'mennosti na pyati dialektakh udmurtskogo yazyka kontsa XIX — nachala XX v. Moskva, 2022. {M. P. Bezenova. Cyrillic monuments in the Uralic and Altaic languages. Vol. III. Monuments of writing in five dialects of the Udmurt language of the late 19th — early 20th century. Moscow, 2022.}

Bezenova 2022b — M. P. Bezenova. Morfologicheskie osobennosti pervykh pechatnykh Evangelii na udmurtskom yazyke. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2022, 4 (47). S. 7—27. {M. P. Bezenova. Morphological features of the first printed Gospels in the Udmurt language. In: Ural-Altai Studies. 2022, 4 (47). P. 7—27.}

Bushmakin 1969 — S. K. Bushmakin. Morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka. In: Sovetskoye finno-ugrovedeniye. 1969, V. S. 59—69. {S. K. Bushmakin. Morphological features of the Middle Eastern dialects of the Udmurt language. In: Soviet Finno-Ugric Studies. 1969, V. P. 59—69.}

Bushmakin 1971 — S. K. Bushmakin. Foneticheskie i morfologicheskie osobennosti srednevostochnykh govorov udmurtskogo yazyka. Dis. ... kand. filol. nauk. Tartu, 1971. {S. K. Bushmakin. Phonetic and morphological features of the Middle Eastern dialects of the Udmurt language. PhD thesis. Tartu, 1971.}

DAUYA 2013 — Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka: Karty i kommentarii. Vyp. III. Izhevsk, 2013. {Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments. Issue III. Izhevsk, 2013.}

GSUYA 1962 — Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka: Fonetika i morfologiya. Izhevsk, 1962. {Grammar of the modern Udmurt language: Phonetics and morphology. Izhevsk, 1962.}

Ioann ARAN — Ot Ioanna svyatoe Blagovestvovanie. In: SPbF ARAN. F. 94. Op. 1. D. 244, 61 l. {From John the Holy Gospel. In: // St. Petersburg Branch of the Archives of the RAS. Fund 94. List 1. Case 244. 61 sheets.}

Ioann RGIA — Ot Ioanna svyatoe Blagovestvovanie. In: RGIA. F. 808. Op. 1. 1821 g. D. 177. {From John the Holy Gospel. In: Russian State Historical Archive (St. Petersburg). Fund 808. List 1. 1821. Case 177.}

Ivshin 2012 — L. M. Ivshin. Pervyi opyt perevoda Evangeliiya ot Ioanna na udmurtskii yazyk: grafiko-orfograficheskii analiz. In: *Linguistica Uralica*. 2012, 4 (XLVIII). S. 276—283. {L. M. Ivshin. The first experience of translating the Gospel of John into the Udmurt language: graphic and spelling analysis. In: *Linguistica Uralica*. 2012, 4 (XLVIII). P. 276—283.}

- Kaisina 2013 — M. P. Kaisina. Dialektnaya osnova pervogo // “Evangeliiya ot Ioanna” na udmurtskom yazyke. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2013, 1 (8). S. 115—126. {M. P. Kaisina. Dialect basis of the first “Gospel of John” in the Udmurt language. In: Ural-Altai Studies. 2013, 1 (8). P. 115—126.}
- Kamitova, Ivshin 2012 — A. V. Kamitova, L. M. Ivshin. Osobennosti perevoda “Evangeliiya ot Ioanna” na udmurtskii yazyk v nachale XIX veka. In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2012, 2 (7). S. 14—24. {A. V. Kamitova, L. M. Ivshin. Features of the translation of the “Gospel of John” into the Udmurt language at the beginning of the 19th century. In: Ural-Altai Studies. 2012, 2 (7). P. 14—24.}
- Karpova 2018 — L. L. Karpova. Dialekty severnogo narechiya udmurtskogo yazyka: formirovanie i sovremennoe sostoyanie. Dis. ... dokt. filol. nauk. Izhevsk, 2018. {L. L. Karpova. Dialects of the Northern dialect of the Udmurt language: formation and current status. Doctoral thesis. Izhevsk, 2018.}
- Kel'makov 1969 — V. K. Kel'makov. Kukmorskii dialekt udmurtskogo yazyka. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1969. {V. K. Kel'makov. The Kukmor dialect of the Udmurt language. PhD thesis. Moscow, 1969.}
- Kel'makov 1993 — V. K. Kel'makov. Formirovanie i razvitie fonetiki udmurtskikh dialektov. Izhevsk, 1993. {V. K. Kel'makov. Formation and development of phonetics of Udmurt dialects. Izhevsk, 1993.}
- Kel'makov 2006 — V. K. Kel'makov. Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii: Uchebnoe posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedenii. 2-e izd. Izhevsk, 2006. {V. K. Kel'makov. Short course of Udmurt dialectology: Textbook for higher educational institutions. 2nd ed. Izhevsk, 2006.}
- Kirillova, Titova 2016 — L. E. Kirillova, O. V. Titova. O nekotorykh morfologicheskikh osobennostyakh kil'mezskikh govorov udmurtskogo yazyka. In: Aktual'nye problemy dialektologii yazykov narodov Rossii. XVI Vserossiiskaya konferentsiya (s mezhdunarodnym uchastiem): Materialy XVI Vserossiiskoi konferentsii. Ufa, 2016. S. 43—45. {L. E. Kirillova, O. V. Titova. On some morphological features of the Kilmez dialects of the Udmurt language. In: Actual problems of dialectology of the languages of the peoples of Russia. XVI All-Russian Conference (with international participation): Materials of the XVI All-Russian Conference. Ufa, 2016. P. 43—45.}
- Kondrat'eva 2011 — N. V. Kondrat'eva. Slovoizmenenie imeni sushchestvitelnogo v udmurtskom yazyke (grammaticheskie kategorii padezha i chisla). Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk. Izhevsk, 2011. {N. V. Kondratyeva. Variation of nouns in the Udmurt language (grammatical categories of case and number). Summary of the Doctoral thesis. Izhevsk, 2011.}
- Kövesi 1965 — M. Kövesi. A permi nyelvek ősi képzői. Budapest, 1965.
- Luppov 1905 — P. N. Luppov. O pervykh votskikh perevodakh istochnikov khristianskogo prosveshcheniya: Ocherk iz istorii inorodcheskikh perevodov. Kazan', 1905. {P. N. Luppov. On the first Votyak translations of the sources of christian enlightenment: An essay on the history of foreign translations. Kazan, 1905.}
- Lytkin 1931 — V. I. Lytkin. K proiskhozhdeniyu suffiksa mnozhestvennogo chisla “jos” v udmurtskom yazyke. In: Na udmurtskie teme: Sb. statei. Vyp. II. Moskva, 1931. S. 101—111. {V. I. Lytkin. On the origin of the plural suffix “jos” in the Udmurt language. In: Udmurt topics: Collection of papers. Vol. II. Moscow, 1931. P. 101—111.}
- Lyukina 2016 — N. M. Lyukina. Fonetiko-morfologicheskie osobennosti yazyka lekminskikh i yundinskikh besermyan. Izhevsk, 2016. {N. M. Lyukina. Phonetic and morphological features of the language of the Lekma and Yunda Besermians. Izhevsk, 2016.}
- Maksimov 2013 — S. A. Maksimov. Kommentarii k kartam: “Mat’”, “Obrashchenie k materi”, “Babushka — mat' ottsa”, “Babushka — mat' materi”, “Otets”, “Obrashchenie k ottsu”, “Dedushka — otets ottsa”, “Dedushka — otets materi”, “Otchim”. In: Dialektologicheskii atlas udmurtskogo yazyka: Karty i kommentarii. Vyp. III. Izhevsk, 2013. S. 204—258. {S. A. Maksimov. Commentary on the cards: “Mother”, “Appeal to mother”, “Grandmother is the mother of the father”, “Grandmother is the mother of the mother”, “Father”, “Appeal to the father”, “Grandfather is the father of the father”, “Grandfather is the father of the mother”, “Stepfather”. In: Dialectological atlas of the Udmurt language: Maps and comments. Issue III. Izhevsk, 2013. P. 204—258.}
- Maksimov 2018 — S. A. Maksimov. O permskom slovoobrazovatel'nom suffikse sushchestvitel'nykh s lokal'nym znacheniem — udm. *-ñi* // komi *-in*. In: Linguistica Uralica. 2018. T. 54. Vyp. 4. S. 270—285. {S. A. Maksimov. On the Permian word-formation suffix of nouns with local meaning — udm. *-ñi* // komi *-in*. In: Linguistica Uralica. 2018. Vol. 54. Issue 4. P. 270—285.}
- Perevoshchikov 1959 — P. N. Pepevoshchikov. Deeprichastiya i deeprichastnye konstruksii v udmurtskom yazyke. Izhevsk, 1959. {P. N. Perevoshchikov. Adverbs and adverbial constructions in the Udmurt language. Izhevsk, 1959.}
- Serebrennikov 1963 — B. A. Serebrennikov. Istoricheskaya morfologiya permskikh yazykov. Moskva, 1963. {B. A. Serebrennikov. Historical morphology of the Permian languages. Moscow, 1963.}
- Tarakanov 1984 — I. V. Tarakanov. Povelitel'noe naklonenie, formy ego vyrazheniya i ikh znacheniya v udmurtskom yazyke. In: Voprosy grammatiki udmurtskogo yazyka. Izhevsk, 1984. S. 25—34. {I. V. Tarakanov. The imperative mood, forms of its expression and their meanings in the Udmurt language. In: Questions of grammar of the Udmurt language. Izhevsk, 1984. P. 25—34.}
- Tepl'yashina 1970 — T. I. Tepl'yashina. Yazyk besermyan. Moskva, 1970. {T. I. Tepl'yashina. Beserman language. Moscow, 1970.}

UKK 2011 — Udmurt kyllehn kylkabdosehz (morfologiez): Todoslyko-dyshetskön izdanie (Morfologiya udmurtskogo yazyka: Nauchno-uchebnoe izdanie) // Otv. red. N. N. Timerkhanova. Izhevsk, 2011. {Morphology of the Udmurt language: Scientific and educational publication // Ed. N. N. Timerkhanova. Izhevsk, 2011.}

UKSHGK 2022 — Udmurt kylyn shoner gozh"yas'kon"ya kyllyukam (Shoner gozh"yas'kon"ya praviloosyn): 55000 pala kyl no kyltehchet (Orfograficheskii slovar' udmurtskogo yazyka (s pravilami pravopisaniya): Okolo 55 000 slov i slovosochetanii). Izhevsk, 2022. {Spelling dictionary of the Udmurt language (with spelling rules): About 55 000 words and phrases. Izhevsk, 2022.}

Uotila 1933 — T. E. Uotila. Zur Geschichte des Konsonantismus in den permischen Sprachen. Helsinki, 1933.

Vakhrushev 1959 — V. M. Vakhrushev. Ob osobennostyakh govorov severnogo dialekta udmurtskogo yazyka. In: Zapiski UdmNII. Vyp. 19. Izhevsk, 1959. S. 228—241. {V. M. Vakhrushev. About the peculiarities of the dialects of the Northern dialect of the Udmurt language. In: Notes of Udmurt Research Institute. Issue 19. Izhevsk, 1959. P. 228—241.}

Wichmann 1987 — Y. Wichmann. Wotjakischer Wortschatz // Aufgezeichnet Y. Wichmann; Bearb. T. E. Uotila, M. Korhonen; Hrsg. M. Korhonen. Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI).

Глагол *некэ-* в тунгусо-маньчжурских языках: функции и развитие значений

Клячко Елена Леонидовна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва);
elenaklyachko@gmail.com

В статье рассматривается глагол *некэ-*, присутствующий в нескольких тунгусо-маньчжурских языках (эвенкийском, эвенском, негидальском, орочком и удэгейском) и обладающий широким набором значений ('делать', 'говорить', 'хотеть', 'ходить', 'охотиться'). Он может также быть эвфемизмом для 'совокупляться'. Кроме того, *некэ-* употребляется как вспомогательный глагол и, в сочетании с наречием 'так', образует дискурсивный коннектор. Он также может использоваться в случаях глагольной анафоры. Цель работы — описать пути развития полисемии. Функции рассматриваемого глагола были кратко изложены в грамматиках и словарях. Однако корпуса устных текстов и эксперименты по элицитации дали мне возможность обнаружить значения, ранее не отмеченные для некоторых языков. Сопоставление языковых данных и сведения из типологии позволяют предположить следующее развитие. Первоначально *некэ-* был глаголом с семантикой абстрактного действия. Далее он стал значить 'хотеть X', где X — другой глагол. Помимо этого, он стал использоваться для ввода идеофонов и, как следствие, превратился в некоторых языках в цитативный глагол. Наконец, абстрактное 'делать' начало означать 'перемещаться' и 'охотиться'. Употребление *некэ-* в значении абстрактного действия также позволило ему использоваться в роли вспомогательного глагола и в составе коннектора. В некоторых диалектах эвенкийского языка *некэ-* заменился монгольским заимствованием — глаголом *кэ-*. Интересно, что, по-видимому, *некэ-* присутствует лишь в языках, упомянутых выше, в то время как в других тунгусо-маньчжурских языках, например нанайском или ульчском, присутствует глагол с аналогичными функциями, но с другой основой. Это может говорить в пользу гипотезы А. М. Певнова о том, что *некэ-* — это основа заимствованного корякского плейсхолдера.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, глаголы речи, дискурс, гезитация, полипредикация, идеофоны

THE TUNGUSIC VERB *NEKE-*: ITS FUNCTIONS AND THE EVOLUTION OF ITS SEMANTICS

Elena L. Klyachko, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow); elenaklyachko@gmail.com

The paper considers *neke-*, a highly polysemic verb present in several Tungusic languages: Evenki, Even, Negidal, Oroch, and Udihe. The meanings of the verb include 'do', 'say', 'want', 'go' and 'hunt'. It also can be a euphemism for 'have sex'. Moreover, *neke-* can also be used as an auxiliary verb or as part of a discourse connective when combined with an adverb meaning 'so', and it can be found in cases of verbal anaphora. The aim of the paper is to explain how this polysemy developed. The functions of the verb have previously been described only briefly in grammars and dictionaries. However, oral corpora and elicitation experiments allowed me to discover additional meanings not previously mentioned for some of the languages. These intralingual comparisons as well as typological data made it possible for me to suggest the following development. The original meaning of the verb was 'do', marking abstract actions. It then evolved to mean 'want X', introducing another verb as X. At the same time, the verb was used to introduce ideophones. This ideophone-introducing function helped develop it into a quotative verb in some of the languages. Finally, the abstract 'do' started to mean 'move' and then 'hunt'. Its abstract 'do'-meaning is what allowed it to be used as an auxiliary and as a part of a connective. In some Evenki dialects, *neke-* was replaced with *ke-*, a Mongolic borrowing, which still retained the functions of *neke-*. Interestingly, the verb seems to be present in the Tungusic languages mentioned above, while other Tungusic languages, such as Ulch or Nanay, have a similarly functioning verb with a different stem. This may support A. M. Pevnov's hypothesis of *neke-* being borrowed into a branch of the Tungusic languages from a Koryak placeholder stem.

Keywords: Tungusic languages, quotative verb, discourse, hesitation, polipredication, ideophones

1. Введение

В словарях и грамматиках тунгусо-маньчжурских языков встречаются глаголы с корнем *nekə-/nixə-* и др. — выбор гласного, палатализованность первого согласного, а также выбор между *k* и *x* варьируются в зависимости от языка. Этот глагол всегда описывается как многозначный. Так, в своей грамматике эвенкийского языка О. А. Константинова указывает, что семантика глагола *nekə-* определяется контекстом [Константинова 1964: 196—197], и выделяет у него следующие значения:

1. намереваться, желать совершить действие;
2. делать, совершать что-либо;
3. идти;
4. давать, дарить;
5. говорить;
6. происходить.

В [Starostin et al. 2003: 869] для тунгусо-маньчжурских языков восстанавливается праформа **leKe* со значениями ‘заниматься чем-л., намереваться, требовать’; ниже, в разделе 3, будет рассмотрена корректность этого сопоставления. В этимологическом словаре тунгусо-маньчжурских языков в статье «*н'экэ-*» [Цинциус 1975: 651]¹ приводится общее толкование ‘заниматься’ и, в отдельности по каждому языку, большое количество значений. Толкования из словарей и грамматик сведены в таблице 1² (использовано написание из [там же]; символ «/» разделяет диалектные варианты). Группировка значений в таблице основана на традиционной группировке толкований в словарях.

Цель настоящей статьи — определить пути развития полисемии глагола *nekə-*. Для этого необходимо было точнее описать его функции, перечислив и обобщив контексты, в которых он употребляется, используя материалы словарей, грамматик, сборников текстов и корпусов текстов, а также — для эвенкийского языка — данные элицитации³. Кроме того, будут отмечены устойчивые сочетания, в которых выступает *nekə-*.

Таблица 1. Значения когнатов эвенкийского *nekə-* в тунгусо-маньчжурских языках по данным словарей и грамматик

	Эвенкийский <i>н'эк- / н'ек- / нэк- / нөк-</i>	Эвенкийский <i>nekə- / нэкэ- / н'ико- / н'икэ-</i>	Негидальский <i>н'экэ- / н'эхэ-</i>	Орочский <i>н'э- / н'эги-</i>	Удэгейский <i>н'эхэ- / н'эхэкэ-</i>
заниматься, действовать, поступать, совершать	+	+	+	+	+
приниматься за; намереваться, собираться, пробовать, пытаться, решать	+	+	+	+ ⁴	+
совокупляться	+*				
проказничать	+*				
передвигаться, ходить, ездить, бродить, летать, путешество- вать, шататься, бездельничать, бродить без цели	+	+*			
давать, дарить		+ ⁵			
говорить		+ ⁵			
происходить		+ ⁵			

¹ Заголовок словарной статьи дан по варианту, присутствующему в одном из диалектов эвенкийского языка. В настоящей работе я буду использовать форму *nekə-*, в глоссах обозначенную как NEKE.

² Знаком * отмечены ситуации, когда значение присутствует только в отдельных диалектах.

³ В примерах сохраняется графика источника. Если в источнике были глоссы, они могли быть изменены для унификации; для неглоссированных источников глоссы мои.

⁴ От формы *н'экун-*.

⁵ [Константинова 1964].

2. Данные тунгусо-маньчжурских языков

В настоящей работе я рассматриваю данные эвенкийского, эвенского, негидальского, удэгейского и ороцкого языков. Родство тунгусо-маньчжурских языков между собой не вызывает сомнений, однако вопрос о внутренней организации этой группы языков до сих пор остается предметом дискуссий (см. [Oskolskaya et al. 2021]). Поскольку в этой статье затронута этимология глагола *некэ*-, ниже приведен один из вариантов разделения тунгусо-маньчжурских языков на ветви.

Таблица 2. Классификация тунгусо-маньчжурских языков
(согласно [Oskolskaya et al. 2021] и [Певнов 2022])⁶

Подгруппа в [Oskolskaya et al. 2021]	Подгруппа в [Певнов 2022]	Языки
Ewenic	тунгусская ветвь	эвенкийский, эвенский, негидальский, солонский, ороцкий
Orochic	сихотэ-алинская ветвь	удэгейский, ороцкий
Jurchenic	чжурчжэньская ветвь	маньчжурский, чжурчжэньский, сибирский
Nanaic	амуро-сахалинская ветвь	нанайский, ульчский, орокский

Один из спорных вопросов — место сихотэ-алинской ветви. Традиционно она считается частью южной подгруппы (вместе с чжурчжэньской и амуро-сахалинской ветвями), однако, по другим представлениям, эта ветвь отделилась от северной, тунгусской ветви, испытав затем ареальное влияние языков южной подгруппы.

В [Цинциус 1975] *некэ*- зафиксирован только в эвенкийском, эвенском, негидальском, удэгейском и ороцком языках. Кроме того, как будет показано ниже, *некэ*- встречается в кур-урмийском нанайском — идиоме, статус которого как диалекта нанайского носит дискуссионный характер [Doerfer 1975] из-за обилия северно-тунгусских черт на всех уровнях языка, иногда он даже считается смешанным эвенкийско-нанайским языком [Певнов 2012]. К сожалению, данных по кур-урмийскому нанайскому недостаточно для выявления значений *некэ*-. В источниках по другим тунгусо-маньчжурским языкам найти глагол, схожий по форме и по семантике с *некэ*-, мне не удалось.

2.1. Эвенкийский язык

При анализе данных эвенкийского языка необходимо учитывать его диалектное разнообразие, описанное, в частности, Г. М. Василевич [Василевич 1948], Н. Я. Булатовой [Булатова и др. 1997]. Традиционно диалекты эвенкийского языка группируются в три наречия: северное, южное и восточное. Доступные корпуса текстов [Эвенкийский корпус ИЯз РАН; Эвенкийский корпус ИЭА РАН; Däbritz, Gusev 2021] включают в основном тексты говор северного и, в меньшей степени, южного наречий (т. е. на говорах западных эвенков), в то время как эксперименты по элицитации проводились мною у восточных эвенков (говоры Хабаровского края, Якутии, Амурской области). Как отмечается в [Василевич 1958: 286], наборы значений у *некэ*- зависят от диалекта: ‘ходить’ Г. М. Василевич находит только у говор восточного наречия (при этом выделяет его в отдельный словарный вход). Произнесение (*пэкэ*-/*пикэ*-/*пакэ*-) также диалектно обусловлено. В [Цинциус 1975: 651] непалатализованный первый согласный указан для нерчинского, токкинского, тунгирского и хинганского говор восточного наречия; вариант *пикэ*- — для учурского говора восточного наречия; для других говор указан вариант *пэкэ*-. При этом в озвученных корпусах текстов произнесение *пикэ*- встречается и для северного наречия. В примерах сохраняется написание источника.

2.1.1. Функции *некэ*-

В таблице 3 приведены подсчеты частотности значений/функций *некэ*- по [Эвенкийский корпус ИЯз РАН] (35 тысяч словоупотреблений). Корпус содержит в основном тексты на диалектах северного и южного наречий, чем объясняется редкость использования *некэ*- в значении ‘идти/ехать’, которое характерно для говор восточного наречия.

⁶ В перечисленных работах списки языков различны; в столбце 3 языки указаны по [Oskolskaya et al. 2021].

Таблица 3. Функции глагола *некэ-* в [Эвенкийский корпус ИЯз РАН]

Функция	Число употреблений
В составе коннектора	43
‘Собираться’	28
‘Вести себя / заниматься / поступить’	18
Глагольная анафора	12
‘Говорить / издавать звук’	1
‘Идти/ехать’	1
Неясная функция	1
<i>Всего:</i>	<i>104</i>

Ситуации, в которых употребляется *некэ-*, можно разделить на три класса.

1. Выражение глагольной анафоры (1), а также употребление в составе коннектора (2):

- (1) *tar ge:-tki d̄ārew̄nə-tki: ɲənə-ktə hi: ge:-tki: ɲəkə-kəl.*
 тот другой-ALL деревня-ALL идти-IMP.1SG 2SG другой-ALL НЕКЕ-IMP.2SG
 ‘Пойду-ка я в одну деревню, ты в другую **иди**’ (илимпийский диалект, северное наречие).

В примере (1) *некэ-* можно было бы интерпретировать и просто как ‘ходить’, но нигде больше в текстах этого же рассказчика оно не встречается в таком значении. В (2) *некэ-* употребляется с наречием *tug* ‘так’, образуя коннектор (подробнее эти конструкции будут рассмотрены ниже).

- (2) *mo:-l-d̄ji alba-wki:-l no:du-ɣat-t̄a-mi*
 дерево-PL-INS не.мочь-РНАВ-PL бросить-ITER-IPFV-CVCOND
tuɲ ɲikə-rə-n=d̄a: ge: ahi: gu-s̄ʔ.
 так НЕКЕ-NFUT-3SG=FOC другой женщина сказать-PANT
 ‘Палками не могут бросаться. **Потом** другая женщина сказала’ (илимпийский диалект, северное наречие).

2. Выражение проспективного и деидеративного значений в сочетании с целевыми конвербами ((3)—(6)). В таких контекстах он обычно переводится на русский язык словами ‘собираться’, ‘хотеть’. При отнесении события к прошлому, как правило, подразумевается, что действие так и не было выполнено. В корпусе встречаются и агентивные, и неагентивные употребления (5). При элицитации также порождались неагентивные употребления, например (6).

- (3) *ɲəktirə:-l-d̄a:-ji ɲəkə-d̄ʔ-t̄fo:-w.*
 выстрелить-INCH-CVPURP-RFL НЕКЕ-IPFV-PST-1SG
 ‘Я **собрался** выстрелить’ (подкаменнотунгусский диалект, южное наречие).
- (4) *utuko:n ulgur-w hilba-da:-ji hilba-da:-ji ɲəkə-d̄ʔ-Ø-m.*
 один рассказ-ACC сообщить-CVPURP-RFL сообщить-CVPURP-RFL НЕКЕ-IPFV-NFUT-1SG
 ‘Я **хочу** рассказать один рассказ’ (илимпийский диалект, северное наречие).
- (5) *t̄igd̄a-l-da:-ji ɲəkə-d̄ʔ-rə-n.*
 идти(о.дожде)-INCH-CVPURP-RFL НЕКЕ-IPFV-NFUT-3SG
 ‘Скоро пойдет дождь [= **Собирается** идти дождь]’ (элицитация; витимо-тунгино-олекминские говоры, северное наречие).
- (6) *tar b̄ajə bu-da:-ji ɲəkə-d̄ʔ-rə-n*
 тот человек умереть-CVPURP-RFL НЕКЕ-IPFV-NFUT-3SG
 ‘Тот человек уже при смерти [= **собирается** умереть]’ (элицитация; витимо-тунгино-олекминский диалект, северное наречие).

В (7) *ɲəkə-*, как и в (6), употребляется с глаголом *bu-* ‘умирать’, правда, в переводе заложена несколько большая степень агентивности. Непонятно, насколько этот перевод соответствует намерениям говорящего:

- (7) *с̄б-мат эр̄эйд̄эни-к̄с̄э, т̄этти-н āчин̄ б̄-ч̄ā,*
 сильный-INTS-ADVZ мучиться.SAH-CVANT одежда-POSS.3SG NEG стать-PANT

д'э-мӯ-клицэ, бу-дэ-ви **н'экэ-д'э-рэ-н.**
съесть-DES-? умереть-CVPURP-RFL **НЕКЕ-IPFV-NFUT-3SG**

‘Измучившись вконец, оставшись без одежды, голодный, собрался умирать’ ([Василевич 1966: 34, 193]; буреинско-урмийско-амгунский диалект, восточное наречие)⁷.

В классах 1 и 2 указаны ситуации, когда *некэ*- используется в какой-либо конструкции (с целевым конвербом или в составе коннектора) либо выступает в роли анафоры. В противоположность этому, есть и примеры с *некэ*- вне конструкций.

3. Употребление в качестве автономной единицы в различных значениях.

(а) ‘Заниматься, вести себя, поступить’ ((8), (10), (11)). Часты и употребления в вопросах «что делать?», «как поступить?», которые говорящие задают сами себе, как в (12)⁸, или в отношении других лиц.

(8) *itʃə-tʃə-li-Ø-m* *on nuŋartin jəkə-l-dʲərə.*

видеть-DUR-IPFV-INCH-NFUT-1SG как 3PL **НЕКЕ-INCH-FUTCNT.3PL**

‘Я стал смотреть, как они **будут себя вести**’ (подкаменнотунгусский диалект, южное наречие).

(9) *aʃa-t in-ŋəhi-wər utələ jəkəŋda-gon nuŋartin hitə-mətə-t jəkə-ŋki-tin.*

хороший-ADVZ жить-CVANT-RFL.PL раньше Эконда-GEOGR 3PL пустяк-INTS-ADVZ **НЕКЕ-PST.ITER-3PL**

‘Раньше, пока жители Неконды (т. е. Эконды) хорошо жили, они плохо **поступали**’ (илимпийский диалект, северное наречие).

(10) *taduk-pər əhi:-koko:n pensijə-lo:-ji huru-Ø-m=do*

потом-RFL.PL сейчас-INTS пенсия-LOCALL-RFL пойти-NFUT-1SG=FOC

təʒə-t-mə o-da-m e:wa=da ə-ŋnə-Ø-m jəkə-rə.

сесть-DUR-ADJZ статья-NFUT-1SG что-ACC=FOC NEG-HAB-NFUT-1SG **НЕКЕ-PNEG**

‘Потом вот сейчас на пенсию пошел и стал сидеть, ничего не **делаю**’ (илимпийский диалект, северное наречие).

(11) *Ōn=da n'əkə-d'ə-kəl.*

как=FOC **НЕКЕ-IPFV-IMP.2SG**

‘**Поступай** как знаешь [= **Поступай** как-либо]’ ([Василевич 1966: 135, 288]; подкаменнотунгусский говор, южное наречие).

(12) *он некэ-дерэ-в дьава-в-дя-ндэ=зү пэктырэн-де-рэ-в=зү?*

как **НЕКЕ-FUTCNT-1PL.EXCL** поймать-PASS-FUTCNT-2SG=INTERROG выстрелить-PASS-FUTCNT-2SG=INTERROG

‘Что **сделаем**, сдашься ли или стрелять будем?’ ([Эвенкийский корпус ИЭА РАН]; илимпийский диалект, северное наречие).

Аргументом *некэ*- в указанных значениях обычно служит наречие (*он* ‘как’ в (8), *hitəmətət* ‘плохо, напрасно’ в (9) и т. п.) или местоимение *e:kun* ‘что’ в винительном падеже; других вариантов аргументной структуры в текстах корпусов нет.

(b) ‘Ходить (часто — за добычей, охотиться)’; ‘ехать’ ((13)—(15)):

(13) *a jəkə:-ŋ-i noŋon inəŋ jəkə-ji-tʃi-Ø-m.*

INTJ соболю-ALIEN-ACC.RFL сначала днем **НЕКЕ-INCEP-DUR-NFUT-1SG**

‘А, за сободем раньше днем **начинаю ходить**’ (тугуро-чумиканский диалект, восточное наречие).

(14) *Би гиркй-йэ-ви гэлэ-ктэ-рй, некэ-йэ-рй бэйэ би-хи-м.*

1SG друг-ACCIN-RFL искать-DSPRS-PSIM **НЕКЕ-IPFV-PSIM** человек быть-NFUT-1SG

‘Я человек, который друга себе **ходит** [и] ищет [= Я ищущий друга, **ходящий** человек]’ ([Василевич 1966: 26, 185]; буреинско-урмийско-амгунский диалект, восточное наречие).

(15) *Тадү-ка гунэ-Ø-м дигин халган-д'и-ви ил-лаки-в*

там=FOC сказать-NFUT-1SG четыре нога-INS-RFL встать-CVCOND-1SG

⁷ В оригинальном тексте *арай дэниксэ*, однако глагола *дэни-* в словарях нет. Форма *эрэйдэниксэ* от глагола, заимствованного из якутского языка, встречается в сборнике фольклора с тем же переводом, поэтому думаю, что в данном случае это ошибка словоделения в оригинальном тексте. Форма *д'э-мӯ-клицэ* неясна.

⁸ Если бы вопрос был адресован слушающему, использовалась бы инклюзивная форма 1-го лица множественного числа.

талe айа-кан-д'и некэ-й̄-диӯ-т.

тогда хороший-DIM-ADVZ НЕКЕ-IPFV-FUT-1PL.INCL

‘(конь говорит седоку:) если я встану на них (туда) четырьмя ногами, дальше поедem хорошо’ ([там же: 29, 187—188]; буреинско-урмийско-амгунский диалект, восточное наречие).

(с) ‘говорить’; ‘издавать звук’. Таких примеров в корпусах немного ((16), (17)), причем, как правило, это не собственно ‘сказать’, а глагол для ввода идеофона. Так, в (17) *некэ-* вводит звукоподражательное *mmm*. Аналогично в (18) глагол вводит идеофон: как указано в комментарии, «лурт — звукоподражательное слово, обозначающее и негромкий рык медведя (неожиданно разбуженного), и резкое движение (поворот) медведя внутри берлоги»:

(16) *кирē тар-м̄-вэ=гу некэ-де-Ø-ндэ?*

INTJ тот-ATTEN-ACC=INTERROG НЕКЕ-IPFV-NFUT-3SG

‘Фу, про него, что ли, говоришь?’ ([Эвенкийский корпус ИЭА РАН]; илимпийский диалект, северное наречие).

(17) *patom doldi-Ø-m mmm лэкэ-д'э-ри:-wэ.*

потом.R услышать-NFUT-1SG ONOM НЕКЕ-IPFV-PSIM-ACC

‘Потом слышала, как делает «mmm» (о рёве медведя)’ (подкаменнотунгусский диалект, южное наречие).

(18) *Лурт некэ-пк̄и*⁹.

ONOM НЕКЕ-РНАВ

‘«Лурт» делает (медведь)’ ([Варламова и др. 2021: 276, 277], витимо-олекминско-тунгирские говоры, восточное наречие).

О. А. Константинова [Константинова 1964: 196—197] приводит пример ((19); интервокальное *c* указывает на южное наречие):

(19) *Тавар ас̄и хитэ-сэл-вэ некэ-де-рэ-н.*

тот женщина пустяк-PL-ACC НЕКЕ-IPFV-NFUT-3SG

‘Ты, женщина, говоришь пустяки [= Та женщина **говорит** пустяки]’ (южное наречие).

Пример (20) из сборника исторического фольклора можно отнести к первому классу (‘происходить’). С другой стороны, вопрос по сюжету сказки относится к слышимому снаружи пению и перед ним задавался вопрос «Кто поет?» с использованием глагола *хэгэ-* ‘петь’.

(20) *Ёкун н'экэ-д'э-рэ-н?*

что НЕКЕ-IPFV-NFUT-3SG

‘Что это?’ ([Василевич 1966: 125, 278]; джелтулакский диалект, восточное наречие).

2.1.2. *лэкэ-* в составе коннекторов

Как указано в таблице 3, использование *некэ-* в составе коннекторов — это наиболее частотные его употребления в корпусе. В [Grenoble 2012: 17] описываются «лексикализованные коннекторы, образованные от ⟨...⟩ *тар* ‘тот’ и деепричастия предшествования от *лэкэj-* ‘идти’»¹⁰, которые «указывают на временную связь между двумя предложениями». Многочисленные примеры показывают, что такие коннекторы образуются и при помощи *tug* ‘так’, как в (2), где конструкция *tug* ‘так’ + *некэ-* не замещает конкретный глагол, а отсылает к ситуации. Интересно, что в этих коннекторах конечное *g* в *tug* обычно назализуется перед *л*, что характерно для границы морфем, а не словоформ.

2.1.3. *кэ-* вместо *некэ-*

В диалектах Иркутской области, Бурятии, относящихся к разным наречиям, но ареально сравнительно близких: ербогаченском (северное наречие), токминско-верхоленском (восточное наречие), баргузинском (восточное наречие), непском (южное наречие), — вместо *некэ-* используется *кэ-*. Оно было заимствовано из монгольских языков, контактировавших с эвенкийским. Это заимствование отмечал еще

⁹ Так в тексте; в наших полевых данных из Тяни начальный *н* непалатализованный; согласно [Василевич 1958], для тунгирского диалекта, которому близок говор Тяни, характерно отсутствие палатализации.

¹⁰ Такой выбор толкования, очевидно, связан с работой Л. Гренобль с восточными диалектами эвенкийского языка, в которых *некэ-* гораздо чаще значит ‘ходить’.

Н. Н. Поппе в описании баргузинского диалекта эвенкийского языка [Поппе 1927: 47]. В баргузинском диалекте бурятского языка существует особый глагол, используемый в коннекторах при анафоре и образованный от наречия ‘так’ и того же корня *ki*- [Morgunova 2018].

Интересно, что в (21) *кэ*- употребляется в тексте, записанном в с. Тяня (Олекминский район Якутии; витимо-тунгиро-олекминские говоры, восточное наречие). Территориально говор Тяни близок к говорам Иркутской области. При этом, судя по текстам и результатам элицитации, в целом для этого говора характерно употребление *некэ*-; не совсем понятно, чем вызвано употребление именно *кэ*- у конкретного носителя — И. К. Габышева, всю жизнь прожившего в Тяне, учившегося в Ленинграде.

- (21) *Сй дев-деуэ кэ-де-Ө-нни, сй нонон-дэ-кол.*
 2SG съесть-POST **КЕ-IPFV-NFUT-2SG** 2SG начать-IPFV-IMP.2SG
 ‘Ты **хочешь** жрать, ты и начинай’ ([Варламова и др. 2021: 164, 165]; витимо-тунгиро-олекминские говоры, восточное наречие).

Ср. в книге Л. В. Сивцевой, уроженки Тяни, которая стремится в своих пособиях отражать особенно-сти родного говора:

- (22) *Эңнэкэн-мэ эри-де-м, эви-дэ-ви нэкэ-де-м.*
 олененок-ACC позвать-FUTCNT-1SG играть-CVPURP-RFL **НЕКЕ-FUTCNT-1SG**
 ‘Олененка позову, играть **соберусь**’¹¹ ([Сивцева 2009: 78]; витимо-тунгиро-олекминские говоры, восточное наречие).

В примере (21) привлекает внимание и форма глагола, обозначающего планируемое действие (причастие будущего времени, в отличие от обычно употребляющейся формы целевого конверба, как в (22)).

Как *некэ*-, *кэ*- может использоваться в коннекторах в сочетании с *tug*¹² ‘так’ (23) или иметь значение ‘вести себя’ (24), однако, в отличие от обычных употреблений *некэ*-, выступает в роли вспомогательного глагола, означающего спонтанное, быстрое действие (в словарной статье [Василевич 1958: 226] примеры переводятся с использованием выражения ‘взять да и’). Смысловый глагол при этом может быть как в личной форме (25), так и в форме заимствованного из монгольских языков деепричастия на *-mmin* (26):

- (23) *tuk кэ-дэ-нэ abdun-dula: turga-Ө-м.*
 так **КЕ-IPFV-CVSim** берлога-LOCALL наткнуться-NFUT-1SG
 ‘Так [делая,] наткнулся на берлогу’ (ербогаченский диалект, северное наречие).
- (24) *он кэ-дэ-Ө-ннэ e:da tuʔi?*
 как **КЕ-IPFV-NFUT-2SG** зачем так
 ‘Как, зачем так делаешь?’ (ербогаченский диалект, северное наречие).
- (25) *bi ко-ѳо d'aw-ra:-hinə-Ө-м.*
 1SG **КЕ-PST-1SG** лодка-VBLZ-INCEP-NFUT-1SG
 ‘Я поплыл на лодке [= **взял да** и поплыл на лодке]’ (токминско-верхоленский диалект, восточное наречие).
- (26) *Кө-Ө-м поктру-ли-ммин.*
КЕ-NFUT-1SG выстрелить-INCH-CVPOST
 ‘Выстрелил [= **взял да** и стал стрелять]’ ([Василевич (полевые материалы): лл. 3, 4]; непский диалект, южное наречие).

В текстах того же региона можно найти и случаи употребления *некэ*- с формой на *-mten*. Например, в (27) (текст записан в Каларском районе, Забайкалье) он употреблен скорее в значении ‘начать’ (хотя в смысловом глаголе также присутствует инхоативный показатель). В (28) из перевода неясна функция *некэ*-: возможно, быстрота действия или смена действий; показательно употребление заимствованной формы на *-mten*.

- (27) *Де-му:-ми-кэ:к саһил эмэ-чэ: гэлэ:-ли-мме:н некэ-чэ:*
 съесть-DES-ATTEN-CVANT лиса прийти-PANT просить-INCH-CVPOST **НЕКЕ-PANT**
 ‘Проголодавшись, лиса пришла и стала просить’ ([Варламова и др. 2021: 170—171]; витимо-тунгиро-олекминские говоры, восточное наречие).

¹¹ Перевод мой. — Е. К.

¹² *g* может оглушаться перед *кэ*-, аналогично тому, как этот звук назализуется перед *некэ*-, — оба явления характерны для границы морфем.

- (28) *Дас-ты-мме:н* *некэ-чэ*.¹³
 накрыть-DSPRS-CVPOST NEKE-PANT
 ‘Прикрыла всё это’ ([там же: 208]; витимо-тунги́ро-олекминский диалект, восточное наречие).

Примеров *кэ-* в корпусах текстов немного, и его употреблений для ввода идеофонов не найдено.

2.1.4. *некэ-* в кур-урмийском нанайском

Показательно, что в кур-урмийском диалекте нанайского языка — идиоме, «совмещающем в себе в равной степени черты эвенкийского, нанайского и удэгейского языков» [Калинина, Оскольская 2016: 294], — существует наречие *ту:нэкэрэ* ‘потом’ (от *туj нэкэ-рэ* так делать-CVB) [Суник 1958: 194]. В словаре [там же] *нэкэ-* не зафиксирован, но встречается в текстах, например (29), где он вводит идеофон:

- (29) *ас'э* *ок'иа* *гожда-ми* *би-чэла-и*
 сейчас сколько длиться-CVB.SIM быть-CVB.ANT-RFL
э́та=ка *ат́а-ва-н́и* *дэмэр.дэмэр* *на́кэрэ* *ин-э*.
 что=PTCL рот-ACC-3SG.POSS щекотно делать-CVB.ANT сказать-CVB.ANT
 ‘Через некоторое время как будто что-то ее губы **щекочет**’ ([Кур-урмийский корпус]; текст 5 из [Суник 1958]).

2.1.5. Другие значения

В рассмотренных корпусах и сборниках текстов не встретились употребления в функции ‘давать’, ‘дарить’, отмеченные О. А. Константиновой. Впрочем, ее пример (30) показателен тем, что в нем в целом описывается неопределенная ситуация (‘дали всякую всячину’). Вероятно, здесь *некэ-* означает скорее неконкретизированное действие:

- (30) *кууакэ-р-дү* *антытыкин-ма* *некэ-чэ-тын*.
 ребенок-PL-DAT разнообразный-ACC NEKE-PST-3PL
 ‘Детям дали всякую всячину’ [Константинова 1964: 196].

2.2. Негидальский язык

В таблице 4 приведены подсчеты частотности тех или иных значений по корпусу [Pakendorf, Aralova 2017] (было проанализировано около 42 тысяч словоупотреблений).

Таблица 4. Функции глагола *некэ-* в корпусе [Pakendorf, Aralova 2017]

Функция	Число употреблений
В составе коннектора	22
‘Собираться’	35
‘Вести себя / заниматься / поступить’	29
Плейсхолдер (препаративная замена / подстановка, или заместитель, — слово, замещающее основу, которую говорящий не может или не хочет назвать [Подлеская, Кибрик 2003])	6
‘Издавать звук’	9
Неясная функция	2
<i>Всего:</i>	<i>103</i>

2.2.1. Функции *на́кэ-*

Функции *некэ-* в негидальском во многом аналогичны его функциям в эвенкийском языке.

1. Употребление в составе коннектора (31). В некоторых текстах коннектор уже не относится к конкретному действию ((31), (33)) и переводится как ‘поэтому’, ‘хотя’:

¹³ См. примеч. к примеру.

- (31) *taj nekomi gie-β jaskun-a:n tik-kə-n.*
 так НЕКЕ-CVCOND друг-POSS.1SG упась.ничком-CVANT упась-NFUT-3SG
 ‘Так **делаю**, подруга (споткнулась и) вперед упала’ [Pakendorf, Aralova 2017].
- (32) *ti: nekomi kaltal-la-Ø nojanman kaltal-la-Ø.*
 так НЕКЕ-CVCOND разделить-NFUT-3PL 3SG.ACC разделить-NFUT-3PL
 ‘Поэтому шкуру разрезают на половину [= пополам]’ [ibid.].
- (33) *taj nekomi osoki-n do:-du-n bi-təa-n*
 так НЕКЕ-CVCOND печь-POSS.3SG место.внутри-DAT-POSS.3SG быть-PST-3SG
huju-βu-pla ulə tigə do:-du-n.
 кипеть-TR-PASS.PTCP мясо посуда место.внутри-DAT-POSS.3SG
 ‘Хотя у нее в печке в кастрюле было сваренное мясо’ [ibid.].

Примеров употребления, которые могли бы интерпретироваться как глагольная анафора, в корпусе не найдено.

2. Выражение проспективного значения в сочетании с целевыми конвербами ((34)—(36)). Как и в эвенкийском, может выражаться невыполненное намерение, как в (35); встречаются и неагентивные употребления.

- (34) *jeru-βkan-da-j nek-je-n məjga-ja-n.*
 есть-CAUS-CVPURP-RFL НЕКЕ-NFUT-3SG думать-NFUT-3SG
 ‘«Накормить меня **хочет**», — думает’ [ibid.].
- (35) *ni jeb-da-j nek-l-ləki-n ətə-jə-n gun-ə-Ø bəjə.*
 PTCL.R съесть-CVPURP-RFL НЕКЕ-INCH-CVCOND-3SG прийти-NFUT-3SG сказать-NFUT-3PL человек
 ‘Только **хотел** кушать, тут человек появился [говорят]’ [ibid.].
- (36) *itəe-t-təe-Ø siβu-ŋi-tin ələ təgə-da-j nek-l-təa.*
 видеть-DUR-NFUT-3PL солнце-ALIEN-POSS.3PL уже сесть-CVPURP-RFL НЕКЕ-INCH-PANT
 ‘Смотрят — солнышко скоро сядет [= сесть **стало собираться**]’ [ibid.].

3. Употребление в качестве автономной единицы в различных значениях: ‘заниматься, вести себя, поступить, происходить’, часто в вопросительных предложениях:

- (37) *təpko-l-təa o:j e:kun-ma o-du nek-Ø-s?*
 крикнуть-INCH-PST INTJ.R что-ACC этот-DAT НЕКЕ-NFUT-2SG
 ‘Кричит: «О-о-о, что ты тут **делаешь?**»’ [ibid.].
- (38) *tigdə-βə=ləkə on nek-jə-s tigdə konečno so:*
 дождь-ACC=PTCL как НЕКЕ-QFUT-3SG дождь конечно.R сильный
 ‘С дождем же что сделаешь? Дождь, конечно, сильный’.

В (39) использование *некэ*- больше похоже на употребление в роли плейшолдера, заменяющего глагол, который говорящий не хочет или не может произнести:

- (39) *bi-si-Ø uŋun-ə-Ø uŋun ulgutəa-mat-nakan e:kun-ma=kə nek-ja-Ø.*
 быть-NFUT-3PL PH-NFUT-3PL PH рассказать-RECP-CV SIM что-ACC=PTCL НЕКЕ-NFUT-3PL
 ‘Находятся, что-то делают, разговаривая между собой, что-то **делают**’ [ibid.].

4. Ввод идеофонов:

- (40) *e:=laka kapor kapor nek-ja-n?*
 что=PTCL ONOM ONOM НЕКЕ-NFUT-3SG
 ‘Где это хруст-хруст **делается?** [= Что же **делает** хруст-хруст]’ [ibid.].

2.3. Эвенский язык

В отличие от эвенкийского и негидальского, в корпусе эвенского языка [Pakendorf, Aralova 2009—2013] не удалось обнаружить употреблений глагола *некэ*- в составе коннекторов. Кроме того, в корпусе нет примеров со значениями ‘ходить’ или ‘совокупляться’, отмеченных в словарях. К сожалению, объемы данных по эвенскому языку не позволяют сделать вывод о диалектной обусловленности тех или иных значений.

2.3.1. Функции *некэ-*

1. Выражение проспективного и дезидеративного значений в сочетании с целевыми конвербами (41). В (42) по контексту имеется в виду именно неконтролируемое действие (в английском переводе — *is about to give birth*).

(41) *тэсэ-б-дэ-с* *нек-рэ-м.*
 чистить-PASS-CVB.PURP-2SG V-NFUT-1SG
 ‘Хочу, очистись [= чтобы ты очистился]’ [Евангелие от Луки: 23].

(42) *tar tar gja dzul-ep tar ja-du abyčaj*
 тот тот следующий перед-ADJZ тот что-DAT обычай.R
tradicija ahī balda-da-j nek-rek-e-n.
 традиция.R женщина родить-CVPURP-RFL НЕКЕ-CVCOND-EP-3SG
 ‘Другой прежний в чем-то обычай, традиция, когда женщина **собирается** рожать’ [Pakendorf, Agalova 2009—2013].

2. Употребление в качестве автономной единицы в значениях ‘заниматься, вести себя, поступить, происходить’ (43), в том числе в вопросительных предложениях (44):

(43) *eridzikulit-u nek-e-l-le-n.*
 радикулит-POSS.1SG НЕКЕ-EP-INCH-NFUT-3SG
 ‘Радикулит мой **разыгрался**’ [ibid.].

(44) *on nek-ŋe?*
 как НЕКЕ-POL.IMP
 ‘Что делать?’ [ibid.].

3. Употребление в значении ‘говорить’: в корпусе примеров не нашлось, однако в сборниках текстов такие случаи есть:

(45) *яқ некэ-д-дэ-н дэбэр дэбэр дэбэр!*
 что НЕКЕ-PROG-NFUT-3sg человек человек человек
 ‘Кто-то **вскрикнул**: «Человечек, человек! Человечек!» [Кастен, Авак 2014: 60, 61].

2.4. Удэгейский и орочский языки

В словарях для удэгейского и орочского указаны значения ‘делать, заниматься’ и ‘собираться’, что находит отражение и в текстах:

(46) *ја-вэ ɲахэ-зэ-Ø uti?*
 что-ACC НЕКЕ-SUBJ-3PL этот
 ‘Что они **будут делать**? [Шнейдер 1937: 64, 65].

(47) *bata jəu-xi ɲənə-lət ɲахэ-ɲi?*
 мальчик что-DIR идти-CVB НЕКЕ.PRS-2SG
 ‘Мальчик, куда **собираешься** идти?’ [там же: 76, 77].

Кроме того, в грамматиках отмечено использование *некэ-* в качестве вспомогательного глагола, например для обозначения повторения действия:

(48) *tiŋmeli-ge te:gi-ge ni:xe:-ni.*
 упасть-PF встать-PF НЕКЕ.PST-3SG
 ‘Он **постоянно** падал и вставал’ [Nikolaeva, Tolskaya 2011: 281].

Впрочем, судя по (49), этот глагол может выступать и в составе коннектора (в переводе коннектор опущен):

(49) *ute ni:xe-mi ni:xe-mi silikte-tigi gualan-a-i za: činda-tigi guala-na-i*
 этот **неке**-INF неке-INF червь-LAT превратиться-0-PRS.PTCP десять птица-LAT превратиться-0-PRS.PTCP
ɲatakta-tigi guala-na-i tu: a:-i ele-ele zawa-iti.
 комар-LAT превратиться-0-PRS.PTCP весь гнаться-PRS.PTCP еле-еле.R поймать-PRS.3PL
 ‘После того как она в червей превратилась, превратилась в десять птичек, потом в комаров, и всё убегает, вот-вот её поймут’ [Nikolaeva et al. 2019].

3. Обсуждение

3.1. Сводная таблица

В таблице 5 приведены сведения по эвенскому, эвенкийскому, негидальскому и удэгейскому языкам согласно текстам и данным элицитации (для эвенкийского).

Таблица 5. Сводная таблица значений/функций когнатов эвенкийского *некэ*- по данным корпусов и элицитации

	Эвенский	Эвенкийский	Негидальский	Удэгейский
‘делать, заниматься’	+	+	+	+
‘собираться, хотеть’	+	+	+	+
использование в составе коннектора	–	+	+	+
использование как вспомогательного глагола (для передачи характера действия: быстрое действие, повторяющееся действие)	–	+	–	+
‘издавать звук’ (в основном в функции ввода идеофонов)	+	+	+	–
‘ходить’	–	+	–	–

3.2. Проблема этимологии *некэ*-

В [Starostin et al. 2003: 869] глагол *некэ*-, присутствующий в северной группе тунгусо-маньчжурских языков (эвенкийский, негидальский, эвенский), а также в удэгейском и ороческом, сопоставляется с маньчжурским *lexe*- ‘требовать’, а также — под вопросом — с нанайским словом *лэксир*. В [ibid.] данное слово толкуется как ‘сбыться (о примете)’, но, судя по исходной статье в [Цинциус 1975: 515], это идеофон: значение ‘сбыться’ передается словосочетанием *лэксир* + ‘стать’. Предлагаемый пратунгусский корень далее сопоставляется с прамонгольским глаголом ‘преследовать, требовать’, прапюньским ‘требовать’, пракорейским ‘рассматривать’.

Интересно, что в материалах по солонскому языку [Поппе 1931: 61] приведен глагол *nexêlde-/nêxêldi*- ‘преследовать, гнаться’, который сам Н. Н. Поппе сопоставляет как с монгольским *neke*- ‘преследовать’, так и с собственно эвенкийским *некэ*-. Глагол *lexe*- с тем же значением (‘*nacheilen, verfolgen*’) есть и в сибирском [Stary 2017]. При этом маньчжурский глагол *lexe*-, переводящийся как ‘требовать’, вероятно, имеет более узкое значение. Так, в [Захаров 1875: 583] данный глагол толкуется как «требую после удовлетворения и получения, как недовольный и раскаявшийся, что согласился на сделку, объявляю претензию, возобновляю иск — тяжбу — проигранный процесс, снова обжалую, переношу на апелляцию, требую взыскания, взыскиваю, требую прибавки при продаже и покупке»; согласно [Norman 2013: 250], он значит: «1. to remain unsatisfied after obtaining something; 2. to continue to complain after some matter is concluded; 3. to go back on one’s word»¹⁴. Как видим, оба автора отмечают в семантике этого глагола компоненты ‘жаловаться (в судебном порядке)’ и ‘желать «отыграть назад» решение, принятое ранее’, что еще больше отдаляет его от солонского и сибирского ‘преследовать’, от тунгусских когнатов эвенкийского *некэ*-, да и вообще от глаголов речи. Кроме того, несмотря на приведенные выше сибирский и солонский примеры, в целом соответствие тунгусского **ñ*- маньчжурскому *l*- пока недостаточно подтверждено (см. реконструкцию в [Robbeets, Oskolskaya 2022]). Можно реконструировать пратунгусское **neke*, соответствующее эвенкийскому и эвенскому *пәкә*, негидальскому *nexe*, ороческому и удэгейскому *nexe*, но не маньчжурскому или сибирскому *lexe*.

Таким образом:

- глагол, очень похожий по форме, набору значений и роли в конструкциях, присутствует в эвенкийском, негидальском, эвенском, ороческом и удэгейском языках, а также в кур-урмийском нанайском (идиом, имеющий большое число собственно тунгусских черт);
- единственный язык северной группы, где похожий корень имеет иное значение (‘преследовать’), — солонский. Возможно, это другой глагол, заимствованный из монгольских языков, и тогда его совпадение по форме случайно;

¹⁴ «1. остаться неудовлетворенным, получив что-либо; 2. продолжать жаловаться после завершения какого-то дела; 3. нарушать обещание».

- этого глагола нет в нанайском, ульчском, уйльтинском языках;
- в маньчжурском предлагаемый когнат имеет другой начальный согласный и иное значение. В сиби́нском предполагаемый когнат с начальным *l* имеет значение ‘преследовать’, что также может быть заимствованием, как и в солонском.

В то же время в нанайском, ульчском и уйльтинском языках есть глагол *ta-* ‘делать, действовать’, похожий по своим функциям на *некэ-*:

- (50) *tj ta-mi Walžu-sal-ba xooli žəpu-wən-či-ni.*
 так **делать**-CVSIM Вальдю-PL-ACC как.либо съесть-CAUS-PST-3SG
 ‘Поэтому людей рода Вальдю всё также кормил (тот тигр)’ [Ульчский корпус].
- (51) *gə xəžum-bi čək ta-ru.*
 INTJ вещи-ACC.RFL готовый **делать**-IMP
 ‘Ну, вещи свои **приготовь**’ ([там же]; ульчский).

А. М. Певнов указывает, что *некэ-* «можно сравнить с корякскими основами *nikə- ~ nəka-, nijkə- ~ najka-*, которые “употребляются, когда говорящий затрудняется произнести слово с конкретной лексической семантикой, требуемое контекстом — забыл, не может сразу вспомнить, не может сразу подобрать нужное слово, не может выговорить (особенно часто — заимствованное слово), избегает употребления какого-либо слова в разговоре” (цит. по [Жукова 1972: 181])» [Певнов 2022: 20]. При этом в статье предполагается, что реципиентом заимствования был общий предок языков тунгусской и сихотэ-алиньской ветвей. Показательно, что *некэ-* и сам может иметь функцию плейсхолдера, или препаративной подстановки. Заимствование плейсхолдера — не единичный случай для тунгусо-маньчжурских языков: к примеру, в эвенкийских диалектах Дальнего Востока присутствует плейсхолдер *bolla*, взятый из якутской модальной частицы *буолла*. Как отметил анонимный рецензент, в якутском языке частица *буолла* имеет прозрачную этимологию (от ‘быть, стать’). Однако важно то, что заимствована она была уже как плейсхолдер: эта модальная частица в том числе «выражает неизвестность для говорящего предмета речи, действия, иногда с оттенком недоумения» [Слепцов и др. 2004: 523—524]. Согласно [Певнов 2022: 20], *некэ-* был заимствован в язык, являвшийся общим предком эвенкийского, эвенского, негидальского, ороцкого и удэгейского. Возможно, в языке-реципиенте существовал когнат *ta-* и заимствование получило его функции, равно как и паттерны употребления. Позднее, уже в эвенкийских диалектах Прибайкалья, *некэ-* уступил место монгольскому заимствованию *кэ-*, которому передал и свои функции, и шаблоны употребления.

Анонимный рецензент указывает на проблемы такой этимологии *некэ-*, предполагая если и заимствование, то более позднее и в обратном направлении: из эвенского в корякский. На мой взгляд, в этом случае неясно, почему в языках одной ветви осталось прозрачно этимологизируемое *ta-* (от указательного местоимения ‘тот’), в то время как в других — только *некэ-*. Замена *некэ-* на *кэ-* в эвенкийских диалектах Прибайкалья косвенно свидетельствует о способности глагола с таким абстрактным значением заменяться заимствованием. В пользу чукотско-камчатского происхождения говорит и существование аналогичной основы в чукотском языке: *nik(ae)/nek(a)*¹⁵ — это «заместительная основа неопределенного значения, способная оформляться и как имя, и как глагол (переходный и непереходный), и как имя прилагательное притяжательное; оформляясь как имя, означает: ‘такой-то’, ‘тот-то’; оформляясь как глагол, означает ‘делать то-то’, ‘исполнять то-то’, — такое действие, которое известно или понятно слушателю; оформляясь как притяжательное прилагательное, означает: ‘принадлежащий такому-то’» [Богораз 1937: 100]. Иными словами, как и в корякском языке, это основа плейсхолдера. М. Фортескью указывает (под вопросом), что **nikae* может быть прачукотско-камчатским корнем со значением ‘что-то’ [Fortescue 2005: 187].

3.3. Пути развития полисемии

Материалы текстов показали, что не отмеченное в [Цинциус 1975: 651] значение ‘издавать звук’ присутствует в эвенском и негидальском языках (в последнем по крайней мере в части ввода идеофонов). Таким образом, по данным словарей и текстов, в тунгусо-маньчжурских языках представлены следующие значения: ‘делать’, ‘хотеть’, ‘издавать звук’ (последнее — в эвенкийском, эвенском и негидальском), а также периферийные, присутствующие в отдельных языках (возможно — в отдельных диалектах этих языков): ‘бродить’, ‘охотиться’, ‘совокупляться’ и т. д.

Грамматикализация ‘сказать’ — это достаточно частое явление в языках мира [Голдова, Сердобольская 2014; Varanova 2015; Выдрин 2016], в том числе и в тунгусо-маньчжурских языках [Matić, Pakendorf 2013; Гусев 2014]. Пути грамматикализации ‘сказать’ обсуждаются в работах по типологии, в частности

¹⁵ Выбор основы обусловлен законом гармонии гласных.

в [Cohen et al. 2002; Güldemann 2002; 2008; Deutscher 2011]. Гипотезы, объясняющие грамматикализацию SAY, рассматриваются в [Güldemann 2008: 444—445] (например, переход вида: цитата > компонент > цель > причина или условие). В [Khanina 2008] подвергается сомнению тот факт, что ‘хотеть’ является семантическим примитивом: во многих языках это значение неотделимо от других, в частности — от проспективного или ‘сказать’.

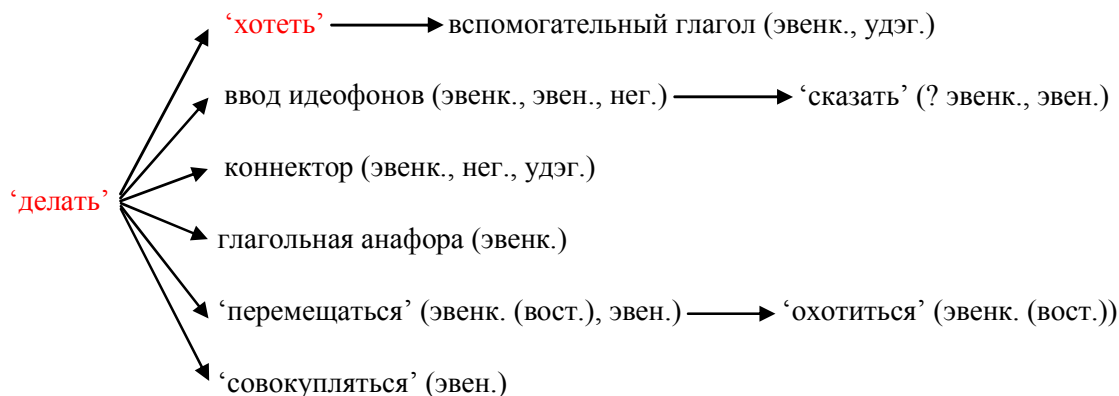
Что касается ‘делать’, то значения ‘делать’ и ‘сказать’ совмещены во многих языках мира. Так, в языке пунупа (южно-кимберлийская семья, штат Западная Австралия) семантические примитивы SAY, DO, THINK, HAPPEN и FEEL выражены одним глаголом; при этом совмещение значений SAY/DO/THINK в целом характерно для не пама-ньюнгских языков Австралии [McGregor 2014]. Глаголы движения и действия как один из источников цитативов рассматриваются в [Buchstaller, Van Alphen 2012]: английское *go*, нидерландское *komen* ‘прийти’, испанское (пуэрториканское) *hacer*, греческое *kano*, немецкое *tachen*, французское *faire* ‘делать’ (*fit-il* ‘он сказал’). Значения ‘делать’ и ‘говорить’ присутствуют также и у праславянского **dě (ja)ti* («давно обращено на родство значений *facere* и *dicere* на славянской почве» [Трубачев 1977: 229—230]).

В языках банту формант, реконструируемый как **ti* [Güldemann 2002], используется не только при оформлении прямой речи, но и в других контекстах. Т. Гюльдемманн предполагает, что первоначально это был глагол со значением ‘быть таким / делать так’, который впоследствии стал использоваться для передачи прямой речи. Интересен пример глагола *-ira* в языке шангачи (*shangaci*; диалект языка макуа, банту) [Devos, Bostoen 2012]. В статье отмечают, что, будучи глаголом речи, *-ira* используется, в частности, для ввода идеофонов, а также для выражения желания и намерения, в том числе неосуществленного. В то же время данные родственных языков показывают, что исходное значение этого глагола — ‘делать’. Таким образом, функции глагола *ira-* очень похожи на функции *некэ*- в тунгусо-маньчжурских языках.

Наконец, полисемия ‘работать’/‘ходить’/‘охотиться’ отмечена для тунгусо-маньчжурских языков [Певнов 2020]. Так, эвенкийское *hawal-* означает в одних диалектах ‘работать’, в других — ‘бродить’, ‘ходить’ и ‘охотиться’ [Василевич 1958: 462]. Вообще многие понятия, связанные с охотой, табуированы в культуре охотников и потому выражаются очень разнообразно. Это относится прежде всего к названиям животных (не только опасных и вредных, таких как волк, медведь или россомаха, но и соболя, утки), оружия. Можно предположить, что и понятие ‘охотиться’ также табуировано и поэтому может выражаться обобщенным глаголом ‘делать’; с другой стороны, охота, естественно, связана с хождением по тайге. Запретами можно объяснить и выражение понятия ‘совокупляться’ в эвенском языке этим же глаголом (хотя неизвестно, насколько это понятие запретно, по крайней мере в отношении животных).

Таким образом, в типологических работах вообще и в работах по тунгусо-маньчжурским языкам в частности отмечены развития значений ‘делать’ → ввод идеофонов → ‘сказать’; ‘сказать’ → ‘хотеть’; ‘ходить’ → ‘охотиться’. Помимо этого, в наших данных присутствуют также коннекторы, развившиеся, как я предполагаю, из того же ‘делать’.

Вероятно, имела место следующая схема (красным выделены значения/функции, представленные во всех обсуждаемых языках; в остальных случаях указаны языки, в которых обнаружены соответствующие примеры; значения типа ‘давать’, вызывающие сомнения, опущены):

Таким образом:

- *некэ*- — это, вероятно, заимствованный из предка корякского языка глагол-плейшолдер [Певнов 2022], который стал обозначать абстрактное действие; возможно, он заменил какой-то уже существовавший глагол — когнат южнотунгусского *та-*, — переняв его функции;

- *некэ-* как вспомогательный глагол представлен в удэгейском и в диалектах эвенкийского, контактировавших с монгольскими языками;
- значения типа ‘ходить’, ‘совокупляться’ представляют собой позднее развитие и зафиксированы лишь в отдельных языках/диалектах.

Чтобы детальнее изучить функции *некэ-* и развитие у него полисемии, необходимо уточнить значения *некэ-* в удэгейском и орочком языках, а также подробнее изучить данные нанайского, ульчского, уйльтинского, маньчжурского языков, оставшихся за пределами настоящей работы.

4. Выводы

В статье рассмотрены функции многозначного глагола *некэ-* в тунгусо-маньчжурских языках. На основе корпусных данных были уточнены некоторые его функции, ранее не отмеченные в словарях и грамматических описаниях: ввод идеофонов (эвенкийский, негидальский), использование при глагольной анафоре (эвенкийский), использование в составе коннектора (удэгейский). Уточнение функций этого глагола позволило рассмотреть развитие у него значений: из ‘делать’ к ‘хотеть’; из ‘делать’ к вводу идеофонов и далее к ‘сказать’; из ‘делать’ к ‘перемещаться’ и далее к ‘охотиться’. Эти семантические переходы сопоставлены с аналогичными переходами в языках мира.

Вопрос об этимологии *некэ-* в тунгусо-маньчжурских языках остается открытым и требует дальнейшего изучения.

Глоссы

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	INTERROG — вопросительная частица
ACC — аккузатив	INTJ — междометие
ACCIN — неопределенный аккузатив	INTS — интенсификатор
ADJZ — адъективизатор	IPFV — имперфектив
ADVZ — адвербиализатор	ITER — итератив
ALIEN — отчуждаемое обладание	LAT — латив
ALL — аллатив	LOCALL — локатив-аллатив
ATTEN — аттенуатив	NEG — отрицание
CAUS — каузатив	NEKE — глагол <i>некэ-</i>
CVANT — конверб предшествования	NFUT — небудущее
CVB — конверб	OBL — основа косвенных падежей
CVCOND — условный конверб	ONOM — звукоподражание
CVPOST — конверб последующего действия	PANT — причастие предшествования
CVPURP — конверб цели	PASS — пассив
CVSIM — конверб одновременного действия	PH — плейсхолдер
DAT — датив	PHAB — причастие хабитуальное
DES — дезидератив	PL — множественное число
DIM — диминутив	PNEG — причастие отрицательное
DSPRS — дисперсив	POL — вежливая форма
DUR — дуратив	POSS — посессив
EMPH — эмфаза	PPOST — причастие последующего действия
EP — эпентеза	PROG — прогрессив
EXCL — эксклюзив	PRS — настоящее время
FOC — фокус	PSIM — причастие одновременное
FUT — будущее	PST — прошедшее время
FUTCNT — ближайшее будущее	PTCL — частица
GEOGR — житель какого-л. места	PTCP — причастие
HAB — хабитуалис	QFUT — будущее вопросительное
IMP — императив	R — русское слово
INCEP — инцептив	RECP — реципрок
INCH — инхоатив	RFL — рефлексив
INCL — инклюзив	SAH — якутское слово
INF — инфинитив	SG — единственное число
INS — инструменталис	TR — транзитивизатор
	VBLZ — вербализатор

Литература

- Богораз 1937 — В. Г. Богораз. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.; Л.: Учпедгиз, 1937.
- Булатова и др. 1997 — Н. Я. Булатова, Н. Б. Вахтин, Д. М. Насилов. Языки малочисленных народов Севера. СПб.: Ин-т лингвистических исследований РАН, 1997. С. 12—53.
- Варламова и др. 2021 — Г. И. Варламова, А. Н. Варламов, М. П. Дьяконова. Фольклор эвенков Олекмы / Научно-исследовательский институт Олонхо Северо-Восточного Федерального университета имени М. К. Аммосова. Якутск: Алаас, 2021.
- Василевич (полевые материалы) — Архив МАЭ РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 14. Полевые материалы Г. М. Василевич.
- Василевич 1948 — Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Ленинградское отделение Учпедгиза, 1948.
- Василевич 1958 — Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958.
- Василевич 1966 — Г. М. Василевич. Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания. М.; Л.: Наука, 1966.
- Выдрин 2016 — А. П. Выдрин. Чужая речь, косвенная речь и показатель *зэгъга* в осетинском языке // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2016, 12 (1). С. 295—309.
- Гусев 2014 — В. Ю. Гусев. От цитатива к «новому знанию»: эволюция цитативной частицы в тунгусо-маньчжурских языках Нижнего Амура // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2014, 10 (3). С. 212—232.
- Евангелие от Луки — Евангелие от Луки (перевод на эвенкийский язык В. Элрики). М.: Ин-т перевода Библии, 2001.
- Жукова 1972 — А. Н. Жукова. Грамматика корякского языка. Фонетика и морфология. Л.: Наука, 1972.
- Захаров 1875 — И. И. Захаров. Полный маньчжурско-русский словарь, составленный преподавателем маньчжурского языка при Императорском с.-петербургском университете. Тип. И. Академии наук, 1875.
- Калинина, Оскольская 2016 — Е. Ю. Калинина, С. А. Оскольская. Нанайский язык // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016. С. 293—296.
- Кастен, Авак 2014 — Э. Кастен, Р. Н. Авак (ред.). Духовная культура эвенов Быстринского района. Фонд культуры народов Сибири, 2014. (Языки и культуры народов Дальнего Востока России).
- Константинова 1964 — О. А. Константинова. Эвенкийский язык: фонетика и морфология. М.; Л.: Наука, 1964.
- Кур-урмийский корпус — Корпус текстов на кур-урмийском диалекте нанайского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://nanai.web-corpora.net/> (дата обращения: 04.06.2023).
- Певнов 2012 — А. М. Певнов. О некоторых тунгусо-маньчжурских грамматических реликтах в чжурчжэньском языке // И. Ф. Попова (сост. и отв. ред.). Тангуты в Центральной Азии: Сборник статей в честь 80-летия проф. Е. И. Кычанова. М.: Восточная литература, 2012. С. 279—304.
- Певнов 2020 — А. М. Певнов. Об этимологии тунгусских слов со значением 'работа' // В. В. Баранова (ред.). Вторая конференция по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам. Сборник трудов конференции. СПб.: ИЛИ РАН, 2020. С. 69—71.
- Певнов 2022 — А. М. Певнов. Палеоазиатские заимствования в тунгусо-маньчжурских языках // Northern Language Studies. 2022, спец. вып. С. 13—24.
- Подлеская, Кибрик 2003 — В. И. Подлеская, А. А. Кибрик. Коррекция в устной русской монологической речи по данным корпусного исследования // Русский язык в научном освещении. 2003, 12 (2). С. 7—55.
- Поппе 1927 — Н. Н. Поппе. Материалы для исследования тунгусского языка: Наречие баргузинских тунгусов. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1927.
- Поппе 1931 — Н. Н. Поппе. Материалы по солонскому языку. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1931.
- Сивцева 2009 — Л. В. Сивцева. Сэвдэпчу азбука (Веселая азбука) // Научно-методический журнал «Таткачирук». 2009, 1 (13). С. 76—78.
- Слепцов и др. 2004 — П. А. Слепцов, В. И. Лиханов, Н. Е. Петров. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта. Т. 2 (буква Б). Новосибирск: Наука, 2004.
- Суник 1958 — О. П. Суник. Кур-урмийский диалект: Исследования и материалы по нанайскому языку. Л.: Учпедгиз, 1958.
- Толдова, Сердобольская 2014. — С. Ю. Толдова, Н. В. Сердобольская. Глагол речи *танаһ* в марийском языке: особенности грамматикализации // Вопросы языкознания. 2014, 6. С. 66—91.
- Трубачев 1977 — О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков. Праoslavянский лексический фонд. Т. 4. М.: Наука, 1977.
- Ульчский корпус — Корпус текстов на ульчском языке [Электронный ресурс]. URL: <http://ulch.web-corpora.net/> (дата обращения: 04.06.2023).
- Цинциус 1975 — В. И. Цинциус. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. Т. 1. Л.: Наука, 1975.

- Шнейдер 1937 — *E. P. Шнейдер*. Материалы по языку анюйских удэ. М.; Л.: Учпедгиз, 1937.
- Эвенкийский корпус ИЭА РАН — Корпус эвенкийского языка ИЭА РАН [Электронный ресурс]. URL: <https://corpora.iea.ras.ru/corpora/search.php> (дата обращения: 04.06.2023).
- Эвенкийский корпус ИЯЗ РАН — Корпус эвенкийского языка ИЯЗ РАН [Электронный ресурс]. URL: <https://gisly.net/corpus> (дата обращения: 04.06.2023).
- Baranova 2015 — *V. Baranova*. Grammaticalization paths of the verb *gi-* ‘say’ in Kalmyk // *Mongolica Pragensia*. 2015, 15 (2). P. 57—76.
- Buchstaller, Van Alphen 2012 — *I. Buchstaller, I. van Alphen*. Introductory remarks on new and old quotatives // *Quotatives. Cross-linguistic and cross-disciplinary perspectives*, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2012. P. XI—XXX.
- Cohen et al. 2002 — *D. Cohen, M.-C. Simeone-Senelle, M. Vanhove*. The grammaticalization of ‘say’ and ‘do’: An areal phenomenon in East Africa // *Reported discourse: A meeting ground for different linguistic domains*, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 227—251.
- Däbritz, Gusev 2021 — *C. L. Däbritz, V. Gusev*. INEL Evenki Corpus. Version 1.0. Publication date 2021-12-31. Archived at Universität Hamburg. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F43C-3> // The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>, 2021.
- Deutscher 2011 — *G. Deutscher*. The grammaticalization of quotatives // *B. Heine, H. Narrog* (eds.). *The Oxford handbook of grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 646—655.
- Devos, Bostoen 2012 — *M. Devos, K. Bostoen*. Bantu DO/SAY Polysemy and the Origins of a Quotative in Shangaci // *Africana Linguistica*. 2012, 18 (1). P. 97—132.
- Doerfer 1975 — *G. Doerfer*. Ist Kur-Urmisch ein nanaischer Dialekt? // *Ural-Altische Jahrbücher*. 1975, 47. S. 51—63.
- Fortescue 2005 — *M. D. Fortescue*. *Comparative Chukotko-Kamchatkan dictionary*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Grenoble 2012 — *L. A. Grenoble*. From clause to discourse: The structure of Evenki narrative // *L. J. Whaley, A. Malchukov* (eds.). *Recent Advances in Tungusic Linguistics*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. P. 257—277.
- Güldemann 2002 — *T. Güldemann*. When ‘say’ is not say. The functional versatility of the Bantu quotative marker *ti* with special reference to Shona // *T. Güldemann, M. von Roncador* (eds.). *Reported discourse: A meeting ground for different linguistic domains*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 253—287.
- Güldemann 2008 — *T. Güldemann*. *Quotative Indexes in African Languages*, Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Khanina 2008 — *O. Khanina*. How universal is wanting? // *Studies in Language*. 2008, 32 (4). P. 818—865.
- Matić, Pakendorf 2013 — *D. Matić, B. Pakendorf*. Non-canonical SAY in Siberia: Areal and genealogical patterns // *Studies in Language*. 2013, 37 (2). P. 356—412.
- McGregor 2014 — *W. B. McGregor*. The “say, do” verb in Nyulnyul, Warrwa, and other Nyulnylan languages is monosemic // *K. Robering* (ed.). *Events, arguments and aspects: Topics in the semantics of verbs*, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 301—327.
- Morgunova 2018 — *E. Morgunova*. The verb *ti:xə* in Barguzin Buryat. A case of overt surface anaphora // *A. van Alem, A. Ionova, C. Pots* (eds.). *Proceedings of ConSOLE XXVI*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 2018. P. 293—301.
- Nikolaeva et al. 2019 — *I. Nikolaeva, E. Garrett, O. Bond*. *Endangered Languages and Cultures of Siberia*. 2019. URL: <http://www.siberianlanguages.surrey.ac.uk>
- Nikolaeva, Tolskaya 2011 — *I. Nikolaeva, M. Tolskaya*. *A grammar of Udihe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011.
- Norman 2013 — *J. Norman*. *A Comprehensive Manchu-English Dictionary* by Jerry Norman. With the assistance of Keith Dede and David Prager Branner. Cambridge: Harvard University Asia Center and Harvard University Press, 2013.
- Oskolskaya et al. 2021 — *S. Oskolskaya, E. Koile, M. Robbeets*. A Bayesian approach to the classification of Tungusic languages // *Diachronica*. 2021, 1 (39). P. 122—158.
- Pakendorf, Aralova 2009—2013 — *B. Pakendorf, N. Aralova*. DOBES archive. Even. Bystraja district. Conversations. 2009—2013. URL: <https://hdl.handle.net/1839/00-0000-0000-000F-2E5D-3>
- Pakendorf, Aralova 2017 — *B. Pakendorf, N. Aralova*. Documentation of Negidal, a nearly extinct Northern Tungusic language of the Lower Amur. *Endangered Languages Archive*. <http://hdl.handle.net/2196/00-0000-0000-000F-E387-1>, 2017. URL: <https://elar.soas.ac.uk/Collection/MPI1041287>
- Robbeets, Oskolskaya 2022 — *M. Robbeets, S. Oskolskaya*. Proto-Tungusic in time and space // *A. Hölzl, T. E. Payne* (eds.). *Tungusic languages: past and present*. Berlin: Language Science Press, 2022. P. 263—294.
- Starostin et al. 2003 — *S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak*. *Etymological dictionary of the Altaic languages*. Leiden: Brill, 2003.
- Stary 2017 — *G. Stary*. Neue Beiträge zum Sibe-Wortschatz // *M. Németh, B. Podolak, M. Urban* (eds.). *Essays in the history of languages and linguistics. Dedicated to Marek Stachowski on the occasion of his 60th birthday*. Cracow: Księgarnia Akademicka, 2017. P. 703—707.

References

- Baranova 2015 — V. Baranova. Grammaticalization paths of the verb *gi-* ‘say’ in Kalmyk. In: *Mongolica Pragensia*. 2015, 15 (2). P. 57—75.
- Bogoras 1937 — V. G. Bogoras. *Luoravetlansko-russkii (chukotsko-russkii) slovar’*. Moskva; Leningrad: Uchpedgiz, 1937. {V. G. Bogoras. *Luoravetlan-Russian (Chukchi-Russian) dictionary*. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1937.}
- Buchstaller, Van Alphen 2012 — I. Buchstaller, I. van Alphen. Introductory remarks on new and old quotatives. In: *Quotatives. Cross-linguistic and cross-disciplinary perspectives*, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2012. P. XI—XXX.
- Bulatova i dr. 1997 — N. Ya. Bulatova, N. B. Vakhtin, D. M. Nasilov. *Yazyki malochislennykh narodov Severa*. Sankt-Peterburg: Institut lingvisticheskikh issledovaniy RAN, 1997. S. 12—53 {N. Ya. Bulatova, N. B. Vakhtin, D. M. Nasilov. *The languages of indigenous peoples of the North*. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 1997. P. 12—53.}
- Cincius 1975 — V. I. Cincius. *Sravnitel’nyi slovar’ tunguso-man’chzhurskikh yazykov: materialy k etimologicheskomu slovaryu*. T. 1. Leningrad: Nauka, 1975. {V. I. Cincius. *Comparative Dictionary of the Tungus-Manchu Languages. Materials toward an Etymological Dictionary*. Vol. 1. Leningrad: Nauka, 1975.}
- Cohen et al. 2002 — D. Cohen, M.-C. Simeone-Senelle, M. Vanhove. The grammaticalization of ‘say’ and ‘do’: An areal phenomenon in East Africa. In: *Reported discourse: A meeting ground for different linguistic domains*, Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 227—251.
- Däbritz, Gusev 2021 — C. L. Däbritz, V. Gusev. INEL Evenki Corpus. Version 1.0. Publication date 2021-12-31. Archived at Universität Hamburg. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F43C-3>. In: *The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages*. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>, 2021.
- Deutscher 2011 — G. Deutscher. The grammaticalization of quotatives. In: B. Heine, H. Narrog (eds.). *The Oxford handbook of grammaticalization*. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 646—655.
- Devos, Bostoen 2012 — M. Devos, K. Bostoen. Bantu DO/SAY Polysemy and the Origins of a Quotative in Shangai. In: *Africana Linguistica*. 2012, 18 (1). P. 97—132.
- Doerfer 1975 — G. Doerfer. Ist Kur-Urmisch ein nanaischer Dialekt? In: *Ural-Altäische Jahrbücher*. 1975, 47. P. 51—63.
- Evenkiiskii korpus IEA RAN — IEA RAS Evenki language corpus. URL: <https://corpora.iea.ras.ru/corpora/search.php> (accessed on 04.06.2023).
- Evenkiiskii korpus IYaz RAN — Iling RAS Evenki language corpus. URL: <https://gisly.net/corpus> (accessed on 04.06.2023).
- Evangelie ot Luki — Evangelie ot Luki (perevod na evenskii yazyk V. Elriki). Moskva: Institut perevoda Biblii, 2001 {The Gospel of Luke. Translated into Even by V. Elrika. Moscow: The Institute for Bible Translation, 2001.}
- Fortescue 2005 — M. D. Fortescue. *Comparative Chukotko-Kamchatkan dictionary*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Grenoble 2012 — L. A. Grenoble. From clause to discourse: The structure of Evenki narrative. In: L. J. Whaley, A. Malchukov (eds.). *Recent Advances in Tungusic Linguistics*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2012. P. 257—277.
- Güldemann 2002 — T. Güldemann. When ‘say’ is not say. The functional versatility of the Bantu quotative marker *ti* with special reference to Shona. In: T. Güldemann, M. von Roncador (eds.). *Reported discourse: A meeting ground for different linguistic domains*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 253—287.
- Güldemann 2008 — T. Güldemann. *Quotative Indexes in African Languages*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Gusev 2014 — V. Yu. Gusev. Ot tsitativa k “novomu znaniyu”: evolyutsiya tsitativnoi chastitsy v tunguso-man’chzhurskikh yazykakh Nizhnego Amura. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2014, 10 (3). S. 212—232. {V. Yu. Gusev. From the quotative to “new knowledge”: evolution of the quotative particle in Lower Amur Tungusic language. In: *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies*. 2014, 10 (3). P. 212—232.}
- Kalinina, Oskolskaya 2016 — E. Yu. Kalinina, S. A. Oskolskaya. Nanayskiy yazyk. In: *Yazyk i obshchestvo. Yentsiklopediya*. Moskva: Azbukovnik, 2016. S. 293—296. {E. Yu. Kalinina, S. A. Oskolskaya. *The Nanay language*. In: *Language and society. Encyclopedia*. Moscow: Azbukovnik, 2016. P. 293—296.}
- Kasten, Avak 2014 — E. Kasten, R. N. Avak. *Dukhovnaya kul’tura evenov Bystrinskogo raiona*. Fond kul’tury narodov Sibiri, 2014. (Yazyki i kul’tury narodov Dal’nego Vostoka Rossii). {E. Kasten, R. N. Avak. *Even tales, songs and world-views*. Kulturstiftung Sibirien, 2014. (Languages and cultures of the Russian Far East).}
- Khanina 2008 — O. Khanina. How universal is wanting? In: *Studies in Language*. 2008, 32 (4). P. 818—865.
- Konstantinova 1964 — O. A. Konstantinova. *Evenkiiskii yazyk: fonetika i morfologiya*. Moskva; Leningrad: Nauka, 1964. {O. A. Konstantinova. *Evenki language: phonetics and morphology*. Moscow; Leningrad: Nauka, 1964.}
- Kur-urmiiskii korpus — Kur-Urmi Nanai corpus. URL: <http://nanai.web-corpora.net/> (accessed on 04.06.2023).
- Matić, Pakendorf 2013 — D. Matić, B. Pakendorf. Non-canonical SAY in Siberia: Areal and genealogical patterns. In: *Studies in Language*. 2013, 37 (2). P. 356—412.

McGregor 2014 — W. B. McGregor. The “say, do” verb in Nyulnyul, Warrwa, and other Nyulnylan languages is monosemic. In: K. Robering (ed.). *Events, arguments and aspects: Topics in the semantics of verbs*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 301—327.

Morgunova 2018 — E. Morgunova. The verb *t̪i:xə* in Barguzin Buryat. A case of overt surface anaphora. In: A. van Alem, A. Ionova, C. Pots (eds.). *Proceedings of ConSOLE XXVI*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 2018. P. 293—301.

Nikolaeva et al. 2019 — I. Nikolaeva, E. Garrett, O. Bond. *Endangered Languages and Cultures of Siberia*. 2019. URL: <http://www.siberianlanguages.surrey.ac.uk>

Nikolaeva, Tolskaya 2011 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. *A grammar of Udihe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011.

Norman 2013 — J. Norman. *A Comprehensive Manchu-English Dictionary* by Jerry Norman. With the assistance of Keith Dede and David Prager Branner. Cambridge: Harvard University Asia Center and Harvard University Press, 2013.

Oskolskaya et al. 2021 — S. Oskolskaya, E. Koile, M. Robbeets. A Bayesian approach to the classification of Tungusic languages. In: *Diachronica*. 2021, 1 (39). P. 122—158.

Pakendorf, Aralova 2009—2013 — B. Pakendorf, N. Aralova. DOBES archive. Even. Bystraja district. Conversations. 2009—2013. URL: <https://hdl.handle.net/1839/00-0000-0000-000F-2E5D-3>

Pakendorf, Aralova 2017 — B. Pakendorf, N. Aralova. Documentation of Negidal, a nearly extinct Northern Tungusic language of the Lower Amur. *Endangered Languages Archive*. <http://hdl.handle.net/2196/00-0000-0000-000F-E387-1>, 2017. URL: <https://elar.soas.ac.uk/Collection/MPI1041287>

Pevnov 2012 — A. M. Pevnov. O nekotorykh tunguso-man'chzhurskikh grammaticheskikh relikhtakh v chzhurchzhehn'skom yazyke. In: I. F. Popova (sost. i otv. red.). *Tanguty v Tsentral'noi Azii: Sbornik statei v chest' 80-letiya prof. E. I. Kychanova*. Moskva: Vostochnaya literatura, 2012. S. 279—304. {A. M. Pevnov. On some Tungusic relics in the grammar of Jurchen. In: I. F. Popova (ed.). *Tanguts in Central Asia*. Collection of articles in honor of the 80th anniversary of prof. E. I. Kychanov. Moscow: Eastern literature, 2012. P. 279—304.}

Pevnov 2020 — A. M. Pevnov. Ob etimologii tungusskikh slov so znacheniem ‘rabota’. In: V. Baranova (red.). *Vtoraya konferentsiya po ural'skim, altaiskim i paleoaziatskim yazykam*. Sbornik trudov konferentsii. Sankt-Peterburg: ILI RAN, 2020. S. 69—71. {A. M. Pevnov. On the etymology of Tungusic words meaning ‘work’. In: V. Baranova (ed.). *Proceedings of The Second Conference on Uralic, Altaic and Paleo-Asiatic Languages*. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2020. P. 69—71.}

Pevnov 2022 — A. M. Pevnov. Paleoaziatskie zaimstvovaniya v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh. In: *Northern Language Studies*. 2022, spetsial'nyi vypusk. S. 13—24. {A. M. Pevnov. Paleoasiatic borrowings in Tungusic languages. In: *Northern Language Studies*. 2022, special issue. P. 13—24.}

Podlesskaya, Kibrik 2003 — V. I. Podlesskaya, A. A. Kibrik. Korrektsiya v ustnoi russkoi monologicheskoi rechi po dannym korpusnogo issledovaniya. In: *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2003, 12 (2). S. 7—55. {V. I. Podlesskaya, A. A. Kibrik. Repairs in oral monological Russian speech: a study based on a corpus research. In: *The Russian language in the scientific coverage*. 2003, 12 (2). P. 7—55.}

Poppe 1927 — N. N. Poppe. *Materialy dlya issledovaniya tungusskogo yazyka: Narechie barguzinskikh tungusov*. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1927. {N. N. Poppe. *Materials for the Study of the Tungus Language. The Dialect of the Barguzin Tungus*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1927.}

Poppe 1931 — N. N. Poppe. *Materialy po solonskomu yazyku*. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1931. {N. N. Poppe. *Materials on the Solon language*. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1931.}

Robbeets, Oskolskaya 2022 — M. Robbeets, S. Oskolskaya. Proto-Tungusic in time and space. In: A. Hölzl, T. E. Payne (eds.). *Tungusic languages: past and present*. Berlin: Language Science Press, 2022. P. 263—294.

Schneider 1937 — E. R. Schneider. *Materialy po yazyku anyuiskikh udeh*. Moskva; Leningrad: Uchpedgiz, 1937. {E. Schneider. *Materials on the language of the Anyui Udihe*. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1937.}

Sivtseva 2009 — L. V. Sivtseva. Sevdehpchu azbuka (Veselaya azbuka). In: *Nauchno-metodicheskii zhurnal “Tatkachiruk”*. 2009, 1 (13). S. 76—78. {L. V. Sivtseva. Merry ABC. In: *Scientific and Pedagogical journal “Tatkachiruk”*. 2009, 1 (13). P. 76—78.}

Sleptsov et al. 2004 — P. A. Sleptsov, V. I. Likhanov, N. E. Petrov. *Tolkovyj slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn byhaaryylaakh tyld'ya*. T. 2 (bukva B). Novosibirsk: Nauka, 2004 {P. A. Sleptsov, V. I. Likhanov, N. E. Petrov. *Explanatory dictionary of Sakha*. Vol. 2. Novosibirsk: Nauka, 2004.}

Starostin et al. 2003 — S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. *Etymological dictionary of the Altaic languages*. Leiden: Brill, 2003.

Sary 2017 — G. Sary. Neue Beiträge zum Sibe-Wortschatz. In: M. Németh, B. Podolak, M. Urban (eds.). *Essays in the history of languages and linguistics. Dedicated to Marek Stachowski on the occasion of his 60th birthday*. Cracow: Księgarnia Akademicka, 2017. P. 703—707.

Sunik 1958 — O. P. Sunik. *Kur-urmiiskii dialekt: Issledovaniya i materialy po nanaiskomu yazyku*. Leningrad: Uchpedgiz, 1958. {O. P. Sunik. *The Kur-Urmi dialect: Explorations and materials on the Nanai language*. Leningrad: Uchpedgiz, 1958.}

- Toldova, Serdobol'skaya 2014 — S. Yu. Toldova, N. V. Serdobol'skaya. Glagol rechi *manaš* v mariiskom yazyke: osobennosti grammatikalizatsii. In: Voprosy jazykoznanija. 2014, 6. S. 66—91. {S. Toldova, N. Serdobol'skaya. Verb of speech *manaš* in mari: Grammaticalization properties. In: Topics in the study of language. 2014, 6. P. 66—91.}
- Trubachev 1977 — O. N. Trubachev. Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond. T. 4. Moskva: Nauka, 1977. {O. N. Trubachev. Etymological dictionary of Slavic languages. Vol. 4. Moscow: Nauka, 1977.}
- Ul'chskii korpus — Ulch language corpus. URL: <http://ulch.web-corpora.net/> (accessed on: 04.06.2023).
- Varlamova et al. 2021 — G. I. Varlamova, A. N. Varlamov, M. P. D'yakonova. Fol'klor evenkov Olekmy. Nauchno-issledovatel'skii institut Olonkho Severo-Vostochnogo Federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova. Yakutsk: Alaas, 2021. {G. I. Varlamova, A. N. Varlamov, M. P. D'yakonova. The folklore of the Olyokma Evenki. North-Eastern Federal University in Yakutsk. Yakutsk: Alaas, 2021.}
- Vasilevich (field materials) — Arkhiv MAE RAN. F. 22. Op. 1. D. 14. Polevye materialy G. M. Vasilevich {G. M. Vasilevich. Field materials. MAE RAS Archive. Fund 22. Inv. 1. File 14.}
- Vasilevich 1948 — G. M. Vasilevich. Ocherki dialektov evenkiiskogo (tungusskogo) yazyka. Leningrad: Leningradskoe otdelenie Uchpedgiza, 1948. {G. M. Vasilevich. Essays of dialects of Evenki (Tungus) language. Leningrad: State Publishing House of Educational and Pedagogical Literature, Leningrad Branch, 1948.}
- Vasilevich 1958 — G. M. Vasilevich. Evenkiisko-russkii slovar'. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1958. {G. M. Vasilevich. Evenki-Russian dictionary. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Dictionaries, 1958.}
- Vasilevich 1966 — G. M. Vasilevich. Istoricheskii fol'klor evenkov. Skazaniya i predaniya. Moskva; Leningrad: Nauka, 1966. {G. M. Vasilevich. The Historical folklore of the Evenki. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966.}
- Vydrin 2016 — A. P. Vydrin. Chuzhaya rech', kosvennaya rech' i pokazatel' *žæygæ* v osetinskom yazyke. In: Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvističeskikh issledovanii. 2016, 12 (1). S. 295—309. {A. P. Vydrin. Indirect speech and *žæygæ* in Ossetic. In: Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies. 2016, 12 (1). P. 295—309.}
- Zhukova 1972 — A. N. Zhukova. Grammatika koryakskogo yazyka. Fonetika i morfologiya. Leningrad: Nauka, 1972. {A. N. Zhukova. A grammar of Koryak: phonetics and morphology. Leningrad: Nauka, 1972.}
- Zakharov 1875 — I. I. Zakharov. Polnyy manchzhursko-russkii slovar, sostavlennyy prepodavatelem manchzhurskogo yazyka pri Imperatorskom s.-peterburgskom universitetě. Tip. I. Akademii nauk, 1875. {I. I. Zakharov. A comprehensive Manchu-Russian dictionary. Imperial Academy of Sciences typography, 1875.}

О тибетской графеме *bya* в ойратском «ясном письме»

Мирзаева Саглар Викторовна,
Калмыцкий научный центр РАН (Элиста); saglamirzaeva@kigiran.com

Ойратская письменность *тодо бичиг* («ясное письмо»), созданная в первой половине XVII в. Зая-пандитой Намкай Джамцо (1599–1662), помимо 25 графем, включает также дополнительные знаки транскрипционного алфавита галик, предназначенного для передачи иноязычных слов. Отдельные знаки галика, в частности графема ᠪᠢᠶᠠ , повторяющая форму тибетского слога ᠪᠢᠶᠠ (*bya*), к началу XX в. перешли в старокалмыцкий алфавит, что подтверждают материалы двуязычных словарей и букварей для калмыцких детей XIX–XX вв. Между тем в принятой в ойратоведении системе транслитерации стандартизированное обозначение для указанного знака все еще отсутствует. Цель статьи — описать случаи использования графического знака ᠪᠢᠶᠠ , транслитерируемого нами как ᠵ , в лексикографических и дидактических материалах по старокалмыцкому языку, провести анализ его характеристик в контексте графо-фонетической системы, а также отметить необходимость поиска единого общепринятого варианта транслитерации для данного знака. Материалами для исследования послужили анонимный русско-калмыцкий словарь XVIII в., калмыцко-русские словари Н. Бадмаева (1899) и А. М. Позднеева (1911), буквари К. И. Костенкова (1871) и Л. Нармаева и Н. Очирова (1915). В рассмотренных источниках знак галика ᠵ является аллографом графемы ᠵ и используется для обозначения звонкого аффрикативного [дж]. Проанализированные словари показывают изменения в ее написании в диахронии и отход от первоначального принципа следования тибетской орфографии, когда гласный *a* перестал входить по умолчанию в графему и стал прописываться отдельным зубцом. Кроме того, материалы словаря А. М. Позднеева и «Учебника калмыцкого языка» Л. Нармаева и Н. Очирова показывают, что к рассматриваемому периоду аллографы звука [дж] ᠵ и ᠵ находились в позиции свободного варьирования, т. е. могли заменять друг друга.

Ключевые слова: старокалмыцкий язык, «ясное письмо», *тодо бичиг*, Зая-пандита, словари, галик, тибетский язык

TIBETAN SYLLABLE *BYA* IN OIRAT CLEAR SCRIPT

Saglara V. Mirzaeva,
Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista); saglamirzaeva@kigiran.com

Oirat (Old Kalmyk) “Clear Script” (*todo biciq*) created by Jaya Paṇḍita Nam-mkha’ rgya-mtsho (1599–1662) in the first half of the 17th century includes basic 25 Oirat letters and additional transcriptional *galig* letters aimed for spelling of Sanskrit and Tibetan lexemes. Some of these *galig* letters, namely ᠪᠢᠶᠠ , following the shape of Tibetan syllable ᠪᠢᠶᠠ (*bya*), was regarded as belonging to basic *todo biciq* alphabet to the beginning of 20th century, according to materials of bilingual dictionaries and primer books for Kalmyk children belonging to this period. Meanwhile, in modern Oirat studies there is still no standardized variant of transliteration of this graphic symbol. The paper *aims* to describe usage of grapheme ᠪᠢᠶᠠ , which we transliterate as ᠵ , in lexicographic and didactic materials concerning to Old Kalmyk, to analyze its characteristics in the context of the grapho-phonetic system of Old Kalmyk and also to point out the problem of the necessity to accept some unified variant of transliteration of the sign. The study is based on materials of “Anonymous Russian-Kalmyk dictionary of the 18th century”, Kalmyk-Russian dictionaries by N. Badmaev (1899) and A. M. Pozdneev (1911), primers for Kalmyk children by K. I. Kostenkov (1871) and L. Narmaev and N. Ochirov (1915). *Results.* The materials show that *galig* sign ᠵ functions as an allograph of the grapheme ᠵ and denotes a voiced affricative sound [дж]. The dictionaries analyzed show diachronic changes in its spelling also when the basic for *todo biciq* script principle of following the rules of Tibetan orthography (namely when the vowel *a* is included in the syllable) was broken, and the vowel *a* began to be written as a separate “tooth”. Moreover, A. M. Pozdneev dictionary and the “Primer of Kalmyk” by L. Narmaev and N. Ochirov show that by the period under consideration (end of 19th — beginning of 20th cent.), graphic symbols ᠵ and ᠵ as allographs of the sound [дж] were distributed in the position of free variation, i. e. they could replace each other.

Keywords: Old Kalmyk, “Clear Script”, *todo biciq*, Jaya Paṇḍita Nam-mkha’ rgya-mtsho, dictionaries, *galig* letters, Tibetan

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках научного проекта № 22-78-10152 «Корпус старокалмыцких текстов на “ясном письме” на платформе Lingvodoc: новые подходы к цифровизации письменного наследия».

Введение

«Ясное письмо» (ойр. *todo bičiq, todorxoi üziq*), созданное в середине XVII в. Зая-пандитой Намкай Джамцо (от тиб. *nam-mkha'rgya-mtsho*, ойр. *oqtorγui-yin dalai*) (1599–1662) и определяемое Д. Карой как одно из литературных «наречий» монгольской письменности [Кара 1972: 71], представляет собой письменность литературного языка ойратов, этнических групп западномонгольского происхождения, который получил наиболее широкое распространение среди калмыков России. В самом названии письменности ойратским просветителем сокрыта главная цель — «разъяснение», или разграничение, существовавших в уйгуро-монгольской письменности аллографов *t/d, č/j, j/y, s/š, k/g, a/e, o/ö, u/ü* и закрепление за каждым графическим знаком отдельного написания в трех вариантах (в начале, середине и конце слова). Несмотря на то что в целом поставленная Зая-пандитой задача была выполнена, в отдельных случаях многозначность графем сохранилась (см. *č = č* [ч] и *c* [ц], *j = j* [дж] и *z* [з]), хотя Д. Кара высказывает мнение, что во «время рождения “ясного письма” (...) были еще “ясные”, однозначные» [там же: 82].

Чуть ранее, в 1587 г., южномонгольским переводчиком Аюши-гуши в дополнение к уйгуро-монгольской графике для передачи иноязычных слов (главным образом санскритского и тибетского происхождения) была составлена транскрипционная система дополнительных знаков, известная в монголоведеии как алфавит *али-гали*, или галик¹. В ойратской письменности также существовал несколько отличный от системы Аюши-гуши вариант галика, представленный в сочинении Зая-пандиты «Способ чтения дхарани» (ойр. *tarni ungšixui arγa orošibo*), который был введен в научный оборот Т. Торбатом² [Torobatu 2014: 93–102].

Поскольку знаки галика предназначались для записи иноязычных слов, они не входили в число основных графем ойратского алфавита и, как правило, в сочинениях, не относящихся к переводной литературе, встречаются редко, за исключением отдельных букв, в частности знака *ϑ*. По написанию он воспроизводит тибетское *ṣ* *bya* (произносится как [джа]) и используется в «ясном письме» для передачи звонкого аффрикативного [дж], таким образом представляя собой аллограф знака *ʒ*³. В современном калмыцком языке звук «ж» определяется лингвистами как дорсальный согласный, образующийся смычкой передне-средней части спинки языка с верхними зубами и альвеолами при опущенном низу кончика языка, который упирается в нижние зубы [Павлов 1983: 96].

В вышеупомянутом сочинении Зая-пандиты «Способ чтения дхарани» лигатура *ϑ* не обнаружена, но она встречается в грамматических сочинениях «Знаки галика» (ойр. *ngaliq üdsüq orošipo*⁴) [Torobatu 2014: 113–116] и «Семьдесят два знака галика, начиная с *ka* и *a*» (ойр. *ka a xoyor terigüitei dal[a]n xoyor ngaliq üjüq*⁵) [ibid.: 119–123], авторство которых не установлено. В переводах Зая-пандиты данный графический знак используется только как элемент транскрипционного алфавита галик для передачи санскритских и тибетских слоговых сочетаний и встречается в дхарани и сутрах, обязательным элементом которых является указание оригинального названия сочинения на санскрите и тибетском языке.

В принятой в ойратоведении системе транслитерации для этого знака галика все еще нет единого варианта транслитерации: в «Калмыцко-шведском словаре» К. Рамна Й.-О. Свантессон использует для его передачи *bj* [Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary 2012], Н. В. Ямпольская предлагает вариант транслитерации для графем с имитирующим тибетскую подписную *ya* элементом как *by^a*, помещая гласный *a* в верхнем регистре, поскольку фактически он не прописывается [Ямпольская 2022]. В обоих случаях исследователи отталкиваются от графического начертания, повторяющего тиб. *bya*, но, на наш взгляд, такой способ транслитерации знака может вызывать затруднения в понимании при чтении текста калмыковедом, не владеющим тибетским языком и, соответственно, не знакомым с правилами чтения слогов с подписной *ya* в тибетском языке. В рамках исследовательского проекта по созданию Национального корпуса калмыцкого языка (проект РГНФ № 12-04-12047/в, 2012—2014) при подготовке подкорпуса старописьменных текстов группой ученых КалмНИЦ РАН были разработаны правила транслитерации,

¹ О. Сухбаатар возводит к санскр. *ka lekha* ‘буквы *ka* [и пр.]’ [Сухбаатар 1997: 59].

² Интересно отметить, что и при создании новых начертаний в «ясном письме» Зая-пандита в отдельных случаях применял знаки алфавита Аюши-гуши (*e*, переднерядный *k*) [Кара 1972: 80].

³ Графема применяется в ойратском письме для передачи двух звуков — [дж] в позиции перед гласным *i* и [з] в позиции перед остальными гласными, которые отражаются в транслитерации как *j* и *z* соответственно. Д. А. Павлов объясняет необходимость введения в середине XIX в. специальных знаков галика для обозначения фонем *ч* и *ж* произошедшим в старокалмыцком языке переломом гласного *u* [Павлов 1983: 12].

⁴ Транслитерация Т. Торбата.

⁵ Транслитерация Т. Торбата.

согласно которым для обозначения лигатуры ᠵ был выбран символ ᠵ [Бембеев 2014]. Несмотря лишь на примерное соответствие данного знака фонетическому звучанию в калмыцком языке⁶, мы используем его для транслитерирования ойр. ᠵ в данной публикации и при обработке ойратоязычных текстов в рамках научного проекта «Корпус старокалмыцких текстов на “ясном письме” на платформе Lingvodoc: новые подходы к цифровизации письменного наследия». Тем не менее, еще раз подчеркнем, вопрос поиска более подходящего обозначения, которое отражало бы и звучание, и связь с тибетским оригинальным знаком, остается открытым.

Ойратская графема ᠵ (ᠵ) встречается в текстах самых разных жанров: в песнях эпоса «Джангар» [РО БВФ СПбГУ. Calm C4], произведениях буддийской дидактической литературы («*Arṣani nomiyin tuuji*» («Повествования об Учении, [подобном] нектару»)) [РО БВФ СПбГУ. Calm E6], образцах устного народного творчества [Инеднты калмыцкого фольклора... 2021], а также в различных лексикографических источниках, в том числе послуживших материалом для данного исследования⁷. В письмах калмыцких ханов, датируемых серединой XVIII в. и, соответственно, являющихся одними из наиболее ранних источников по старокалмыцкому языку, эта буква не обнаружена; впервые она встречается в анонимном русско-калмыцком словаре конца XVIII в. [Русско-калмыцкий словарь... 2014]. Также указанная графема фиксируется в калмыцко-шведском словаре миссионера Корнелиуса Рамна (первая половина XIX в.) [Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary 2012], в «Кратком русско-калмыцком словаре» Н. Бадмаева [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899] и в «Калмыцко-русском словаре» А. М. Позднеева [Позднеев 1911], в котором она выделена как отдельная, двадцать шестая, буква («ж») в конце алфавита [там же: 304—306]. Кроме того, в качестве дополнительных источников нами привлекаются буквари К. И. Костенкова [Калмыцко-русский букварь... 1871] и Л. Нармаева и Н. Очирова [Калмыцкий букварь 1915]. Целью публикации является описание случаев применения графического знака ᠵ в вышеперечисленных источниках и анализ некоторых его характеристик в контексте системы консонантизма старокалмыцкого языка.

Графема ᠵ в словарях старокалмыцкого языка

В рамках исследовательского проекта по созданию корпуса текстов на *тодо бичиг* на платформу Lingvodoc были загружены семь словарей старокалмыцкого языка: 1) [Русско-калмыцкий словарь... 2014]⁸;

⁶ Звук [дж] калмыцкого алфавита относится, в соответствии с классификацией Международного фонетического алфавита (МФА), к коартикулированным согласным, т. е. звукам, одновременно имеющим два места артикуляции, и является звонкой постальвеолярной аффрикатой. Для его обозначения в МФА используется лигатура dʒ , применение которой в рамках устоявшейся в монголоведении системы транслитерации также не совсем удобно, поскольку присутствующий в ней знак d может быть понят как отдельный графический знак в ойратском тексте и таким образом может ввести исследователя в заблуждение. В качестве одного из вариантов решения этой проблемы видится возможность поместить знак d в верхнем регистре, однако, по нашему мнению, данное обозначение будет выглядеть несколько тяжеловесным в транслитерации. Кроме того, в целях дальнейшего создания инструментария для распознавания старописьменных текстов на «ясном письме» более логичным представляется выбор единичных знаков (не лигатур) для передачи ойратских букв.

⁷ Здесь следует оговориться, что ойратские словари составлялись на основе широкого круга письменных источников на «ясном письме», упоминаемых, в частности, во введении к словарю А. М. Позднеева, среди которых мы находим образцы буддийской переводной литературы («Сутра золотого блеска» (ойр. *altan geresel*), медицинское сочинение «Тантра четырех основ» (ойр. *dörbön ündüsün*), повествовательные сочинения «Море притч» (ойр. *eldeb üligeriyin dalai*), «История о царевиче Ушандаре» (ойр. *ušāndar xāni tuuji*), «История о царе Арджи-Бурджи» (ойр. *arji burji xāni tuuji*) и пр.), произведений фольклора («История о Гэсэр-хане» (ойр. *geser xāni tuuji*), «История об Андулма-хане» (ойр. *andalma xāni tuuji*), «Джангар» (ойр. *žangyar*), калмыцкие сказки, собранные А. М. Позднеевым, и пр.), произведений агиографической литературы («История Зая-пандиты» (ойр. *zaya panditayin tuuji*)), различных исторических сочинений («История кочевий джунгаров» (ойр. *zöün yar nutugiyin tüüke*), «История четырех ойратов, составленная хошутским нойоном Батур-убаши-тюмецем» (ойр. *xoşuud noyon batur ubaşi tümeni tuurbiqšan dörbön oyiradiyin tüüke*), «Краткая история калмыцких ханов» (ойр. *xalimaq xādiyin tuujiyigi xurāji bičiqsen tobči oroşibai*)) [Позднеев 1911: II–III]. В словаре К. Рамна встречаются отсылки к источникам буддийского характера «Море притч» (ойр. *üligeriyin dalai*) и «Путь к Пробуждению» (ойр. *bodhi mör*) и различным переводам христианских сочинений на калмыцкий язык [Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary 2012: 9]. В остальных словарях источники не указаны.

⁸ <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/5854/1/perspective/5854/2/view>

2) [Дилигенский 1852]⁹; 3) [Смирнов 1857]¹⁰; 4) [Львовский 1893]¹¹; 5) [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899]¹²; 6) [Позднеев 1911]¹³; 7) краткий русско-калмыцкий словарь П. Коржевой, Т. Юрковой и др. (1916)¹⁴. Из них графема *ʒ* встречается в трех — 1, 5 и 6-м словарях.

Одна из опций платформы Lingvodoc — «Инвентарь фонем и аллофоны» (рис. 1) — позволяет после загрузки словарей получить результаты фонетического анализа языкового материала, включающие в том числе сочетаемость той или иной буквы. На материале [Позднеев 1911], в котором графема *ʒ* встречается чаще всего, были установлены ряды слов, демонстрирующие сочетаемость этого знака с гласными звуками (рис. 2).

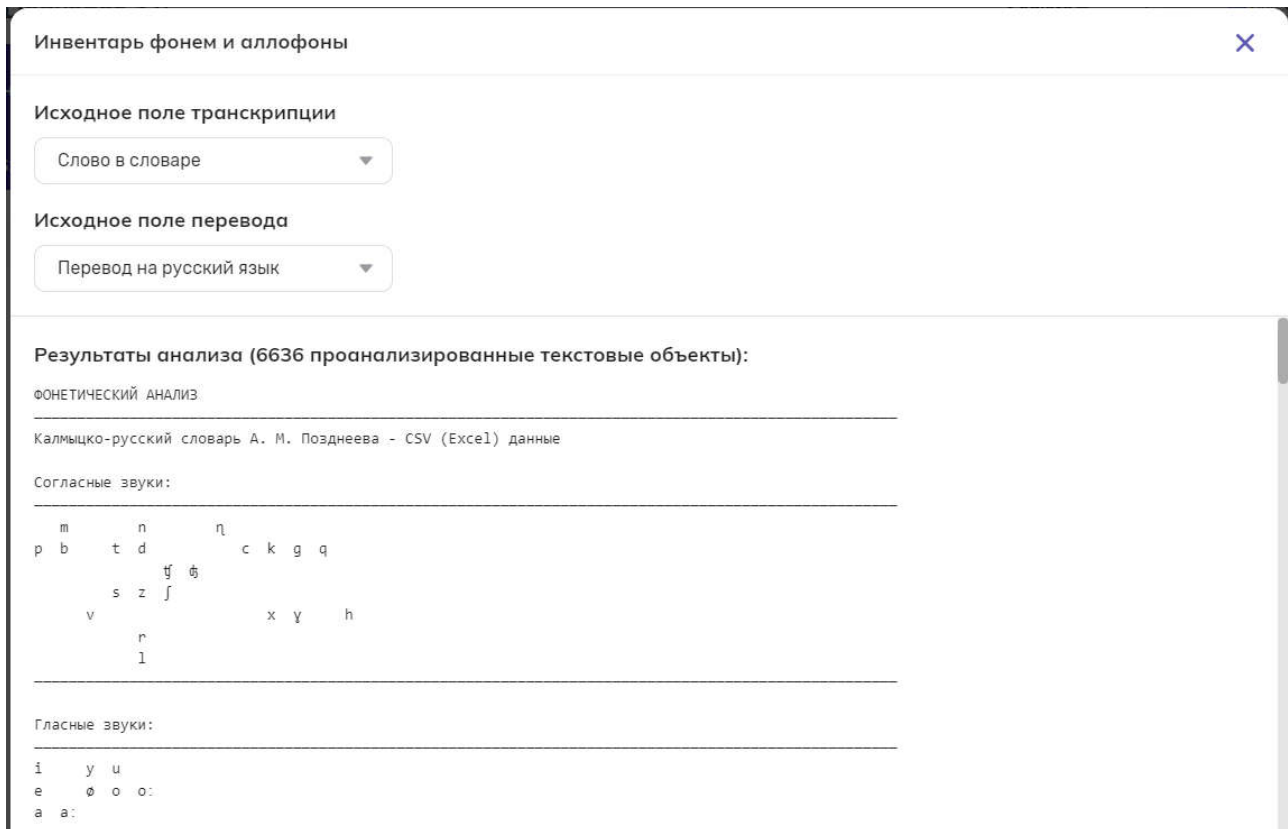

Рис. 1. Опция платформы Lingvodoc «Инвентарь фонем и аллофоны» на материале словаря А. М. Позднеева (1911)

```
[ʒ]:
#____: ʒabuɯ [ʒabuɯ] 'чепрак', ʒalā [ʒala:] 'слизь (М. И. 11, 7)', ʒalba [ʒalba] 'жалованье (русс.)', ʒalxan [ʒalxan] 'маленький, не
+ПЕР_:
+ЦНТ_:
+ЗАД_:
+ОГУ_:
_+ПЕР: ʒabuɯ [ʒabuɯ] 'чепрак', ʒalā [ʒala:] 'слизь (М. И. 11, 7)', ʒalba [ʒalba] 'жалованье (русс.)', ʒalxan [ʒalxan] 'маленький, не
_+ЦНТ:
_+ЗАД: ʒoi [ʒoi] 'колода (карт)', ʒolom [ʒolom] 'верхняя часть юрты без решеток, воздвигаемая в виде шалаша ', ʒolō [ʒolo:] 'повод у
_+ОГУ: ʒoi [ʒoi] 'колода (карт)', ʒolom [ʒolom] 'верхняя часть юрты без решеток, воздвигаемая в виде шалаша ', ʒolō [ʒolo:] 'повод у
```

Рис. 2. Сочетаемость графемы *ʒ* с гласными в словаре А. М. Позднеева (1911)

⁹ <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/5882/1/perspective/5882/2/view>

¹⁰ <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/5922/1/perspective/5922/2/view>

¹¹ <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/5889/1/perspective/5889/2/view>

¹² <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/6510/1/perspective/6510/2/view>

¹³ <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/6392/1/perspective/6392/2/view>

¹⁴ <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/6389/1/perspective/6389/2/view>

В [Русско-калмыцкий словарь... 2014] знак љ встречается в двух однокоренных словах в анлауте: *љaxar* ‘якорь’ и *љaxrai* ‘якорный’ (возможно, от рус. *якорь*) [там же: 569]. В словаре К. Рамна обнаружены 6 слов с буквой љ в аналогичной позиции согласного первого слога: *bj̄bda* ‘длинный коврик в храме, на котором сидят монахи-гелонги’ (от тиб. *rgyab rten*); *bj̄ei* ‘Хорошо! Правильно! Да’, *bj̄lou* ‘отверстие’ (ПМ **j̄iluɣa* ‘темя, родничок у ребенка’ [ЭСМЯ, 2 2016: 76]); *bj̄orou morin* ‘иноходец’ (ПМ **j̄iroa* [Nugteren 2011: 388]); *bj̄owā* ‘десять миллионов’ (от тиб. *bye ba*); *bj̄u* ‘Молю! Пожалуйста!’ [Cornelius Rahmn’s Kalmuck Dictionary 2012: 39–41]. Два слова сопровождаются авторской транскрипцией: 1) *bj̄lou* — *djalā*; 2) *bj̄owā* — *dschova* [ibid.: 40], которая показывает, что в период составления словаря, т. е. в первой половине XIX в., эта буква служила для передачи звука, соответствующего переднеязычной звонкой смычно-щелевой смягченной аффрикате *ж* [дж] современного калмыцкого языка [Павлов 1983: 150]. Несмотря на это, вышеприведенные лексемы в словаре К. Рамна отнесены к букве *b* (согласно написанию, повторяющему тиб. *ba*), которая передает совершенно другой звук — губно-губной слабый смычный ротовой [β].

Кроме того, написания рассматриваемого знака в двух словарях (*љaxar*, *љaxrai* в анонимном (см. рис. 3) и транскрипция *bj̄lou* — *djalā*¹⁵ в словаре К. Рамна) подтверждают важный для ойратоведения факт, что использование графемы љ (*bj̄*) в «ясном письме» в период создания словарей, т. е. во второй половине XVIII — первой половине XIX в., регламентировалось правилами тибетской орфографии, т. е. при сочетании ее с гласным *a* последний на письме не отображался, в отличие от других гласных, подобно тибетским огласовкам *e* (тиб. *'greng po*), *o* (тиб. *na ro*), *i* (тиб. *ki ku*), *u* (тиб. *zhabs kyū*). Об этом явлении пишет Н. В. Ямпольская, рассматривающая проблематику тибетских подписных *ya* (*ятаг*) и *wa* (*вазур*) в *тодо бичиг* [Ямпольская 2022].

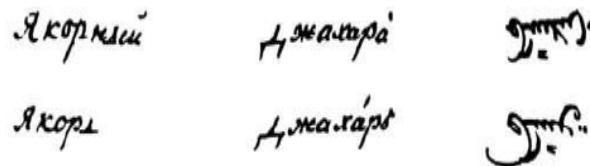

Рис. 3. Написание сочетания ља (*a* не прописан) в анонимном русско-калмыцком словаре (конец XVIII в.)

В словаре Н. Бадмаева 1899 г. графема љ встречается в 12 словах¹⁶:

- 1) *љungſu* ‘алебастр’ [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899: 5] (заимствование из китайского языка [Ramstedt 1935: 116]);
- 2) *arљāna* ‘аржанец’ [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899: 5] (заимствование из русского языка);
- 3) *љiōkōn* (*љōkōn*) ‘вяз’ [там же: 17] (возможно, заимствование из тюркских языков: семантический сдвиг от каз. *жәке* ‘липа’, ср. *жәке* (каз., ккал.), *йүкә* (тат., баш., баш. диал.) [ЭСТЯ 1989: 32]);
- 4) *љirō* (*љorō*) ‘иноходец’ [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899: 31] (ПМ **j̄iroa* [Nugteren 2011: 388]);
- 5) *ханљiл* (*ханљāl*) ‘кинжал’ [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899: 32] (заимствование из тюркских языков [Ramstedt 1935: 165], от ПТ **қаң-* ‘металл, листовое железо’. В [ЭСТЯ 1997: 259] указывается, что адыгская и карачаево-балкарская лексемы идентичны калмыцкому *ханљāl* ‘кинжал’, ногайскому *қынжал*, кумыкскому *хынљал*, восходящим к тюркской основе; А. В. Дыбо считает, что исконной является сюннуская форма, которая впоследствии была заимствована в согдийский, арабский, персидский, турецкий и т. д. [Дыбо 2007: 85]);
- 6) *љolō* (*buruntuq*) ‘повод’ [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899: 58] (ПМ **j̄iloa* [Nugteren 2011: 387]);
- 7) *љiluu* (*љaluu*) ‘полынья’ [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899: 61] (ПМ **j̄iluɣa* ‘темя, родничок у ребенка’ [ЭСМЯ, 2 2016: 76]);
- 8) *баљiуна* (*баљина*) ‘ревень’ [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899: 68];
- 9) *љlā* (*љāla*) ‘соменок’ [там же: 77];
- 10) *љabuu* ‘чепрак’ (заимствование из тюркских языков [Ramstedt 1935: 108], от ПТ *йан-* ‘покрывать, укрывать, закрывать’: ср. *йабу* (тат.), *йабыв^o* (баш.), *жабу* (кир.), *жабув^o* (каз.), *дабу* (алт.) со значениями ‘попона’ — кир., каз., ккал., тат., баш., уз., уйг. [ЭСТЯ 1989: 127—128]);

¹⁵ В опубликованном Й.-О. Свантессоном калмыцко-шведском словаре факсимиле авторской рукописи К. Рамна нет, поэтому делать заключения о записи знака мы можем только по варианту транслитерации *bj̄lou*, в котором после знака *bj̄* гласный *a* не прописан, однако очевидно, что он произносился.

¹⁶ Здесь и далее в скобках даются инварианты написания или синонимичные слова, если таковые содержатся в словарной статье.

- 11) *žaxar* ‘якорь’ [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899: 95] (заимствование из русского языка, от рус. *якорь*);
- 12) *žaxariyin šüdüin* ‘якорный рог’ [там же: 95] (заимствование из русского языка, от рус. *якорь*).

В «Калмыцко-русском словаре...» А. М. Позднеева, как указано выше, знак *ž* выделен как отдельная буква «ж», раздел которой включает 35 слов [Позднеев 1911: 304—306]:

- 1) *žasa* ‘нашатырь’ [там же: 304] (заимствование из тибетского языка, от тиб. *rgya tshwa* ‘нашатырь’ [Сухбаатар 1997: 102]);
- 2) *žaxar* ‘якорь’ [Позднеев 1911: 304];
- 3) *žayāmal* ‘зеленый лук’ [там же] (заимствование из тюркских языков [Ramstedt 1935: 107], от ПТ *üyv'a* ‘дикий лук; порей’: ср. *йуа* (тат.), *йыв'а* (баш.), *джоува* (кирг.), *жув'а* (каз., ккал.) [ЭСТЯ 1989: 240]);
- 4) *žayasanaxu* ‘свербеть, зудеть’ [Позднеев 1911: 304] (ПМ **jagala-* [Nugteren 2011: 379]);
- 5) *žayar* ‘Индия’ [Позднеев 1911: 305] (заимствование из тибетского языка, от тиб. *rgya dkar* ‘Индия’ [Сухбаатар 1997: 97]);
- 6) *žabuu* ‘чепрак’ [Позднеев 1911: 305] (заимствование из тюркских языков, см. выше);
- 7) *žataq* ‘шапочка, обычно носимая духовными лицами’ [там же] (возможно, заимствование из тибетского [Ramstedt 1935: 108]);
- 8) *žāla* ‘соменок’ [Позднеев 1911: 305];
- 9) *žalā* ‘слизь’ [там же];
- 10) *žalxan* ‘маленький, небольшой’ [там же] (протомонгольская форма не установлена);
- 11) *žalba* ‘жалованье (русс.)’ [там же] (заимствование из русского языка [Ramstedt 1935: 108]);
- 12) *žamba* ‘одуванчик (тиб.)’ [Позднеев 1911: 305] (заимствование из тибетского языка, от тиб. *byang ba* ‘чистый, священный’ (?) [Сухбаатар 1997: 98]);
- 13) *žanjilaxu* ‘жевать’ [Позднеев 1911: 305] (ПМ **jañil-* [Nugteren 2011: 380]);
- 14) *žayaq* ‘расписание, устав, штат’ [Позднеев 1911: 305] (заимствование из тибетского языка, от тиб. *bca'yig* ‘устав’ [Сухбаатар 1997: 102]);
- 15) *žayaqlaxu* ‘вводить в расписание, включать в штат’ [Позднеев 1911: 305] (заимствование из тибетского языка, см. выше);
- 16) *žingnekü* ‘весить, взвешивать’ [там же] (заимствование из китайского языка [Ramstedt 1935: 111; Сухбаатар 1997: 103]);
- 17) *žeba* ‘десять миллионов’ [Позднеев 1911: 305] (заимствование из тибетского языка, от тиб. *bye ba* ‘десять миллионов’ [Сухбаатар 1997: 102]);
- 18) *žōkōn* ‘вяз (дерево)’ [Позднеев 1911: 305] (возможно, заимствование из тюркских языков, см. выше);
- 19) *žoi* ‘колода (карт)’ [там же] (возможно, заимствование из китайского языка?);
- 20) *žolō* ‘повод у узды, вожжи’ [там же] (< ПМ **jiloa* [Nugteren 2011: 387]);
- 21) *žolōči* ‘кучер’ [Позднеев 1911: 305] (< ПМ **jiloa* [Nugteren 2011: 387]);
- 22) *žolōdaxu* ‘держат за повод, править поводом, вожжами’ [Позднеев 1911: 305] (< ПМ **jiloa* [Nugteren 2011: 387]);
- 23) *žolom* ‘верхняя часть юрты без решеток, воздвигаемая в виде шалаша’ [Позднеев 1911: 305] (заимствование из киргизского/казахского языка [Ramstedt 1935: 115], от кир. *жолум/жолум уй*, от ПТ **jo:l* ‘дорога, путевая юрта’);
- 24) *žoqbo* ‘(тиб.), по калм. (нрзб) «палка наказания» — короткий жезл, являющийся принадлежностью гэбкуя’ [Позднеев 1911: 305] (заимствование из тибетского языка, от тиб. *dbyug pa* ‘палка, жезл’);
- 25) *žorō* ‘иноходец’ [Позднеев 1911: 305] (ПМ **jiroa* [Nugteren 2011: 388]);
- 26) *žöyilön* ‘мягкий, нежный, дряблый, рыхлый’ [Позднеев 1911: 305] (ПМ **jöelen* (?*jēülen) [Nugteren 2011: 392]);
- 27) *žöyilödkü* ‘дрябнуть, смягчить’ [Позднеев 1911: 305] (ПМ **jöelen* (?*jēülen) [Nugteren 2011: 392]);
- 28) *žöliön* ‘вялый’ (ПМ **jöelen* (?*jēülen) [Nugteren 2011: 392]);
- 29) *žöyilörökü* ‘быть вялым’ [Позднеев 1911: 305] (ПМ **jöelen* (?*jēülen) [Nugteren 2011: 392]);
- 30) *žölörökü* ‘отмякнуть’ [Позднеев 1911: 306] (ПМ **jöelen* (?*jēülen) [Nugteren 2011: 392]);
- 31) *žöyilöriülkü* ‘смягчить’ [Позднеев 1911: 306] (ПМ **jöelen* (?*jēülen) [Nugteren 2011: 392]);
- 32) *žölön saγan modon* ‘липа, липовое дерево’ [Позднеев 1911: 306] (ПМ **jöelen* (?*jēülen) [Nugteren 2011: 392]);
- 33) *žuica* ‘китайские носилки’ [Позднеев 1911: 306] (заимствование из китайского языка [Ramstedt 1935: 116; Сухбаатар 1997: 105]);
- 34) *žungšu* ‘алебастр’ [Позднеев 1911: 306] (заимствование из китайского языка [Ramstedt 1935: 116]);
- 35) *žuša* ‘студень’ [Позднеев 1911: 306] (возможно, заимствование из китайского языка?).

Кроме того, в [Позднеев 1911] установлены еще 18 слов, в которых встречается графема *ᠵ*:

- 1) *arᠵanca öbösön* ‘роженец трава’ [там же: 14] (заимствование из русского языка, см. выше);
- 2) *engᠵur* ‘мягкий, нежный, любезный’ [там же: 15] (ПМ **eng-kü-re-* ‘нежно любить, лелеять, относиться ласково’ [ЭСМЯ, 1 2015: 216]);
- 3) *namᠵir (namᠵar)* ‘одна из верхних одежд гелюнгов’ [Позднеев 1911: 64] (заимствование из тибетского языка, от тиб. *snam spyar* (правильно: *sbyar*) ‘монашеское одеяние’ [Сухбаатар 1997: 144]);
- 4) *nöᠵi (nöᠵi)* ‘куски ссевшейся крови’ [Позднеев 1911: 70] (протомонгольская форма не установлена);
- 5) *xanᠵal* ‘кинжал’ [там же: 75] (заимствование из тюркских языков, см. выше);
- 6) *xaᠵuugiᠢyin* ‘сторонний, посторонний’ [там же: 89] (ПМ *qaji-yu [ЭСМЯ, 3 2018: 22]);
- 7) *ᠶanᠵur* ‘сборник поучений Будды’ [Позднеев 1911: 106] (заимствование из тибетского языка, от тиб. *bka' gyur* ‘перевод слов [Будды]’ [Сухбаатар 1997: 62]);
- 8) *ᠶāᠵa* ‘имбирь’ [Позднеев 1911: 110] (заимствование из тибетского языка, от тиб. *sga skya* ‘имбирь’ [Сухбаатар 1997: 57]);
- 9) *barᠵuna* ‘ревень’ [Позднеев 1911: 124] (протомонгольская форма не установлена);
- 10) *bokoᠵuul (boqjiul)* ‘обломки, щепки, выброшенные из реки на берег водою и собираемые на топливо’ [там же: 131] (протомонгольская форма не установлена);
- 11) *ᠶaqᠵmüni* ‘Сакья муни, современный Будда мироправитель’ [там же: 166] (заимствование из санскрита, от санскр. *śākyamuni* ‘Будда Шакьямуни’);
- 12) *ᠶurᠵingnaxu* ‘шуршать, шелестеть, журчать (о воде родника)’ [там же: 176] (ПМ **ᠶor-ᠵi-gina-* [ЭСМЯ, 3 2018: 143]);
- 13) *tungᠵur (tungᠵir)* ‘хороший во всех отношениях, т. е. быстрый, красивый, умный и сильный’ [Позднеев 1911: 202] (протомонгольская форма не установлена);
- 14) *danᠵur* ‘сборник буддийских сочинений’ [Позднеев 1911: 207] (заимствование из тибетского языка, от тиб. *bstan gyur* ‘перевод учений [Будды]’ [Сухбаатар 1997: 80]);
- 15) *daqᠵuur xāᠯᠶa* ‘торная дорога’ [Позднеев 1911: 212] (протомонгольская форма не установлена);
- 16) *ᠶoyiᠵong* ‘знаток и хранитель священного учения (тиб.); тайноведец, прорицатель’ [там же: 250] (заимствование из тибетского языка, от тиб. *chos skyong* ‘хранитель учения’ [Сухбаатар 1997: 215]);
- 17) *ᠵilō (ᠵolō)* ‘повод, вожжи’ [Позднеев 1911: 265] (ПМ *ᠵiᠯoa [Nugteren 2011: 387]);
- 18) *rab ᠵams ba* ‘Рабдjamба — высшая ученая степень, (нрзб) даваемая ламам; в калм. переводе (нрзб) — превосходный’ [Позднеев 1911: 304] (заимствование из тибетского языка, от тиб. *rab byams pa* ‘безграничный, всеобъемлющий’).

Поскольку рассматриваемая графема изначально создавалась как знак транскрипционного алфавита галик, вполне логично, что определенная часть слов, в написании которых она используется, — заимствования. Так, из выявленных в словаре А. М. Позднеева 53 слов 15 заимствованы из тибетского языка, 13 — из тюркских языков, 5 — из китайского, 2 — из русского, 1 — из санскрита. Таким образом, чуть менее половины слов из вышеприведенного списка с графемой *ᠵ* принадлежит к общемонгольской лексике. На их примере рассмотрим случаи употребления согласного *ᠵ* в [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899] и [Позднеев 1911] в сравнении с литературными формами современного калмыцкого языка, чтобы установить, для обозначения какого звука он использовался.

Употребление согласного *ᠵ*:

1) в первом слоге:

/ᠵ/ в соответствии с лит. */ж/*:

ᠵayasaᠨaxu [Позднеев 1911: 304] — лит. *ᠵаһинх*; ср. *ᠵiᠶaᠵinaᠨaxu* ‘чесаться, свербеть’ [Смирнов 1857: 121], *ᠵaᠶalaxu* ‘чесать, сильно чесаться’ [Дилигенский 1852: 263] < ПМ **ᠵagala-* [Nugteren 2011: 379];

ᠵanᠵilaxu [Позднеев 1911: 305] — лит. *ᠵаажлх*; ср. *ᠵaᠶalaxu/ᠵaᠵilaxu* ‘жевать’ [Дилигенский 1852: 268; Смирнов 1857: 31] < ПМ **ᠵajil-* [Nugteren 2011: 380];

ᠵolō [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899: 58; Позднеев 1911: 305] — лит. *ᠵола*; ср. *ᠵilō* ‘повод, вожжи’ [Дилигенский 1852: 272; Смирнов 1857: 73] < ПМ *ᠵiᠯoa [Nugteren 2011: 387];

ᠵorō [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899: 31; Позднеев 1911: 305] — лит. *ᠵора*; ср. *ᠵirō* ‘иноходец, лошадь’ [Дилигенский 1852: 273; Смирнов 1857: 73] < ПМ *ᠵiroa [Nugteren 2011: 388];

ᠵöyilön/ᠵöliön [Позднеев 1911: 305] — лит. *ᠵөөлн*; ср. *zölön/zöülen* [Дилигенский 1852: 282; Смирнов 1857: 56] < ПМ *ᠵöelen (? *ᠵeülen) [Nugteren 2011: 392];

2) во втором слоге:

/ʒ/ в соответствии с лит. /жс/:

šuržingnaxu [Позднеев 1911: 176] — лит. *шуржснхс*; ср. *šurčiginaxu* [Дилигенский 1852: 348] < ПМ *šor-ji-gina- [ЭСМЯ, 3 2018: 143];

xažuuigiin [Позднеев 1911: 89] — лит. *хажуһин*; ср. *xaži* [Львовский 1893: 138] < ПМ *qaji-yu [ЭСМЯ, 3 2018: 22];

engžur [Позднеев 1911: 15] — лит. *энкр*; ср. *engkejikü* [Дилигенский 1852: 13; Львовский 1893: 23] < ПМ *eng-kü-re- ‘нежно любить, лелеять, относиться ласково’ [ЭСМЯ, 1 2015: 216];

3) в третьем слоге:

/ʒ/ в соответствии с лит. /жс/:

božožuul — лит. *богжул* (протомонгольская форма не установлена).

Как показывает сравнение с литературными формами современного калмыцкого языка, буква *ž*, используемая в [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899] и [Позднеев 1911], передает аффрикативный звук [дж]. В словарях старокалмыцкого языка [Дилигенский 1852] и [Львовский 1893] для его передачи в написании аналогичных слов используется графема *ʒ*, в единичном случае в [Дилигенский 1852] — *č*: *šuržingnaxu* — *šurčiginaxu*.

Интересно отметить, что в [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899] и [Позднеев 1911] принцип традиционного в *тодо бичиг* следования тибетскому слоговому письму нарушается и графема *ž* уже не включает в себя, как в предыдущих словарях, гласный *a*, подобно тибетскому оригиналу: если он следует за согласным, он прописывается отдельным зубцом (рис. 4). Это характерно и для дидактических материалов по калмыцкому языку начала XX в., в частности для [Калмыцкий букварь 1915] (см. рис. 5).

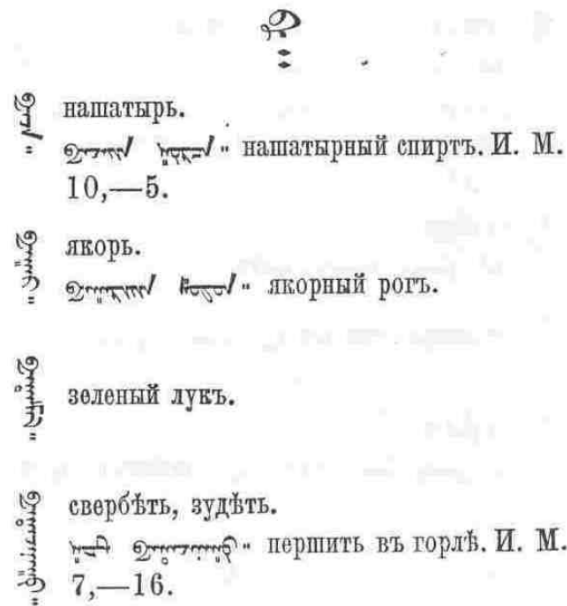

Рис. 4. Написание сочетания *ža* (*a* прописан отдельным зубцом) в словаре А. М. Позднеева (1911)

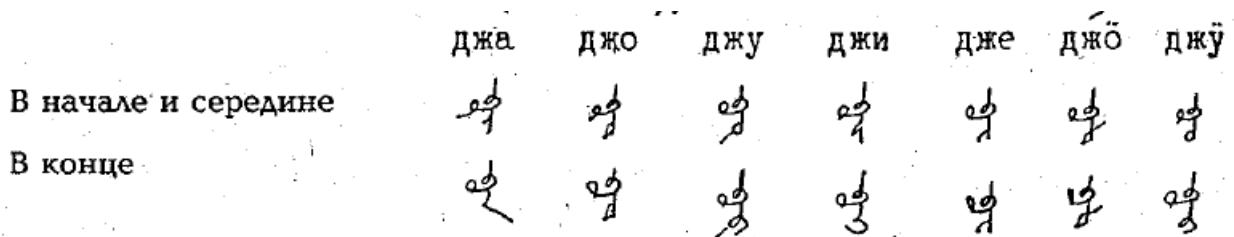

Рис. 5. Написание знака *ž* в сочетании с гласными в «Калмыцком букваре» Л. Нармаева и Н. Очирова (1915)

Знак галика *ǰ*, как пишет Д. А. Павлов, был введен в старокалмыцкий алфавит для обозначения фонемы [дж] в иноязычных словах и словах, подвергшихся перелому гласного *i* [Павлов 1983: 12], и представлял собой позиционный аллограф знака *ǰ*: когда за звонкой аффрикатой [дж] следует гласный *i*, использовалась графема *ǰ*, в случае если она предшествует другим гласным — *ǰ*. Это подтверждается примерами из словаря Н. Бадмаева: *xanǰil/xanǰāl* ‘кинжал’ [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899: 32], *ǰirō/ǰorō* ‘иноходец’ [там же: 31], *ǰiluu/ǰaluu* ‘полянья’ [там же: 61], *ǰlā/ǰāla* ‘соменок’ [там же: 77], *baǰiuna/baǰuna* ‘ревень’ [там же: 68], *ǰiōkōn/ǰōkōn* ‘вяз’ [там же: 17]. В словаре А. М. Позднеева также обнаружены подобные примеры: *namǰir/namǰar* [Позднеев 1911: 64], *boǰoǰuul/boǰǰiul* [там же: 131], *tungǰir/tungǰur* [там же: 202]; *ǰilō/ǰolō* [там же: 265], но наряду с ними встречаются и написания *nōǰi/nōǰi* ‘куски ссевшейся крови’ [там же: 70], *ǰingnekü* ‘весить, взвешивать’ [там же: 305], *ǰurǰingnaxu* ‘шуршать, шелестеть, журчать (о воде родника)’ [там же: 176], в которых после *ǰ* идет гласный *i*; и наоборот, *tanǰa/mangǰa* ‘угощение духовенства чаем во время хурала’, *ǰajilaxu* ‘жевать, пережевывать’, где перед гласным *a* пишется *ǰ*. Другими словами, в словаре А. М. Позднеева наблюдается отход от правила разграничивать использование графем *ǰ* и *ǰ* в письме и они находятся в позиции свободного варьирования.

К. И. Костенков в своем пособии указывает, что буква *ǰ* пишется в сочетании с гласными *a*, *o*, *u*, с гласным *i* используется другая графема — *ǰ* (см. рис. 6) [Калмыцко-русский букварь... 1871: 2—3].

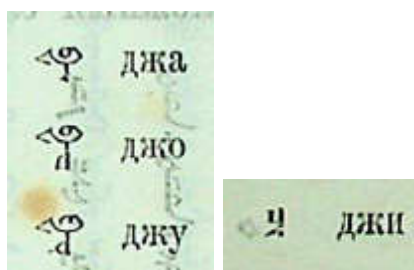

Рис. 6. Аллографы *ǰ* (перед гласными *a*, *o*, *u*) и *ǰ* (перед гласным *i*) в сочетании с разными гласными в «Калмыцко-русском букваре» К. И. Костенкова (1871)

Случаи ее использования ограничиваются 7 примерами во всем букваре: *ǰorō* ‘иноходь’ [там же: 4], *ǰolōči* ‘кучер’ [там же], *niǰēd* ‘по одному’ [там же: 31], *teǰēl* ‘питание, корм’ [там же: 41], *teǰēlēn* ‘питая’ [там же: 42], *xaǰuuǰāsu* ‘сбоку’ [там же: 43], *serǰemǰen* ‘свою внимательность’ [там же: 46].

В [Калмыцкий букварь 1915] отмечается гораздо более активное использование графемы *ǰ* как аллографа *ǰ*, в том числе и в препозиции к гласному *i*: *ǰil* ‘год’ [там же: 10], *aranǰin* (правильно: *aralǰin*) ‘паяк’ [там же], *ǰorǰolǰin* ‘муравей’ [там же], *dōrbōlǰin* ‘квадрат’ [там же], *ǰirǰalang* ‘счастье’ [там же], *arǰamǰi* ‘аркан’ [там же], *boǰxomǰi* ‘возрождение’ [там же], *harǰingnaxu* ‘гремять, стучать’ [там же], *orkomǰi* ‘монашеское одеяние’ [там же], *ǰirǰadaq* ‘радующийся’ [там же: 23], *ǰaranǰinaǰi* (правильно: *ǰaralǰinaǰi*) ‘бурьяна’ [там же: 24], *dēǰi* ‘лучшая, первая, часть’ [там же: 25], *ēǰilei* ‘с бабушкой’ [там же], *kemēǰēn* ‘если’ [там же: 30], *teǰēl* ‘питание, корм’ [там же: 31].

В приложении к букварю, включающем тексты образцов благопожеланий и письменной литературы калмыков, знак *ǰ* используется при написании аффикса соединительного деепричастия *-ǰi*, чередуясь с классическим вариантом *-ǰi*, что можно расценивать как своего рода инновационный шаг в развитии старокалмыцкого письма, поскольку традиционно в «ясном письме» в данном аффиксе использовалась только графема *ǰ*. Ниже приведем текст в транслитерации и переводе¹⁷:

Yōrēl

Благопожелание-йорял

ōndōr iki dobon dēre gerēn bariǰi /
 высокий большой холм на дом-ACC2-POSS3 строить-CONV.IPFV
 Построив дом на высоком большом холме,

ōrgōn iki šiyiri dēre zelēn tataǰi /
 широкий большой летнее стойбище на коновязь-ACC2-POSS3 натянуть-CONV.IPFV
 Натянув веревку для коновязи на летнем стойбище,

¹⁷ Перевод автора статьи.

xoyiyuur yoboqsandān xoi xuryān öqči /
 позади-DIR идти-PTCPL.PST-DAT-POSS3 овца-ACC2 ягненок-ACC2-POSS3 давать-CONV.IPFV
 Отдавая тем, кто остался позади, овец и ягнят,

ömnegüür yoboqsandān unixu dāya öqči /
 впереди-DIR идти-PTCPL.PST-DAT-POSS3 ехать верхом-PTCPL.FUT жеребенок-ACC2 давать-CONV.IPFV
 Тем, кто впереди, — жеребят,

ardāyuur yoboqsandān ayiraq čigēgēn ogči /
 позади-DIR идти-PTCPL.PST-DAT-POSS3 кумыс кумыс-ACC2-POSS3 давать-CONV.IPFV
 Тем, кто позади, — кумыс,

ömnegüür yoboqsandān ökö tosān öqči /
 впереди-DIR идти-PTCPL.PST-DAT-POSS3 жир масло-ACC2-POSS3 давать-CONV.IPFV
 Тем, кто впереди, — жир и масло,

dotor muutiyigi nomāran xangyāži /
 внутри плохой-ASSOC-ACC1 Учение-INST-POSS3 удовлетворять-CONV.IPFV
 Удовлетворяя Учением тех, кто плох внутренне,

γazādu muutiyigi öqlögēren xangyāži /
 снаружи-DAT плохой-ASSOC-ACC1 даяние-INST-POSS3 удовлетворять-CONV.IPFV
 Удовлетворяя даянием тех, кто плох внешне,

burxani ömnö tolyayıyan tabiži /
 Будда-GEN перед голова-ACC1-POSS3 класть-CONV.IPFV
 Головой поклоняясь Будде,

buruni ömnö kölēn žiyiži /
 неверный-GEN перед нога-ACC2-POSS3 вытягивать-CONV.IPFV
 Вытягивая ноги в сторону неправедных,

ezen noyondān xayirtai bolži /
 хозяин князь-DAT-POSS3 милость-ASSOC стать-CONV.IPFV
 Пребывая в милости у нойонов-владельцев,

emēltei mörēr šangnuulži /
 седло-ASSOC лошадь-INST получить вознаграждение-CONV.IPFV
 Получая вознаграждение в виде оседланных лошадей,

xān noyondān xayirtai bolži /
 хан князь-DAT-POSS3 милость-ASSOC стать-CONV.IPFV
 Пребывая в милости у ханов и нойонов,

gazartai mörēr šangnuulži /
 узда-ASSOC лошадь-INST получить вознаграждение-CONV.IPFV
 Получая вознаграждение в виде взнузданных лошадей,

orār düürüng okotai bolži /
 жилище-INS полный дочь-ASSOC стать-CONV.IPFV
 С домом, полным дочерей,

könžilgēr düürüng köbüütei bolži
 кровать-INS полный сын-ASSOC стать-CONV.IPFV
 С кроватью, полной сыновей,

žiryatun
 радоваться-IMPR
 Живите в счастье [Калмыцкий букварь 1915: 27].

Заключение

Знак галика *ǰ*, первоначально предназначавшийся в ойратском письме для передачи иноязычных слов, ко второй половине XIX — началу XX в. перешел в число основных букв старокалмыцкого алфавита как аллограф графемы *ǰ*, используемый для обозначения звонкого аффрикативного [дж] после гласных *a, e, o/ö, u/ü*. Это подтверждают и лексикографические, и дидактические материалы рассматриваемого периода [Калмыцко-русский букварь... 1871: 3—4; Позднеев 1911; Калмыцкий букварь 1915: 5], в которых он присутствует уже как отдельная буква. В связи с этим стоит отметить, что в традиции «ясного письма» ойратов Монголии и Китая данное явление исследователями не упоминается [Rakoś 2012] и использование графемы *ǰ* ограничено рамками транскрипционной системы галика.

Несмотря на то что она представлена в памятниках старокалмыцкого языка начиная со второй половины XVIII в. и активно используется в графике рукописей второй половины XIX — начала XX в., в ойратоведческих исследованиях прежде не поднимался вопрос транслитерирования данного знака. Одной из целей нашей публикации является попытка заполнить этот пробел и отметить проблему необходимости поиска единого общепринятого варианта транслитерации для графемы *ǰ*, которая на данном этапе исследований транслитерируется нами как *ǰ*.

Проанализированные словари и буквари демонстрируют изменения в ее написании в диахронии и отход от первоначального принципа следования тибетской орфографии, когда гласный *a* перестал входить по умолчанию в графему и стал прописываться отдельным зубцом. Помимо этого, материалы словаря [Позднеев 1911] и [Калмыцкий букварь 1915] показывают, что к настоящему периоду аллографы звука [дж] *ǰ* и *ǰ* находились в позиции свободного варьирования, т. е. могли заменять друг друга, в то время как в более ранних источниках — [Калмыцко-русский букварь... 1871] и [Краткий русско-калмыцкий словарь 1899] — графема *ǰ* использовалась исключительно в позиции перед всеми гласными, кроме *i*.

Сокращения

Глоссы

ACC1 — винительный маркированный падеж	GEN — родительный падеж
ACC2 — винительный немаркированный падеж	IMPR — повелительное наклонение
ASSOC — совместный падеж	INST — орудный падеж
CONV — деепричастие	IPFV — соединительное деепричастие
DAT — дательный-местный падеж	POSS3 — определенность и принадлежность 3-му лицу
DIR — направительный падеж	PST — недавнопрошедшее время
FUT — причастие будущего времени	PTCPL — причастие

Общие, языки и диалекты

алт. — алтайский	лит. — литературный
баш. — башкирский	ойр. — ойратский
диал. — диалект	рус. — русский
каз. — казахский	тат. — татарский
кир. — киргизский	тиб. — тибетский
ккал. — каракалпакский	уз. — узбекский
	уйг. — уйгурский

Источники и литература

Бембеев 2014 — *Е. В. Бембеев*. Графо-фонетический анализ согласных по данным «Русско-калмыцкого словаря анонимного автора XVIII в.» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014, № 4. С. 96—101.

Грамматика калмыцкого языка 1983 — Грамматика калмыцкого языка. Элиста, 1983.

Дилигенский 1852 — *В. Дилигенский*. Русско-калмыцкий словарь // Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 10. Оп. 7. Д. 20.

- Дыбо 2007 — *А. В. Дыбо*. Лингвистические контакты ранних тюрков. Лексический фонд. Пратюркский период. М., 2007.
- Инеднты калмыцкого фольклора... 2021 — Инеднты калмыцкого фольклора из архива И. И. Попова: сказочная проза и малые жанры / Сост., пер. Б. Б. Горяевой, С. В. Мирзаевой, Д. В. Убушиевой. Элиста, 2021.
- Калмыцкий букварь 1915 — Калмыцкий букварь / Сост. Л. Нормаев, Н. Очиров при участии Вл. Котвича. Пг., 1915.
- Калмыцко-русский букварь... 1871 — Калмыцко-русский букварь для обучения грамоте калмыцких детей, составлен по распоряжению главного попечителя калмыцкого народа генерал-майора К. И. Костенкова. СПб., 1871.
- Кара 1972 — *Д. Кара*. Книги монгольских кочевников (семь веков монгольской письменности). М., 1972.
- Краткий русско-калмыцкий словарь 1899 — Краткий русско-калмыцкий словарь / Сост. Н. Бадмаев. СПб., 1899.
- Краткий русско-калмыцкий словарь 1916 — Краткий русско-калмыцкий словарь / Сост. по поручению Управления начальных школ калмыцкой степи П. Коржевой, Т. Юрковой, Л. Нормаевым и А. Чапчаевым. Астрахань, 1916.
- Львовский 1893 — *Н. В. Львовский*. Калмыцко-русский словарь, составленный студентом Казанской духовной академии, бывшим противобуддийским миссионером среди калмыков Большедербетовского улуса, Ставропольской епархии и губернии иеромонахом Мефодием (Львовским) в 1893 г. // Книжный фонд библиотеки восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Шифр Calm D 13, инв. № 2157.
- Павлов 1983 — *Д. А. Павлов*. Фонетика современного калмыцкого языка. 2-е изд., доп. Элиста, 1983.
- Позднеев 1911 — *А. М. Позднеев*. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. СПб., 1911.
- РО БВФ СПбГУ — Рукописный отдел библиотеки восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.
- Русско-калмыцкий словарь... 2014 — Русско-калмыцкий словарь анонимного автора, XVIII в. / Транслит. Н. М. Мулаева, Н. Ч. Очирова; сост. В. В. Куканова, Н. М. Мулаева; отв. ред. Е. В. Бембеев, В. В. Куканова [электронное издание]. Элиста, 2014.
- Смирнов 1857 — *П. Смирнов*. Краткий русско-калмыцкий словарь. Казань, 1857.
- Сухбаатар 1997 — *О. Сүхбаатар*. Монгол хэлний харь үгийн толь (= Словарь заимствованных слов в монгольском языке). Улаанбаатар, 1997.
- ЭСМЯ, 1 2015 — Этимологический словарь монгольских языков: В 3 т. / Гл. ред. Г. Д. Санжеев; ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. I. А—Е. М., 2015.
- ЭСМЯ, 2 2016 — Этимологический словарь монгольских языков: В 3 т. / Гл. ред. Г. Д. Санжеев; ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. II. G—P. М., 2016.
- ЭСМЯ, 3 2018 — Этимологический словарь монгольских языков: В 3 т. / Отв. ред. Г. Д. Санжеев; ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. 3. Q—Z. М., 2018.
- ЭСТЯ 1989 — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «ж», «к», «й» / Отв. ред. Л. С. Левитская. М., 1989.
- ЭСТЯ 1997 — Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на буквы «к», «к» / Отв. ред. Г. Ф. Благова. М., 1997.
- Ямпольская 2022 — *Н. В. Ямпольская*. Тибетские подписные *ya* и *wa* в ойратском «ясном письме» // Письменные памятники Востока. 2022. Т. 19, № 2 (вып. 49). С. 73—85.
- Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary 2012 — Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary / Transl. and ed. by J.-O. Svantesson. Turcologica. Band 93. Wiesbaden, 2012.
- Nugteren 2011 — *H. Nugteren*. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht, 2011.
- Rakoś 2012 — *A. Rakoś*. Introduction to Oirad Dialectology. Oirad and Kalmyk Linguistic Essays / Ed. by Á. Birtalan. Budapest, 2012. P. 25—58.
- Ramstedt 1935 — *G. J. Ramstedt*. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
- Torobatu 2014 — *Tariyanči-yin Töröbatu*. Todo ɣaliy üsüg-ün sudulul (= Исследование алфавита *галик* на «ясном письме»). Kökeqota (= Хух-хото), 2014.

Sources and References

- An Anonymous 18th-Century Russian-Kalmyk Dictionary 2014 — Russko-kalmytskiy slovar' anonimnogo avtora, XVIII v. / Translit. N. M. Mulaeva, N. Ch. Ochirova; sost. V. V. Kukanova, N. M. Mulaeva; otv. red. E. V. Bembeev, V. V. Kukanova [elektronnoe izdanie]. Elista, 2014. {An Anonymous 18th-Century Russian-Kalmyk Dictionary. N. Mulaeva, N. Ochirova (translit.); V. Kukanova, N. Mulaeva (comps.); E. Bembeev, V. Kukanova (eds.). Elista, 2014.}
- Bembeev 2014 — E. V. Bembeev. Grafo-foneticheskiy analiz soglasnykh po dannym "Russko-kalmytskogo slovarya anonimnogo avtora XVIII v.". In: Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN. 2014, No. 4. S. 96—101.

{E. V. Bembeev. Graphophonetic Analysis of Consonants Based on Russian-Kalmyk Dictionary by Anonymous Author of 18th Century. In: Bulletin of the Kalmyk Institute of Humanitarian Studies. 2014, No. 4. P. 96—101.}

Concise Russian-Kalmyk Dictionary 1899 — *Kratkiy russko-kalmytskiy slovar'* / Sost. N. Badmaev. Sankt-Peterburg, 1899. {Concise Russian-Kalmyk Dictionary / compiled by N. Badmaev. St. Petersburg, 1899.}

Concise Russian-Kalmyk Dictionary 1916 — *Kratkiy russko-kalmycki slovar'* / Sost. po porucheniyu Upravleniya nachal'nyh shkol kalmyckoj stepi P. Korzhevoj, T. Yurkovej, L. Normaevym i A. Chapchaevym. Astrahan', 1916. {Concise Russian-Kalmyk Dictionary / compiled on behalf of the Kalmyk Steppe Primary Schools Department by P. Korzheva, T. Yurkova, L. Normaev, A. Chapchaev. Astrakhan, 1916.}

Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary 2012 — *Cornelius Rahmn's Kalmuck Dictionary* / Transl. and ed. by J.-O. Svantesson. Turcologica. Band 93. Wiesbaden, 2012.

Diligensky 1852 — V. Diligensky. *Russko-kalmytskiy slovar'*. In: Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Tatarstan. Fond 10. Op. 7. D. 20. {V. Diligensky. Russian-Kalmyk dictionary. State Archive of the Republic of Tatarstan. Fund 10. Ser. 7. File 20.}

Dybo 2007 — A. V. Dybo. *Lingvisticheskie kontakty rannih tyurkov. Leksicheskij fond. Pratyurkskij period*. Moskva, 2007. {A. V. Dybo. Language contacts of early Turks. Vocabulary. The Proto-Turkic period. Moscow, 2007.}

ESMYA, 1 2015 — *Etimologicheskij slovar' mongol'skikh yazykov: V 3 t.* / Gl. red. G. D. Sanzheev; red. L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Ya. D. Leman. T. I. A—E. Moskva, 2015. {Etymological Dictionary of Mongolian Languages: In 3 vol. / Ed.-in-chief G. D. Sanzheev, L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Y. D. Leman (eds.). Vol. 1. A—E. Moscow, 2015.}

ESMYA, 2 2016 — *Etimologicheskij slovar' mongol'skikh yazykov: V 3 t.* / Gl. red. G. D. Sanzheev; red. L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Ya. D. Leman. T. II. G—P. Moskva, 2016. {Etymological Dictionary of Mongolian Languages: In 3 vol. / Ed.-in-chief G. D. Sanzheev, L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Y. D. Leman (eds.). Vol. 2. G—P. Moscow, 2016.}

ESMYA, 3 2018 — *Etimologicheskij slovar' mongol'skikh yazykov: V 3 t.* / Otv. red. G. D. Sanzheev; red.-sost. L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Ya. D. Leman. T. 3. Q—Z. Moskva, 2018. {Etymological Dictionary of Mongolian Languages: In 3 vol. / Ed.-in-chief G. D. Sanzheev, L. R. Kontsevich, V. I. Rassadin, Y. D. Leman (eds.). Vol. 3. Q—Z. Moscow, 2018.}

ESTYA 1989 — *Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "ж", "zh", "y"* / Otv. red. L. S. Levitskaya. Moskva, 1989. {Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common and Inter-Turkic Stems Beginning with "ж", "zh", "y" / Executive ed. L. S. Levitskaya. Moscow, 1989.}

ESTYA 1997 — *Etimologicheskij slovar' tyurkskikh yazykov. Obshchetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy "к", "к"* / Otv. red. G. F. Blagova. Moskva, 1997. {Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common and Inter-Turkic Stems Beginning with "к", "к" / Executive ed. G. F. Blagova. Moscow, 1997.}

Grammatika kalmytskogo yazyka 1983 — *Grammatika kalmytskogo yazyka*. Elista, 1983. {Kalmyk Grammar. Elista, 1983.}

Inedity kalmytskogo fol'klora... 2021 — *Inedity kalmytskogo fol'klora iz arkhiva I. I. Popova: neskazochnaya proza i malye zhanry* / sost., per. B. B. Goryaevoy, S. V. Mirzaevoy, D. V. Ubushievoy. Elista, 2021. {Kalmyk Folklore Inédits from I. I. Popov Archive: non-Fabulous Prose and Small Genres / Compil., transl. by B. B. Goryaeva, S. V. Mirzaeva, D. V. Ubushieva. Elista, 2021.}

Kalmyk Primer 1915 — *Kalmytskiy bukvar'* / sost. L. Normaev, N. Ochirov pri uchastii Vl. Kotvicha. Petrograd, 1915. {Kalmyk Primer / compiled by L. Normaev, N. Ochirov with assistance of W. Kotwicz. Petrograd, 1915.}

Kalmyk-Russian Primer... 1871 — *Kalmytsko-russkiy bukvar' dlya obucheniya gramote kalmytskikh detey, sostavlen po rasporyazheniyu glavnogo popechitel'ya kalmytskogo naroda general-mayora K. I. Kostenkova*. Sankt-Peterburg, 1871. {Kalmyk-Russian Primer for Kalmyk Children Literacy Training, compiled by the Order of the Procurator-General of the Kalmyk People, Major General K. I. Kostenkov. St. Petersburg, 1871.}

Kara 1972 — D. Kara. *Knigi mongol'skikh kochevnikov (sem' vekov mongol'skoy pis'mennosti)*. Moskva, 1972. {D. Kara. Books of Mongolian Nomads (Seven Centuries of Mongolian Script). Moscow, 1972.}

L'vovsky 1893 — N. V. L'vovsky. *Kalmytsko-russkiy slovar', sostavlenyy studentom Kazanskoy dukhovnoy akademii, byvshim protivobuddiyskim missionerom sredi kalmykov Bol'shederbetovskogo ulusa, Stavropol'skoy eparkhii i gubernii ieromonakhom Mefodiem (L'vovskim) v 1893 g.* In: Knizhnyy fond biblioteki vostochnogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Shifr Calm D 13, inv. № 2157. {N. V. L'vovsky. Kalmyk-Russian dictionary compiled by a student of Kazan Theological Academy, anti-Buddhist missionary for Kalmyks of Yeke Dorbet Ulus of Stavropol diocese and province Hieromonk Methodius in 1893. Book Repository of the Oriental Faculty's Library of the St. Petersburg State University. Cypher Calm D 13, Inv. no. 2157.}

Nugteren 2011 — H. Nugteren. *Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages*. Utrecht, 2011.

Pavlov 1983 — D. A. Pavlov. *Fonetika sovremennoy kalmytskogo yazyka*. 2-e izd., dop. Elista, 1983. {D. A. Pavlov. Phonetics of the contemporary Kalmyk. 2nd ed., expanded. Elista, 1983.}

Pozdneev 1911 — A. M. Pozdneev. *Kalmytsko-russkiy slovar' v posobie k izucheniyu russkogo yazyka v kalmytskikh nachal'nykh shkolakh*. Sankt-Peterburg, 1911. {A. M. Pozdneev. Kalmyk-Russian Dictionary: [A Supplement] to the Russian Language Textbook for Kalmyk Primary Schools. St. Petersburg, 1911.}

Rakoś 2012 — A. Rakoś. Introduction to Oirad Dialectology. Oirad and Kalmyk Linguistic Essays / Ed. by Á. Birtalan. Budapest, 2012. P. 25—58.

Ramstedt 1935 — G. J. Ramstedt. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.

RO BVF SPbGU — Rukopisnyy otdel biblioteki vostochnogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. {Manuscripts Repository Department of the Oriental Faculty's Library, Saint Petersburg State University.}

Smirnov 1857 — P. Smirnov. Kratkiy russko-kalmytskiy slovar'. Kazan', 1857. {P. Smirnov. An Abridged Russian-Kalmyk dictionary. Kazan, 1857.}

Sukhbaatar 1997 — O. Sukhbaatar. Mongol khehlniy khar' ygiyn tol'. Ulaanbaatar, 1997. {O. Sukhbaatar. Dictionary of Loan-words in Mongolian. Ulaanbaatar, 1997.}

Torobatu 2014 — Tariyanči-yin Töröbatu. Todo yaliy üsüg-ün sudulul. Kökeqota, 2014. {Tariyanči-yin Töröbatu. Studies on galig letters in Todo bichig. Huhfoto, 2014.}

Yampolskaya 2022 — N. V. Yampol'skaya. Tibetskie podpisnye *ya* i *wa* v oyratskom “yasnom pis'me”. In: Pis'mennye pamyatniki Vostoka. 2022, T. 19, № 2 (vyp. 49). S. 73—85. {N. V. Yampolskaya. Tibetan Subscripts *ya* and *wa* in Oirat Clear Script. In: Pis'mennye pamiatniki Vostoka, 2022, vol. 19, no. 2 (Iss. 49). P. 73—85.}

Определение регулярных фонетических соответствий карельской диалектной речи. Вокализм

Новак Ирина Петровна, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); novak@krc.karelia.ru
Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва),
Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН (Москва); julianor@mail.ru

В статье представлены результаты анализа вокалической системы говоров карельского языка инструментом «Анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок. Источником диалектных данных послужил материал «Сопоставительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепсского и саамского языков» (2007), в котором зафиксировано состояние 24 говоров карельского языка периода 40-летней давности. К работе привлечены также вепсские материалы по шести пунктам, что является важным условием для определения места людиковских говоров в системе прибалтийско-финских языков. Подробному анализу подвержены пять групп гласных, обнаруживающих диалектные различия в области вокализма на уровне говоров карельского языка: конечные гласные номинатива единственного числа имен, долгие гласные, системы расширяющихся и сужающихся дифтонгов, а также сингармонизм. Определены основные позиции и описаны условия функционирования обнаруженных соответственных явлений.

Ключевые слова: карельский язык, диалектология, лингвистическая география, диалектометрия, диалектная классификация, анализ когнатов, междиалектное соответствие, фонетика, вокализм

DETERMINING REGULAR PHONETIC CORRESPONDENCES IN THE KARELIAN DIALECTS. VOCALISM

Irina P. Novak, Institute of Linguistics, Literature and History of KarRC RAS Ivannikov (Petrozavodsk),
Institute for System Programming of the RAS (Moscow); novak@krc.karelia.ru
Julia V. Normanskaja, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow),
Institute for System Programming of the RAS (Moscow); julianor@mail.ru

The article presents the results of the analysis of the vocal system of Karelian dialects using the “Cognate analysis” tool on the LingvoDoc platform. The dialect data used in this article is sourced from the “Comparative Onomasiological Dictionary of Karelian, Vepsian, and Sami languages” (2007), which meticulously recorded the state of 24 Karelian language dialects four decades ago. Vepsian data from six locations was also used in this work, which is an important condition for establishing the correct place of Ludikov dialects in the system of Balto-Finnic languages. The materials used have allowed us to conclude that vowel phonemes are more important in the Karelian language than in Vepsian, in which rising diphthongs and long vowels are not represented. In this study five groups of vowels were subjected to a detailed analysis, revealing dialectal differences in vocalism among the Karelian language dialects: final vowels of the nominative form of nouns, long vowels, systems of rising and falling diphthongs, as well as the vowel harmony phenomenon. The positioning of the discussed phenomena was identified and the conditions for its appearance were described. Similarly, the main dialectal differences in the Karelian language in the field of consonantism are to be identified. Comparison of the obtained results will make it possible to clarify the isoglosses of dialect-differentiating phenomena, determine their nature, and thereby come close to solving the urgent problems of Karelian dialectology.

Keywords: Karelian language, dialectology, linguistic geography, dialectometry, dialect classification, cognate analysis, inter-dialect correspondence, phonetics, vocalism

Исследование И. П. Новак проведено в рамках бюджетного финансирования КарНЦ РАН (тема № 121070700122-5). Работы по внесению и обработке словарей на платформе ЛингвоДок выполнены при поддержке гранта РНФ № 20-18-00403 «Цифровое описание диалектов уральских языков на основании анализа больших данных» (рук. Ю. В. Норманская).

1. Введение

В последние годы для карельского языка с новой силой актуализировалась проблема «язык или диалект», имеющая более чем полуторавековую историю. Под сомнение оказалось поставлено устоявшееся в российской финнистике представление о выделении трех наречий: собственно карельского, ливвиковского и людиковского. Кроме того, теоретически была доказана несостоятельность традиционной диалектной классификации карельского языка, построенной с упором на экстралингвистический (административный) принцип [Новак 2022a]. Современные диалектометрические методики, способные анализировать большие объемы диалектных данных, предоставляют уникальные возможности для решения проблем карельской диалектологии и разработки лингвистически обоснованной диалектной классификации карельского языка.

Главные единицы диалектного членения традиционно выделяются на основе соотносительных явлений фонетического характера, которые принято называть опорными чертами. Фонетика — достаточно мобильная сторона языка: она подвержена внутренним спонтанным изменениям и при этом восприимчива к воздействиям извне. В рамках настоящего исследования планируется проанализировать вокалическую диалектную систему карельского языка с помощью инструмента «Анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок.

В качестве источника диалектных данных в работе используется материал «Сопоставительно-ономасиологического словаря диалектов карельского, вепсского и саамского языков» (2007), подготовленный языковедами ИЯЛИ КарНЦ РАН на основе анкет, заполненных в экспедиционных условиях в 1979—1981 гг. в 24 карельских населенных пунктах (15 собственно карельских — Рис. 1, зеленый цвет): Кнж. — с. Княжая, Кст. — п. Кестеньга, Клв. — пгт Калевала, Вкн. — д. Вокнаволок, Тнг. — д. Тунгуда, Рбл. — с. Реболы, Онд. — п. Ондозеро, Пдн. — с. Паданы, Юст. — д. Юстозеро, Ккр. — д. Койкары, Слщ. — д. Селище, Влд. — г. Валдай, Вег. — г. Весьегонск, Тлм. — с. Толмачи, Држ. — куст деревень Держа, 6 ливвиковских (желтый цвет): Прк. — д. Проккойла, Клт. — с. Колатсельга, Влз. — с. Ведлозеро, Вдл. — с. Видлица, Олн. — г. Олонец, Кнд. — куст деревень Кондуши, 3 людиковских (красный цвет): Глз. — д. Галлезеро, Свт. — с. Святозеро, Мхл. — с. Михайловское, 6 вепсских населенных пунктах (Рис. 1, синий цвет): Шлт. — с. Шелтозеро, Кск. — д. Каскесручей, Ошт. — с. Ошта, Озр. — д. Озера, Влх. — куст деревень Войлахта, Сдр. — д. Сидорово [СОСД 2007]¹. Представленная

¹ Кнж. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4164/1/perspective/4164/2/view>
Кст. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4163/1/perspective/4163/2/view>
Клв. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4162/1/perspective/4162/2/view>
Вкн. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4157/1/perspective/4157/2/view>
Тнг. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4181/1/perspective/4181/2/view>
Рбл. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4173/1/perspective/4173/2/view>
Онд. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4170/1/perspective/4170/2/view>
Пдн. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4171/1/perspective/4171/2/view>
Юст. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4182/1/perspective/4182/2/view>
Ккр. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4165/1/perspective/4165/2/view>
Слщ. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4179/1/perspective/4179/2/view>
Влд. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4153/1/perspective/4153/2/view>
Вег. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4155/1/perspective/4155/2/view>
Тлм. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4180/1/perspective/4180/2/view>
Држ. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4161/1/perspective/4161/2/view>
Прк. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4172/1/perspective/4172/2/view>
Клт. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4166/1/perspective/4166/2/view>
Влз. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4154/1/perspective/4154/2/view>
Вдл. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4156/1/perspective/4156/2/view>
Олн. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4169/1/perspective/4169/2/view>
Кнд. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4167/1/perspective/4167/2/view>
Глз. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4158/1/perspective/4158/2/view>
Свт. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4178/1/perspective/4178/2/view>
Мхл. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4168/1/perspective/4168/2/view>
Шлт. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4196/1/perspective/4196/2/view>
Кск. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4197/1/perspective/4197/2/view>
Ошт. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4198/1/perspective/4198/2/view>

в словаре лексика (около 1,5 тыс. понятий для каждого говора) подробно демонстрирует базовый словарный фонд северо-восточной группировки прибалтийско-финских языков и является отличной основой для обнаружения диалектных различий между ними. Для исследования из материалов словаря были подготовлены, загружены на платформу ЛингвоДок и предварительно обработаны словари по всем карельским и вепским говорам, поскольку привлечение к работе вепских диалектных материалов — необходимое условие для определения языкового статуса людиковских идиомов.

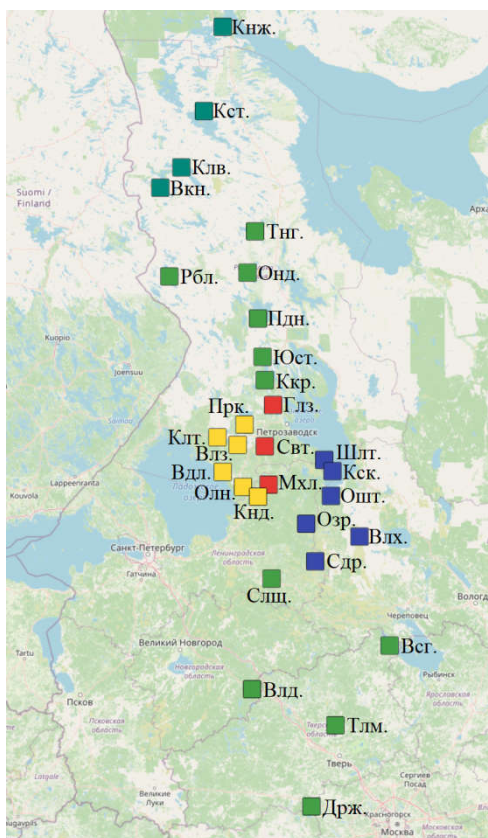

Рис. 1. Анализируемые карельские и вепские говоры

Инструмент «Анализ когнатов» сравнивает материалы словарей между собой по нескольким параметрам, в том числе по начальным гласным, гласным первого слога и гласным второго слога, находит ряды соответствий (надежные, сомнительные² и единичные), сопоставляет их между собой и рассчитывает расстояния между говорами, распределяя их по группам. Результаты сравнения программа представляет в виде таблицы с подробными списками соответствий [Новак 2022б].

Анализ надежных рядов соответствий таблиц по вокализму с привлечением выборочных материалов сомнительных рядов, в которых представлены автоматически определенные программой междиалектные соответствия, позволит не только определить и описать основные диалектные маркеры, но и предоставят информацию об их распространении и условиях функционирования, в чем и состоит цель настоящего исследования.

2. Исследование карельского диалектного вокализма

Первое описание вокалической системы диалектов карельского языка было произведено финским исследователем А. Генетцом, опубликовавшим в конце XIX в. четыре очерка о собственно карельских, ливвиковских, людиковских, а также приграничных карельских говорах. В 1905 г. увидела свет работа

Озр. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4199/1/perspective/4199/2/view>

Влх. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4200/1/perspective/4200/2/view>

Сдр. — <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4201/1/perspective/4201/2/view>

² Надежные ряды — ряды, в которых для каждого говора есть минимум три примера на данный рефлекс. Сомнительные ряды — ряды, в которых есть говоры с менее чем тремя примерами на данный рефлекс.

Х. Оянсуу «Karjalan äänneoppi» («Фонетика карельского языка»), а в 1918 г. — «Karjala-Aunuksen äännehistoria» («Историческая фонетика карельского языка»), в которых на основе трудов А. Генетца был произведен сравнительный анализ фонетических особенностей карельских наречий.

В начале XX в. главное внимание уделялось описанию фонетических систем отдельных говоров карельского языка. Среди них есть работы, посвященные исследованию вокалических систем ливвиковских говоров: Р. Э. Нирви «Suistamon keskusmurteen vokalismi» («Вокализм центральной части суйстамского диалекта») (1932), Э. Лескинен «Tulemajärven murteen vokalismi» («Вокализм тулмозерского диалекта») (1933). Становлению систем гласных звуков людиковских говоров посвящен второй том исследования А. Турунена «Lyydiläismurteiden äännehistoria II» («Историческая фонетика людиковских диалектов») (1950).

В 1971 г. была опубликована статья Т. Итконена «Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty» («Особенности фонетики олонецкого наречия и рождение олонецких диалектов»), в которой отдельное внимание уделяется анализу становления вокалической системы ливвиковских говоров. Исследование П. Виртаранта «Über den olonetzischen Konduši-Dialekt» («Об олонецком кондушском диалекте») (1973) является единственным описанием кондушского диалекта.

В статьях П. Виртаранта «Die Dialekte des Karelischen» («Диалекты карельского языка») (1972) и «Kriterien zur Klassifizierung der Dialekte des Karelischen» («Критерии классификации диалектов карельского языка») (1985) освещены основные отличия между диалектами карельского языка. Людиковские говоры, однако, оставлены за рамками исследования. К междиалектным соответствиям в системе гласных фонем языковедом отнесены рефлексy прибалтийско-финских долгих гласных первого слога и сочетаний гласных, возникших в результате стяжения, конечная огласовка имен, отражение праязыковых сужающихся дифтонгов на *i* [Virtaranta 1972: 19—21].

В Советском Союзе начало изучения карельской диалектологии было положено профессором Д. В. Бубрихом, организовавшим в 1930—1950 гг. работу по сбору материала для «Диалектологического атласа карельского языка». В атлас вошло 38 карт, отражающих диалектные особенности вокалической системы 186 карельских говоров Карелии и Тверской области: «Прибалтийско-финские долгие гласные первого слога» (2 карты), «Стяжение гласных при выпадении интервокальных согласных» (21 карта), «Конечная огласовка слова» (4 карты), «Выпадение гласных в середине слова» (1 карта), «Лабиялизация гласных безударного слога» (4 карты), «Дифтонги на *i*» (6 карт) [Атлас 1997]. Отсутствие в атласе каких-либо сопроводительных комментариев и сводных карт не позволяет все же получить целостное представление о вокалической диалектной системе карельского языка. Кроме того, на картах не нашли отражения собственно карельские тихвинские и валдайские, а также ливвиковские кондушские говоры.

Параллельно с работой над атласом производились описания отдельных карельских диалектов, где также рассматривались системы гласных фонем. Свет увидели работы А. А. Белякова «Фонетика карельского диалекта с. Толмачи Калининской области» (1947), П. Палмеос «Karjala Valdai murrak» («Валдайский диалект карельского языка») (1962), А. П. Баранцева «Фонологические средства людиковской речи» (1975), Д. В. Рягоева «Тихвинский говор карельского языка» (1977).

В 1987 г. вышло учебное пособие П. М. Зайкова «Karjalan kielen murteopria» («Диалектология карельского языка»), а в 2017 г. — «Karjalan kielen murteet» («Диалекты карельского языка»). В работах перечислены основные диалектные особенности всех карельских наречий, в том числе в области вокализма: конечная огласовка имен, рефлексy прибалтийско-финских праязыковых **aa, ää*, поведение сужающихся дифтонгов на *i* в позиции перед переднерядными щелевыми согласными, утрата гармонии гласных людиковскими говорами [Зайков 1987: 14—22; Zaikov 2017: 15—26].

Несмотря на относительно продолжительную и весьма плодотворную историю изучения карельской диалектной речи, обращает на себя внимание неравномерность охвата в ней как объекта, так и предмета исследования: не все территориальные разновидности карельского языка описаны в полной мере, не все фонетические явления, в том числе в области вокализма, подвергнуты анализу. Кроме того, отсутствуют работы обобщающего характера, в которых в сравнительно-историческом плане, с привлечением данных памятников письменности, карельская диалектная речь была бы проанализирована комплексно: на всех языковых уровнях и в полном территориальном охвате.

3. Регулярные междиалектные соответствия в области вокализма

Гласные карельского языка противопоставлены по однородности артикуляции (монофтонги, дифтонги, трифтонги) и по длительности (долгие и краткие гласные).

Инventарь кратких гласных фонем диалектов карельского языка идентичен, что отчетливо демонстрируют полученные в ходе исследования таблицы (на платформе ЛингвоДок инвентарь графем каждого

из словарей можно посмотреть, войдя в словарь по ссылке и выбрав опцию Инструменты > Инвентарь фонем и аллофоны).

По месту образования звука выделяются гласные заднего ряда (*a, o, u*) и гласные переднего ряда (*ä, ö, y, i, e*). В диалектах карельского языка гласные фонемы *i* и *e* обладают среднерядными аллофонами [*i̯*] и [*e̯*], которые выступают в позиции после непалатализованных согласных в лексемах заднерядного вокализма.

По степени подъема принято различать: гласные верхнего подъема (*u, y, i*), гласные среднего подъема (*o, ö, e*), гласные нижнего подъема (*a, ä*).

По положению губ гласные классифицируются на лабиализованные (*o, ö, u, y*) и нелабиализованные (*a, ä, i, e*) [Новак и др. 2019: 43—44].

Применение инструмента «Анализ когнатов» к карельским и вепским диалектным материалам позволило выявить важнейшие отличия в области вокализма как между привлеченными к сравнению языками, так и между представляющими их говорами.

В целом можно заключить, что вепский язык от карельского отличается существенно меньшее количество гласных. Это выражается в практически полном отсутствии в нем расширяющихся дифтонгов (таблицы 1, 3) и долгих гласных (таблица 3). Гласные *iu, ij*, отмеченные в северновепских говорах с. Шелтозеро и д. Каскесручей, представляют собой дифтонг с неслоговым характером второго компонента, что объясняется поддержкой территориально смежных карельских говоров. Долгие гласные южно-вепских говоров имеют позднее вторичное происхождение [Зайцева 2016: 68—69].

Основное внимание в рамках настоящего исследования приковано к говорам карельского языка, однако в целях определения языкового статуса людиковских говоров также по рассматриваемым карельским изоглоссам приводятся вепские параллели. При этом на явления, характеризующие исключительно вепские диалекты, отдельное внимание не обращается. В таблицах представлены наиболее заполненные ряды надежных соответствий, подкрепляемые некоторыми примерами из сомнительных рядов (даны мелким шрифтом) по явлениям, автоматически обнаруженным программой в области вокализма.

3.1. Расширяющиеся дифтонги

Карельский язык от остальных прибалтийско-финских отличается его обильная дифтонгизация. Дифтонги представлены в основе слова (в ударном слоге и далее) или образуются в процессе словоизменения. Наибольшее число отличий на уровне диалектов карельского языка имеет система расширяющихся дифтонгов.

Вторым компонентом расширяющихся дифтонгов являются гласные *a, ä, o, ö, e*. Расширяющиеся дифтонги *uo, yö, ie ударного слога* были обнаружены во всех анализируемых карельских говорах (таблица 1), однако в ударных слогах собственно карельского говора куста деревень Держа (таблица 1, примеры 1—18, 27—36), реже также ливвиковского говора г. Олонец (таблица 1, примеры 1—9, 24, 33—36) возможно их изменение: *uo > ua, yö > yä*. Модификация дифтонга *ie* в этих же говорах зависит от рядности гласных слова: в говоре куста деревень Держа оно возможно как в словах переднерядного, так и заднерядного вокалического оформления (таблица 1, примеры 37—54), тогда как в Олонце нерегулярно затрагивает только переднерядные лексемы (таблица 1, примеры 43—45, 54). Изменение *ie > iä* вынесено программой в виде сомнительного ряда также в ливвиковском говоре д. Проккойла (таблица 1, примеры 54, 55). И хотя в Держе обнаружено более последовательное развитие, в обоих говорах сосуществуют оба варианта расширяющихся дифтонгов, что может указывать на поздний инновационный характер явления.

Материалы образцов речи конца XIX — начала XX в., записанных от выходцев из Олонца, демонстрируют использование дифтонгов *uo, yö, ie*, например *tuov* ‘он принесет’, *huomen* ‘завтра’, *müödähine* ‘поздний’, *tüöndäü* ‘он отправляет’, *miehell* ‘замуж’, *siendy* ‘грибов’, тогда как в соседних деревнях наряду с ними отмечены дифтонги, подвергшиеся изменениям, ср. общекарельский вариант: *vuodeh* ‘год’ илл. ед. ч., *tüöndüä* ‘отправить’, *vie* ‘отнеси’, *mieleh* ‘в мысль’, *piettih* ‘держали’ и инновационный: *pualeh* ‘наполовину’, *tua_ogua* ‘принесите’, *hua_ndeksel* ‘утром’, *üä_ol* ‘ночью’, *hüä_o* ‘они’, *tüä_ondeä* ‘отправить’, *viäldäü* ‘стаскивает’ [KKN II: 1—17].

Примеры использования дифтонгов *ua, yä, ia, iä*, как и *uo, yö, ie*, отмечены в текстах ранних памятников карельской письменности, ср. общекарельский вариант: *лъневъ* ‘будет’ в записях 1667 г., *Туо* ‘принеси’, *Къль* ‘языкъ’ и инновационный: *Шюа* ‘ешъ’, *Вюа* ‘пояс’, *Тиа* ‘дорога’ в словарных материалах 1668 г., ср. общекарельский: *мюо* ‘продай’, *вуоть* ‘жди’, *юота* ‘напой’, *туо* ‘принеси’ в рукописи начала XVIII в. В «олонецких» словарных материалах П. Палласа тоже нашло отражение изменение дифтонга *ie*: *Сиа* ‘там’, при *Вуози* ‘год’, тогда как в «карельской» части словаря представлены оба варианта дифтонгов, например *Вуози/Вуажу* ‘год’, *Шуола/Шуала* ‘соль’, *Вюо/Вья* ‘пояс’, *Піени/Піяни* ‘малень-

кий'. В переводе на ливвиковское наречие молитв и катехизиса 1804 г. дифтонг *ie* передан графемой *й:* *ми́гльсь* 'в мыслях', *пгънь* 'я держу', дифтонг *uo* — монофтонгом *o*: *кóлий* 'покойник', *вóтань* 'я жду'³. Примеры изменений дифтонгов *uo*, *yö*, *ie*, представленные в памятниках, могут указывать на более широкое распространение явления в прошлом языка. Возможно, в данном случае речь идет об особенно-стях восприятия карельского вокализма носителями других языков.

Вепсский язык демонстрирует отсутствие схожих изменений дифтонгов. На месте долгих прибалтийско-финских праязыковых во всех вепсских говорах представлены монофтонги: карельское *uo* vs. вепсское *o*, карельское *ie* vs. вепсское *e*. Междиалектные различия обнаруживает лишь рефлексация в когнатах слов с карельским *йö*, представленного в большей части говоров одиночным *ö*, в Сидорове — одиночным *e*, что объясняется Э. А. Тункело явлением поздней делабиализации гласного *ö* [Tunkelo 1946: 582], а в личных местоимениях множественного числа говора д. Озера сужающимся дифтонгом *iï* (сомнительный ряд) (таблица 1, примеры 27—36).

Дифтонгизация праязыковых ударных **aa > oa > ua*, **ää > eä > iä* относится феннистами к одному из древнекарельских периодов развития языка и нашла отражение в восточных финских говорах [Leskinen 1998: 371; VISK § 19]. В вепском языке на месте прибалтийско-финских праязыковых **aa*, **ää* повсеместно используются одиночные гласные *a*, *ä*.

Прибалтийско-финский долгий гласный **aa* (таблица 1, примеры 58—82, рис. 2а) ударного слога представлен в диалектах карельского языка пятью рефлексами:

1) *ua* в собственно карельских севернокарельских, а также южнокарельских говорах д. Тунгуда, с. Реболы, д. Юостозеро, д. Койкары, д. Селище, с. Толмачи, куста деревень Держа, во всех людиковских, а также в ливвиковских говорах д. Проккойла и г. Олонец;

2) *oa* в Валдае и в Ведлозере. В атласе в лексеме *тоа* 'земля' этот дифтонг также отмечен в говоре д. Койкары [Атлас 1997: к. 4];

3) *aa* в Ондозере, Колатсельге, Видлице;

4) *oo* в Паданах наряду с *oa* и реже *ua*;

5) *ja* в Вельегонске и Кондушах.

На месте праязыкового **ää* (таблица 1, примеры 83—93, рис. 2б) в анализируемых говорах используются:

1) *iä* в собственно карельских говорах Карелии, а также тверских Вельегонске, Толмачах и Держе, во всех людиковских и в ливвиковских говорах г. Олонец и куста деревень Кондуши;

2) *eä* в Ведлозере. В атласе в лексеме *реä* 'голова' этот дифтонг представлен также в Койкарах [там же: к. 5];

3) *öä* в Валдае;

4) *ää* в Видлице;

5) *ee* в Колатсельге;

6) *ie* в Селище и Проккойле наряду с *iä*.

Пары рефлексов *oa* — *eä*, *ua* — *iä*, исходя из их распространения, очевидно, имеют инновационный характер, интересно, что они представлены и в восточных диалектах финского языка (см. [Kettunen 1940: к. 154])⁴, что, вероятно, подтверждает их ареальную природу.

К наиболее древним рефлексам, скорее всего, относятся *aa*, представленный в Ондозере, Колатсельге и Видлице, а также *ää*, сохранившийся в Видлице. Время перехода **aa > ua*, **ää > iä* позволяет датировать анализ письменных памятников, в которых рефлекс прибалтийско-финских праязыковых долгих гласных последовательно отображены одиночными соответствиями, например *ма́та* 'спать' в рукописи 1667 г.; *ма́та* 'спать', *Ха́на* 'осина', *Ня́та* 'куница' в словарной записи 1668 г.; *ня́дя* 'куница' в рукописи начала XVIII в. (в заударной позиции в тексте источника обнаруживается дифтонг *ua*: *вьруа*

³ И. И. Муллонен, О. В. Панченко. Первый карельско-русский словарь и его автор афонский архимандрит Феофан. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013; Н. Савельева, И. Муллонен, Г. Федюнева. Карело-русский и коми-зырянско-русский словари-разговорники в рукописном сборнике 1668 года // *Linguistica uralica*. 2022, 4. С. 250—276; Н. А. Мецкерский. Русско-карельские словарные записи XVI — начала XVIII в. // Прибалтийско-финское языкознание. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 16—32; Сравнительные словари всѣх языков и нарѣчій, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Ч. 1. СПб., 1787; Ч. 2. СПб., 1789; Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на олонецком языке. СПб.: Синод. тип., 1804. 27 с.

Первые три источника содержат расшифровки самых ранних из известных рукописных памятников собственно карельского наречия (1667 г., 1668 г. и начало XVIII в.), пятый — ливвиковского наречия, тогда как в четвертом представлены «карельские» и «олонецкие» материалы.

⁴ <http://kettunen.fnhost.org/html/kett154.html>

‘веры’, *армуа* ‘милости’, а в одном примере долгий *aa*: *оттаа* ‘братъ’); *Пя* ‘голова’, *Мярю* ‘величина’, *Ма* ‘земля’, *Мата* ‘спать’ в «олонецких» записях П. Палласа 1787 г.; *támtto* ‘отец’, *маль* ‘на земле’, *пáста* ‘избавь’ в ливвиковских переводах 1804 г. Монофтонгическая передача **aa*, **ää* нашла отражение в топонимической системе региона в процессе интеграции прибалтийско-финских по происхождению ойконимов в русский язык, для фонетической системы которого последние не характерны. В «корельских» материалах П. Палласа уже представлены дифтонги *ia*, *ja*, *iä*: *Пиä* ‘голова’, *Руäдо/Рыäдо* ‘работа’, *Муä/Мыä* ‘земля’, *Нуäглане/Ныäгла* ‘гвоздь’.

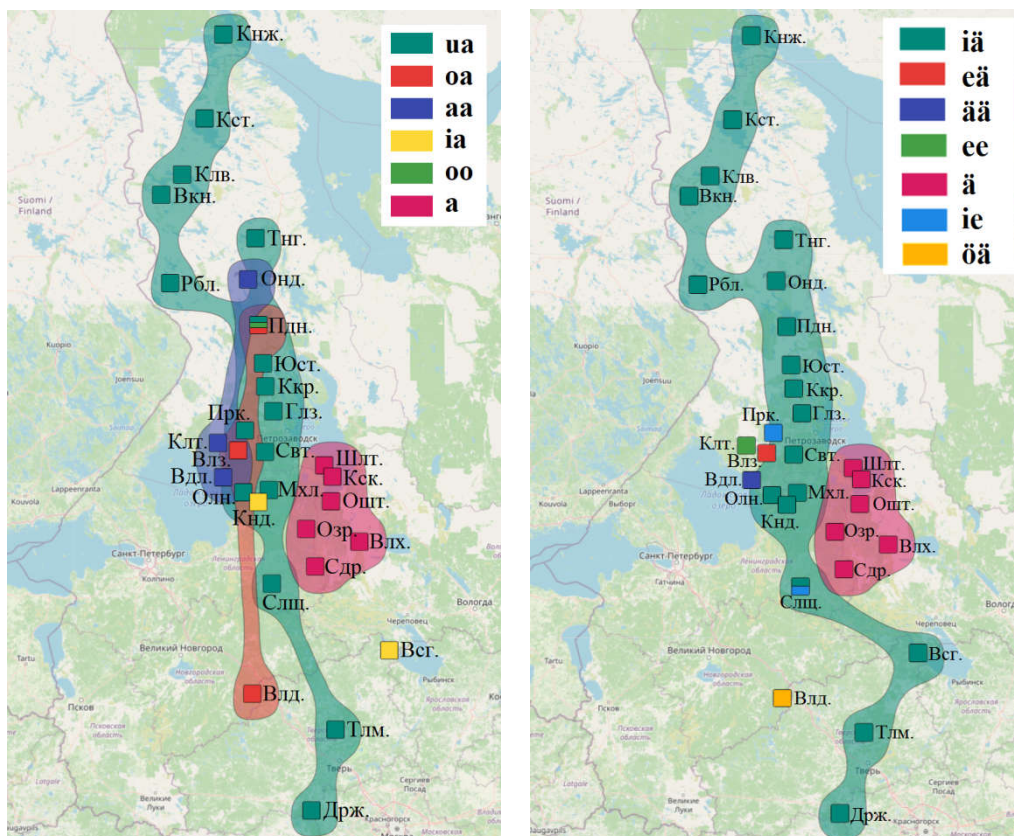

Рис. 2. Рефлексы прибалтийско-финских а) **aa*, б) **ää*

Все остальные обнаруженные рефлексы (*ja*, *oo*, *ee*, *öä*, *ie*) являются более поздними инновациями. Словарные материалы П. Палласа фиксируют использование дифтонга *ja* в «корельском» языке уже в конце XVIII в. На общие корни этого дифтонга в говорах куста деревень Кондуши и г. Весьегонск указывают следы его фиксации в паданских говорах [Ojansuu 1918: 95], а также сведения о переселении паданских карелов через Кондуши в Верхневолжье в XVIII в. (см. [Чернякова 2001: 55]).

Ситуация **заударной позиции**, дифтонги которой восходят к праязыковым **-Vδa*, **-Vδä*, где δ — слабоступенный альтернант суффиксального чередования, выпавший примерно в древнекарельский период, на что указывают материалы документов XIV в. [Turunen 1959: 19; Laanest 1981: 153], представлена в карельских говорах более пестро. Исключение составляет людиковское наречие, поскольку в нем, как и в вепском языке, расширяющиеся дифтонги не выступают далее ударного слога слова в силу сохранения интервокального согласного. Словарный материал позволяет обнаружить большое число примеров по данной позиции. Речь идет о формах I инфинитива, а также о формах номинатива единственного числа ряда имен (таблица 2).

В собственно карельском и ливвиковском наречиях рефлексами сочетания гласных **a-a* (таблица 2, примеры 61—87) выступают те же дифтонги, что и в ударном слоге, за исключением держанских говоров, в которых обнаруживается обладающее инновационным характером сужение до *ии*. В целом (кроме говора д. Койкары) полученная картина совпала с картой атласа, демонстрирующей рефлексы **a-a* глагола **osta-a* ‘покупать’ [Атлас 1997: к. 6].

В словах переднерядного вокализма (**ä-ä*) (таблица 2, примеры 88—101, рис. 3а) в ряде собственно карельских говоров представлена несколько отличная ситуация в сравнении с ударным слогом. В ливви-

ковских говорах, в свою очередь, повторяется ситуация ударного слога. В анализируемой позиции выступают дифтонги:

- 1) *yä* — регулярно в севернокарельских говорах, Тунгуде, Юостозере, Койкарах, а также в говорах с. Реболы (наряду с *iä*) и с. Паданы (наряду с *iä, eä, ee*);
- 2) *iä* — в Толмачах, Вельегонске, Реболах (наряду с *yä*), Паданах (наряду с *yä, eä, ee*), Олонце, Кондушах, Проккойле (наряду с *ie*);
- 3) *ää* — в Ондозере и Видлице;
- 4) *ee* — в Колатсельге, а также в Паданах (наряду с *yä, eä, iä*);
- 5) *öä* — в Валдае;
- 6) *ie* — в Селище и Проккойле (наряду с *iä*);
- 7) *eä* — в Ведлозере и Паданах (наряду с *yä, eä, iä*);
- 8) в Держе опять же происходит сужение до *ii*.

Система распределения рефлексов праязыкового *ä-ä безударного слога, представленная в атласе на территории южнокарельских говоров собственно карельского наречия, несколько отличается от полученной в ходе настоящего исследования. Так, например, для Койкар отмечено употребление дифтонга *öä* [там же: к. 7].

Ранние памятники карельской письменности обнаруживают единичные примеры употребления анализируемых глагольных форм (*ни́тъта* ‘косить’ в словнике 1668 г.). В материалах П. Палласа на «олонецком» языке представлен одиночный *e*: *Кеите* ‘варить’, *Кулве* ‘сеять’, тогда как в имеющих разнодиалектную основу «карельских» материалах — одиночный *ä* или дифтонги *iä, ie*: *Кеиття* ‘варить’, *Пийдя* ‘носить’, *Пейтя* ‘скрыть’, *Кю'ндя* ‘пахать’, *Кю'лвие* ‘сеять’.

Учет диалектной дистрибуции рефлексов *ää, eä, iä, ee* сочетания *ä-ä в восточных говорах финского языка [Kettunen 1940: к. 179]⁵ вновь указывает на архаичный характер долгого *ää*. Рефлексы *eä, iä, ee* следует относить к инновациям. Интересно, что рефлексация *ee* представлена крупным единым ареалом в финском диалекте Саво. Его наличие в двух генетически далеких говорах карельского языка: ливвиковском говоре с. Колатсельга и собственно карельском говоре п. Ондозеро, — таким образом, может указывать на начало этого перехода уже в древнекарельский период. Все остальные рефлексы карельских диалектов (*yä, öä, ie, ii*) являются уже более поздними инновациями, поскольку они представлены лишь в одной диалектной группе.

Диалектные варианты дифтонгов, восходящих к сочетанию гласных *и-а, в собственно карельских и ливвиковских говорах имеют следующие рефлексы (таблица 2, примеры 1—10):

- 1) *ia* регулярно в собственно карельских говорах п. Ондозеро и с. Реболы, а также в ливвиковских Проккойле, Колатсельге, Видлице и преимущественно в Олонце. В атласе на соответствующей карте в Реболах и Проккойле отмечен только дифтонг *iu* [Атлас 1997: к. 10];
- 2) *iu* регулярно в собственно карельских севернокарельских говорах, Тунгуде, Койкарах, Валдае, Вельегонске, а также в ливвиковском говоре с. Ведлозеро;
- 3) оба дифтонга *ia* и *iu* представлены в собственно карельских Паданах, Юостозере, Селище и Толмачах, а также в ливвиковских Кондушах (*ia > ja*);
- 4) сужение дифтонга до *ii* обнаружено в собственно карельской Держе.

Распределение дифтонгов, восходящих к сочетанию *о-а, несколько отличается (таблица 2, примеры 11—17):

- 1) *oa* регулярно в собственно карельских говорах п. Ондозеро, д. Селище и в ливвиковских говорах д. Проккойла, с. Колатсельга, с. Видлица и г. Олонец. В Кондушах регулярно представлен более поздний переход *oa > ja*;
- 2) *iu* регулярно в собственно карельских севернокарельских говорах, Тунгуде, Койкарах, Валдае, Вельегонске и Толмачах;
- 3) оба варианта встречаются в собственно карельских Реболах, Паданах, Юостозере;
- 4) в ливвиковском Ведлозере представлены расширяющиеся дифтонги *iu* и *oa*;
- 5) сужение дифтонга (> *ii*) вновь демонстрирует говор куста деревень Держа.

Рефлексом сочетания *у-ä (таблица 2, примеры 18—23) выступают:

- 1) *yä* регулярно в собственно карельских Ондозере, Селище, ливвиковских Проккойле, Видлице и Кондушах;
- 2) *yö* регулярно в собственно карельских северных говорах, Тунгуде, Валдае, Вельегонске, Толмачах;
- 3) оба дифтонга в собственно карельских говорах с. Реболы, с. Паданы, д. Юостозеро, д. Койкары, а также в ливвиковских Колатсельге, Ведлозере и Олонце;
- 4) в Держе произошло сужение дифтонга до *uu*.

⁵ <http://kettunen.fnhost.org/html/kett179.html>

Сводная карта распространения рефлексов **u-a*, **u-o*, **y-ä* представлена на рисунке 3б. В связи с этим следует отметить, что в восточных диалектах финского языка инвентарь рефлексов сочетания **o-a* более разнообразен: *uo*, *oa*, *oo*, *ui*, а в западных диалектах также *ua* [Kettunen 1940: к. 195]⁶, тогда как **u-a* нашел продолжение в виде дифтонгов *ua* (западные группы говоров диалекта Саво), *uo* (Кайнуу, диалекты Центральной Финляндии, диалекты Приграничной Карелии) или долгого *ui* (восточные говоры Саво, юго-восточные и юго-западные говоры) [ibid.: к. 197]⁷. Рефлекс *uo*, который можно возвести к более ранним *ua*, *oa* (судя по характеру ареалов распространения в карельском и финском языках), очевидно, представляет собой древнекарельскую инновацию. Рефлексы, обнаруженные в говорах кустов деревень Кондуши и Держа, следует относить к поздним инновационным явлениям.

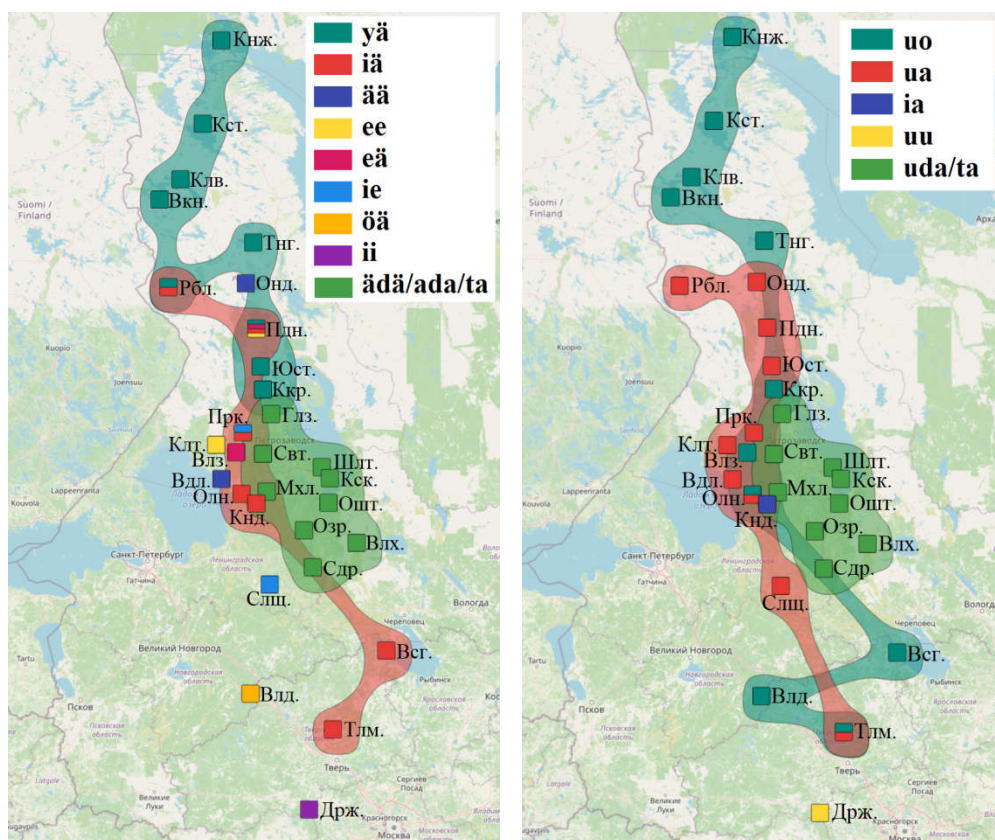

Рис. 3. Рефлексы прибалтийско-финских а) **ä-ä*, б) **U-A*, **O-A* (сводная)

Продолжением сочетаний **e-a*, **e-ä* (таблица 2, примеры 24—27) в карельских говорах являются:

- 1) *iä/ia* в собственно карельском Ондозере, а также ливвиковских Видлице, Олонце, Кондушах (наряду с *ie*);
- 2) *ie* в большей части собственно карельских говоров (за исключением Ондозера и Держи), а также в ливвиковских Проккойле, Колатсельге, Ведлозере, Кондушах (наряду с *iä/ia*);
- 3) сужающийся *ii* в Держе.

В случае с сочетаниями **i-a*, **i-ä* (таблица 2, примеры 28—42) представлена практически идентичная картина:

- 1) в словах с переднерядными гласными дифтонг *iä* обнаружен в ливвиковских Олонце и Видлице, в качестве следов в Проккойле и Кондушах, а также в собственно карельском Ондозере (наряду с ним в словах заднерядного вокализма отмечен еще и дифтонг *ia*) и в соседних с ним Реболах и Паданах (в виде следов);
- 2) *ie* вновь представлен в большей части собственно карельских говоров (за исключением Ондозера, Держи), а также в ливвиковских Колатсельге, Ведлозере и преимущественно в Проккойле и Кондушах;
- 3) *ii* — в Держе.

⁶ <http://kettunen.fnhost.org/html/kett195.html>

⁷ <http://kettunen.fnhost.org/html/kett197.html>

Таблица 1. Рефлексы прибалтийско-финских долгих гласных ударного слога в говорах карельского и вепсского языков⁸

№	Кнж.	Кст.	Клв.	Вкн.	Тнг.	Рбл.	Онд.	Пдн.	Юст.	Ккр.	Слц.	Влд.	Вст.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кск.	Ошт.	Озр.	Влх.	Сдр.	Перевод	
	[uo]	[uo]	[uo]	[uo]	[uo]	[uo]	[uo]	[uo]	[uo]	[uo]	[uo]	[uo]	[uo]	[uo]	[ua]	[uo]	[uo]	[uo]	[uo]	[ua]	[uo]	[uo]	[uo]	[uo]	[o]	[o]	[o]	[o]	[o]	[o]		
1	šuo ^v atta	šuo ^v atta	šuo ^v atta	šuo ^v atta	šuo ^v atta	suovatta	šuo ^v atta	šuo ^v atta	šuo ^v atta	suovatta	šuo ^v atta	soavatta	šuo ^v atta	šuo ^v atta	šuo ^v att	suovattu	suovattu	suovattu	suovattu	suavattu	sjavatto / suobatto	suobatt	suobatte	suobat	sobat	sobat	sobat	sobat	sobat	sobat	суббота	
2	tuohi	tuohi	tuohi	tuohi	tuohi	tuohi	tuohi	tuohi	tuohi	tuohi	tuohi	tuohi	tuohi	tuohi	tuahi	tuohi	tuohi	tuohi	tuohi	tuohi	tuohi	tuoh'e	tuoh'	tuohi	tuoh'	tohi	tohi	toh'	tohi	toh'	tohi	береста
3	nuotta	nuotta	nuotta	nuotta	nuotta	nuotta	nuotta	nuotta	nuotta	nuotta	nuotta	nuotta	nuotta	nuotta	nuatt	nuottu	nuottu	nuottu	nuottu	nuottu	nuattu	nuotto	nuott	nuotte	nuot	nott	nott	not	not	not	невод	
4	tuohuš	tuohuš	tuohuš	tuohuš	tuohuš	tuohuš	tuohuš	tuohuš	tuohuš	tuohuš	tuohuš	tuohuš	tuohuš	tuohuš	tuahuš	tuohuš	tuohuš	tuohuš	tuohuš	tuohuš	tuahuš	tuohuš	tuohuz	tuohuš	tuohuš	tohuš	tohuš	tohuš	tohuš	tohuš	свеча	
5	nuora	nuora	nuora	nuora	nuora	nuora	nuora	nuora	nuora	nuora	nuora	nuora	nuora	nuora	nuar	nuoru	nuoru	nuoru	nuoru	nuoru	nuaru	nuoro	nuor	nuore	nuor	nor	nor	nor	nor	nor	веревка	
6	kuokka	kuokka	kuokka	kuokka	kuokka	kuokka	kuokka	kuokka	kuokka	kuokka	kuokka	kuokka	kuokka	kuokka	kuakk	kuokku	kuokku	kuokku	kuokku	kuokku	kuakku	kuokko	kuokk	kuokke	kuok	kokk	kokk				мотыга	
7	šuo ⁿ i	šuo ⁿ i	šuo ⁿ i	šuo ⁿ i	šuo ⁿ i	šuo ⁿ i	šuo ⁿ i	šuo ⁿ i	suoni	suoni	šuo ⁿ i	šuo ⁿ i	šuo ⁿ i	šuo ⁿ i		suoni	suoni	suoni	suoni	suani	suone	suoni	suoni	suon	so ⁿ	so ⁿ	so ⁿ	so ⁿ	so ⁿ	so ⁿ	жила	
8	juošša	juošša	juošša	juošša	juošša	d'uošša	d'uošša	d'uošša	d'uossa	d'uosta	juošša					d'uosta	juosta	juosta	d'uosta	juasta	juosta	d'uosta	d'uosta	d'uoksta	d'oksta	d'oksta	g'osta	josta	g'oksta	joksta	бежать	
9	huotra	huotra	huotra	huotra	huodra	huodra	huodra	huodra	huodra	huodra				huodra		huodru	huodru	hoadru	huodru	huadru	huodro	huodr	huodre	huodar	hodr	hodr	hodr	hodr	hodr	hodr	ножны	
10	puoli			puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	pual	puoli	puoli							puol	po ^l	po ^l	po ^l	po ^l	po ^l	po ^l	сторона	
11	puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	pual	puoli	puoli	puoli	puoli	puoli	puol	puol	puoli	puol	po ^l	po ^l	po ^l	po ^l	po ^l	po ^l	половина	
12	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	šuo	suo	suo	šuo	šuo	šuo	šuo	sua	suo	suo	suo	suo	suo	suo	suo	suo	suo	so	so	so	so	so	so	болото	
13	šuola	šuola	šuola	šuola	šuola	šuola	šuola	šuola	suola	suola	suola	šuola	šuola	šuola	šual	suolu	suolu	suolu	suolu	suolu	suolo	suol	suole	suol	sol	sol	sol	sol	sol	sol	соль	
14	kuošali	kuošali	kuošali	kuošali	kuožali	kuožali	kuoželi	kuožali	kuožali	kuožali	kuožali	kuožali	kuožali	kuožali	kuožel	kuožali	kuožali	kuožali	kuožali	kuožali	kuožali	kuožale	kuožal	kuožali	kuožal	kožal	kožal	kožal	kožal	kožal	kožal	прялка
15	puolitoista	puolitoista	puolitoista	puolitoista	puolitoista	puolitoista	puolitoista	puolitoista	puolitoista	puolitoista	puolitoista	puolitoista	puolitoista	puolitoista	puoltoist	puolitoist	puolitoist	puolitoist	puolitoist	puolitoist	puoltoist	puoltoist	puoltoist	puoltoist	po ^l tošt	po ^l tošt	po ^l tošt	po ^l tošt	po ^l tošt	po ^l tošt	полтора	
16	puola	puola	puola	puola	buola	buola	buola	buola	buola	buola	buola	buola	buola	buola	bual	buolu	buolu	buolu	buolu	buolu	buolo	buol	buole	buol	bol	bol	bol	bol	bol		брусника	
17	kuolija	kuolija	kuolie	kuolie	kuolie		kuolia	kuolie	kuolija	kuolija	kuolie	kuolie	kuollun	kuolie	kualii			kuolij	kuolij	kuolij		kuolij	kuolij	kuolij	kolij	kolij	kolij	koljeine	koljeine	kolii	покойник	
18									ruoste						ruašt	ruoste	ruoste	ruoste	ruoste	ruoste			ruoste		roste	roste	roste	roste	roste	roste	ржавчина	
19	kuoret	kuoret	kuoret	kuoret				kuoret	kuoret	kuoret								kuoret	kuoret	kuoret	kuoret	kuored	kuoret	kuared	kored	kofed	kored	kored	kored	kored	очистки	
20		huomata	huomata	huomata			huomata	huomata	huomata																homeita	homeita	homeita	homeita	homeita	homaata	заметить	
21			huovis	huovis	huovis	huovis	huovis	huoviš	huovis	huogiš	huoviš	huoviš	huoviš	huovis	huoviš	huovis	huovis	huovis	huovis	huoviš	huogiš	huogiš	huogiš	huogiš							дешевый	
22	huoneh	huoneh	huoneh	huoneh	huo ⁿ eh	huoneh	huoneh	huone	huoneh		huoneh	huoneh	huonehuš	huoneh	huoneh	huonus	huonus	huonus	huonehet					huoneh							комната	

⁸ Здесь и далее шапки таблиц залиты цветами в соответствии с традиционным в финнистике делением анализируемых говоров на группы: темно-зеленый — севернокарельские говоры, зеленый — южнокарельские говоры Карелии, светло-зеленый — южнокарельские говоры Центральной России собственно карельского наречия; оранжевый — говоры ливвиковского наречия; розовый — говоры людиковского наречия; синий — говоры вепсского языка. В таблицах для наглядности произведена заливка примеров, обнаруживающих наличие междиалектных соответствий.

№	Киж.	Кст.	Клив.	Вен.	Тиг.	Рбл.	Онд.	Пдн.	Юст.	Крр.	Слц.	Влд.	Вст.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кск.	Ошт.	Озр.	Влх.	Сдр.	Перевод	
23	juottua	juottua	juottua	juottua		d'uoottua		d'uoottoo	d'uoottua	juottua		juottua		juottua	juottuu		juottaa	juottoa	d'uoottaa	juottua		d'uoottai		d'uootta								пить
24				luomi	luomi	luomi	luomi	luomi	luomi	luomi	luomi		luomi	luomi	luom	luomi	luomi	luomi	luomi	luami	luome		luomi								веко	
25	kuore	kuore	kuore		kuore	kuore	kuori	kuoreh	kuore		kuore	kuore	kuore	kuore	kuore																сметана	
26	ruoška	ruoška	ruoška	ruoška	ruoška						ruoška	ruoška	ruoška	ruoška	ruošk																кнут	
	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yã]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[ø]	[ø]	[ø]	[ø]	[ø]	[ø]	[e]	
27	vüö	vüö	vüö	vüö		vüö	vüö	vüö	vüö	vüö	vüö	vüö	vüö	vüö	vüä		vüö	vüö	vüö	vüö	vüö		vüö	vüö	vüö	vö	vö	vö	vö	vö	ve	пояс
28	püörre	püörre	püörre	püörre		püörrö				püörde	püörükkä			püörükkä	püärä	püöre	püöre	püördii	püörde	püörde	püörde	püörde	püörd	püörde	püörd				pörde			водоворот
29	šüöttüä	šüöttüä	šüöttüä	šüöttüä	šüöt't'ie	šüöttüä	süöttää	šüöttüä	süöttüä	süöttüä	süöttie	süöttöä		šüöttia		süöttiä		süötteä	süöttää	süöttiä		süöttada	süöttäi	süötta	sötta	sötta	sötta	sötta	sötta	sötta	set't'ä	кормить
30	tüö				t'üö	t'üö	t'üö	t'üö	t'üö	tüö	tüö	tüö		t'üö		tüö	tüö	tüö	tüö	tüö	tüö	tüö	t'üö	t'üö	t'üö	t'ö	t'ö	t'ö		t'ö		кудель
31	müöštüö	müöštüö	müöštüö	müöštüö	müöst'uo		müöštüä	müöštüä	müöštüö	müöštüö	müöstuočcie	müästoačcie	müöstiačcie	müöst'iačcie	müäst'iečii		müöstüö						müöstüda	müöstüda								возвращаться
32	püörie	püörie	püörie	püörie	püörie		püöräni	püörükkäne		püörie						püörözü	püörözü	püörüzü	püörüzü	püörüzü	püörüzü		püörei									круглый
	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yã]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[ø]	[ø]	[ø]	[ii]	[ø]	[e]		
33	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müähäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis	müöhäis		möhastu	möhastu		möhastu	möhastu		опоздать
34	tüä	tüö	üö	üö	üö	üä	üä	üä	üä	üö	üä	üö	'üä	üö	üü	üä	üä	üö	üä	üä	üä	üä	üä	üä	üda	üöi	uda	da	da	da	da	мы
35	müö	müö	müö	müö	müö	müö	müö	müö	müö	müö	müö	müö	müö	müö	müä	müö	müö	müö	müö	müö	müö	müö	müö	müö	mö	mö	mö	mij	mö	me		мы
36	tüö	tüö	tüö	tüö	t'üö	tüö	tüö	tüö	tüö	tüö	t'üö	t'üö	t'üö	t'üö	t'üä	tüö	tüö	tüö	tüö	tüö	tüö	tüö	tüö	tüö	t'ö	t'ö	t'ö	t'ij	t'ö	t'e		вы
37	hüö	hüö	hüö	hüö	hüö	hüö	hüö	hüö	hüö	hüö	hüö	hüö	hüö	hüö	hüä	hüö	hüö	hüö	hüö	hüö	hüö	hüö	hüö	hüö	h'ö	h'ö	h'ö	hiij	höd	he		они
	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ia]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[e]	[e]	[e]	[e]	[e]	[e]	[e]	
38	šiekla	šiekla	šiekla	šiekla	šieglä	šieglä	sieglä	sieglä	šieglä	šieglä	šieglä	šieglä	šieglä	šieglä	šiaġl	šieglu	sieglu	sieglu	sieglu	sieglu	sieglu	sieglu	sieglu	sieglu	segl	segl	segl	segl	segl	segl	segl	решето
39	niekla	ńiekla	ńiekla	ńiekla	ńieglä	nieglä	ńieglä	nieglä	nieglä	nieglä	nieglä	ńieglä	ńieglä	ńieglä	ńiaġl	ńieglu	ńieglu	ńieglu	ńieglu	ńieglu	ńieglu	ńieglu	ńieglu	ńieglu	ńieglu	ńiegl	ńiegl	ńiegl	ńiegl	ńiegl	ńiegl	игла
40		siera	siera	siera	siera	siera	siera	siera	siera	siera	siera	šierañe	šiera	šierañe	siarañ						sierain		sier	siere	sierañe	ser	seraiñe	sereiñe	seraiñe	sereiñe		брусок
41	hieruo	hieruo	hieruo	hieruo	hieruo		hierua	hieruo	hieruo	hieruo	hieruo	hieruo		hieruo	hiaruu	hierua	hieruo	hieruo	hierua	hierua		hieroda	hieroda						herotada		тереть	
42	hienontua	hienontua	hienontua	hienontua	hienondua	hienondua	hienondaa	hienondua	hienondua	hienondua				hienondua		hienandua	hienondaa	hienondoa	hienondaa	hienondua	hienondja	hienotta	hienota		henota	henota	henota	henota	henota	henota		размельчать
	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[iä]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[iä]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[e]	[e]	[e]	[e]	[e]	[e]	
43	riehtilä	rieht'ilä	riehtilä	rieht'ilä	rieht'ilä	riehtilä	rieht'ilä	riehtilä	riehtilä	riehtilä	riehtilä	rieht'ilä	rieht'ilä	rieht'ilä	riäht'el	rieht'il	rieht'il	rieht'il	rieht'il	rieht'il	riäht'il	rieht'il	rieht'il	rieht'il	rieht'il	rehtil	rehtil	reht'íl	reht'íl	reht'íl	rest'ii	сковорода
44		piekšüä	piekšüä	piekšüä	piekšüä	piekšüä	piekšää	pieksie	piekšüä	pieksiä						pieksiä	pieksee	piekseä	pieksää	piäksiä			pieksäi					peksta	peksta		мешать	
45										kieli						kieli		kieli	kieli	kiäli		k'iel	kieli	k'iel				kelez		горловина мережи		

Таблица 2. Рефлексы прибалтийско-финских заударных *-Vða, *-Vðä в говорах карельского и вепсского языков

№	Кнж.	Кст.	Клв.	Вкн.	Тнг.	Рбл.	Онд.	Плн.	Юст.	Ккр.	Слп.	Влд.	Всг.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кск.	Олт.	Озр.	Влх.	Сдр.	Перевод		
	[uo]	?	[uo]	?	[uo]	[ua]	[ua]	[uo]	[uo]	[uo]	[uo/ua]	?	[uo]	?	?	[ua]	[ua]	[uo]	[ua]	[ua]	[uo]	[uda]	[uda]	[uda]	?	?	[ta]	[ta]	?	?			
1	viruo		viruo			virua	virua	viruo	viruo	viruo	virua / viruo		viruo			virua	virua	viruo	virua	virua	viruo	viruda	viruda	viruda								лежать	
2									lékkuo	lékkuo						lekkua	lekkua	lékkuo	lekkua	lekkua		lékkuda	lékkuda									двигаться	
3					kirguo			kirguo	kirguo		kirguo					kirgua	kirgua	kirguo	kirgua	kirgua		kirguda	kirguda	kirguda				kirhta	kirhta				кричать
4								ringuo	ringuo	ringuo											ringuo	ringuda		ringuda								кричать	
	[uo]	[uo]	[uo]	[uo]	[uo]	[ua]	[ua]	[ua]	[ua]	[uo]	[ua]	[uo]	[uo]	[ua/uo]	[uu]	[ua]	[ua]	[uo]	[ua]	[uo/ua]	[ja]	[uda]	[uda]	[uda]	[ada/ta]	[ta]	[uda/ta]	[uda/ta]	[ta]	[ta]			
5	ńukkuo	ńukkuo	ńukkuo	ńukkuo	ńukkuo		ńukkua	ńukkua	ńukkua	ńukkuo	ńukkua	ńukkuo	ńukkuo	ńukkua	ńukkuo	ńukkua	ńukkua	nukkuo	nukkuo	nukkuo	nukkuo	ńukkuda	nukkuda	nukkuda	nukkuda	nukta	nukkuda	nukkuda	nukta	nukta		дремать	
6						puuttua	puuttua	puuttua	puuttua	puuttuo	puuttua					puuttua	puuttua	puuttuo	puuttua	puuttuo	puuttua	puuttja	puuttuda	puuttuda		puutta	puutta	putta	putta	putta	putta		попадать
7																suuttua	suuttua	suuttuo	suuttua	suuttuo			suuttuda									сердиться	
8	šattuó	šattuó	šattuó	šattuó	šattuó		šattua			sattuó										šattuó												происходить	
9	ampuo	ampuo	ampuo	ampuo	ambuo	ambua	ambua	ambua	ambua	ambuo	ambua	ambuo	ambuo	ambuo	ambuu	ambua	ambua	ambuo	ambua	ambua	ambua	ambja	ambuda	ambuda	ambuda	ampta	ampta	ampta	ampta	ampta	ampta		стрелять
10		tartuo	tartuo	tartuo	tartuo	tartua	tartua	tartua	tartua	tartuo	tartua	tartuo	tartuo	tartuo	tartuu	tartua	tartua	tartuo	tartua	tartua	tartua	tartja	tartuda	tartuda	tart'uda	tartta	tartta	tartta	tartta	tartta	tartta		липнуть
	[uo]	[uo]	[uo]	[uo]	[uo]	[ua/uo]	[ua]	[ua/uo]	[ua/uo]	[uo]	[ua]	[uo]	[uo]	[uo]	[uu]	[ua]	[ua]	[uo/oa]	[ua]	[ua]	[ja]	[oda]	[oda]	[oda/uo]	[oda/ta]	[oda/ta]	[oda/ta]	[oda/ta]	[oda/ta]	[oda/ta]	[oda/ta]		
11	kiskuo	kiskuo	kiskuo	kiskuo	kiskuo	kiskua	kiskua	kiškua / kiškua	kiskua	kiškua			kiškua	kiskuo		kiškua	kiškua	kiškua	kiškua	kiškua	kiškua	kiškja	kiškoda									отбирать	
12	lieččuó		lieččuó	lieččuó	lieččuó		lieččua	lieččua	lieččuó	lieččuó						lieččua	lieččua	lieččuó	lieččua	lieččua			lieččuda										раздувать
13	rikkuo	rikkuo	rikkuo	rikkuo	rikkuo	rikkua	rikkua	rikkuo	rikkuo	rikkuo	rikkua	rikkuo	rikkuo	rikkuo	rikkuu	rikkua	rikkua	rikkuo	rikkua	rikkua	rikkua	rikkua	rikkoda										портить
14	kutuo	kutuo	kutuo	kutuo	kuduo	kuduo	kudua	kudua	kuduo	kuduo	kudua	kuduo	kuduo	kuduo	kuduu	kudua	kudua	kuduo	kudua	kudua	kudua	kudja	kudoda	kudoda	kuduo	kudoda	kudoda	kudoda	kudoda	kudoda	kudoda		ткать
15	takuo	takuo	takuo	takuo	taguo	taguo	tagua	tagua	taguo	taguo	tagua	taguo	taguo	taguo		tagua	tagua	taguo	tagua	tagua	tagua	tagia	tagoda	tagoda	taguo	tagoda	tagoda	tagoda	tagoda	tagoda	tagoda		ковать
16					tahtuo		tahtua		tahtuo	tahtuo						tahtua					tahtua	tahtua	tahtua	tahtua	tahtoda	tahtoda	tahtoda	tahtoda	tahtoda	tahtoda	tahtoda		намереваться
17		niekluo	niekluo	niekluo	niegluo		nieglua	niegluo	niegluo	niegluo			niegluo	niegluo	niegluu	nieglua	nieglua	niegluo	nieglua	nieglua	nieglua	nieglua	niegloda	niegloda									вязать
	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yø]	[yã / yø]	[yã]	[yã / yø]	[yø / yã]	[yø / yã]	[yã]	[yø]	[yø]	[yø]	[yy]	[yã]	[yã / yø]	[yø / yã]	[yã]	[yã / yø]	[yã]	[yã]	[yã]	[yã]	[yã]	[yã]	[yã]	[yã]	[yã]	[yã]	[yã]		
18	küşüó	küşüó	küşüó	küşüó	küşüó	küşüã	küşüã	küşüã	küşüó	küşüó	küşüã	küşüó	küşüó	küşüó	küşüü	küşüã	küşüã	küşüó	küşüã	küşüã	küşüã	küşüã	küşüã	küşüã	küşüã	küşüã	küşüã	küşüã	küşüã	küşüã	küşüã		спрашивать
19	venüó	venüó	venüó	venüó	venüó							venüó	venüó	vönüü											venuda	venuda	venuda	venuda	venuda	venuda			лежать
20	püörtüó	püörtüó	püörtüó	püörtüó	püördüó																				püördüó	püördüã							угореть
21							eistüã	eistüã		eistüã	eistüã	eist'üó	eistüó	eist'üó	eist'üü																	двигаться	
22	šiántüó	šiántüó	šiántüó	šiántüó	šiänd'üó	šiändüã	šiändüã		šiändüã		šiändüã	šiändüã	šiänd'üó	šiänd'üó		seendüó										šiändüã			säändüã				сердиться
23						kiändüó	kiändüã	kiändüó	kiändüó	kiändüó						kiändüã	keändüã	keändüã	käändüã	kiändüó			kiändüã	kiändüã	kiändüã								поворачиваться
	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[iã]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ii / iã]	[ie]	[ie]	[ie]	[ie]	[ia]	[ia]	[ie / ia]	[eda / edã]	[eda / edã]	[ta]	[ta]	[ta]	[ta]	[ta]	[ta]	[ta]		
24	tunkie	tunkie	tunkie	tunkie	tungie	tungie	tungia	tungie	tungie	tungie	tungie	tungie	tungie	tungie	tungii	tungie	tungie	tungie	tungie	tungie	tungia	tungia	tungie	tungeda	tungeda	tunkta	tunhta	tunhta	tunhta	tunhta	tunhta		заталкивать
25	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie	laškie		пускать
26	lähtie	läht'ie	läht'ie	läht'ie	läht'ie	lähtie	lähtiã	lähtie	lähtie	lähtie			läht'ie	läht'ie	läht'ie	lähtiã	lähtie	lähtie	lähtie	lähtie	lähtie	lähtiã	lähtiã	lähtie	lähtie	lähta	lähta	lähta	lähta	lähta	lähta		пойти
27		iskie		iskie	iskie	iskie	iskiã	iskie	iškíe		iskie	iskie		iskie							iskja	iškeda	iškeda	iška			iskta	iškta	iškta	iškta		бить	

№	Киж.	Кст.	Клив.	Вен.	Тнг.	Рбл.	Онл.	Пдн.	Юст.	Ккр.	Слц.	Влд.	Вст.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кск.	Ошт.	Озр.	Влх.	Сдр.	Перевод	
54	šakie	šakie	šakie	šakie			šagie	šagie	sagie	sagie	šagie			šagie		sagei	sagei	sagei	sagei	sagei		saged	sagei	saged	saged	saged	saged	saged	saged	saged	частый	
55									nordie								nodrei	nodrei	nodrei	nodrei			nodrei							жидкий		
56	ruškie	ruškie	ruškie	ruškie	ruškie	ruškie	ruškea	ruškie	ruskie	ruskie	ruškie	ruškie	ruškie	ruškie	ruškii	ruskei	ruskei	ruskei	ruskei	ruskei	ruskei	ruskei	rusked	rusked	rusket	rusked	rusked	rusked	rusked	rusked	красный	
57	huikie	huikie	huikie	huikie	huigie	huigie	huigia	huigie	huigie	huigie	huigie	huigie	huigie	huigie	huigii	huigei	huigei	huigei	huigei	huigei	huigei	huigei	huiged	huiged	huiged	huiged	huiged	huiged	huiged	huiged	стыд	
58	šokie	šokie	šokie	šokie	šogie	šogie	šogia	šogie	sogio	sogio	šogio	šogio	šogio	šogio		sogei	sogei	sogei	sogei	sogei	sogei	soged	soged	soged	soged	soged	soged	soged	soged	слепой		
59	rohkie	rohkie	rohkie	rohkie	rohkie	rohkie	rohkia	rohkie	rohkie	rohkie	rohkie	rohkie	rohkie	rohkie	rohki	rohkei	rohkei	rohkei	rohkei	rohkei	rohkei		rohked							смелый		
60																	sangei	sangei	sangei	sangei	sangei			sanged	sanged	sanged	sanged	sanged	sanged	sanged	толстый	
	[ua]	[ua]	[ua]	[ua]	[ua]	[ua]	[aa]	[ua]	[ua]	[ua]	[ua]	[oa]	[ja]	[ua]	[uu]	[ua]	[aa]	[oa]	[aa]	[ua]	[ja]	[ada]	[ada]	[ada]	[ada/ta]	[ada/ta]	[ada/ta]	[ada/ta]	[ada/ta]	[ada/ta]	[ada/ta]	
61	makšua	makšua	makšua	makšua	makšua	makšua	makšaa	makšua	maksua	maksua	makšua	makšoa	makšja	makšua	maksuu	maksua	maksaa	maksoa	maksaa	maksua	maksja	maksada	maksada	maksta	maksta	maksta	maksta	maksta	maksta	maksta	платить	
62	palua	palua	palua	palua	palua	palua	palaa	palua	palua	palua	palua	paloa	palja	palua		palua	palaa	paloa	palaa	palua	palja	palada	palada	palada	palada	palada	palada	palada	palada	гореть		
63	malttua	malttua	malttua	malttua	malttua	malttua	malttaa	malttua	malttua	malttua	maltua	maltoa	maltja	maltua	maltuu									maltada						понимать		
64	noštua	noštua	noštua	noštua	noštua	noštua	noštaa	noštua	noštua	noštua	noštua	noštoa	noštua	noštua	noštua	nostua	nostaa	nostoa	nostaa	nostua	nostja	nostada	nostada	nousta						поднимать		
65	painua	painua	painua	painua	painua	painua	painaa	painua	painua	painua	painua					painua	painaa	painoa	painaa	painua		painada	painada	painda						давить		
66	mahtua	mahtua	mahtua	mahtua	mahtua						mahtua		mahtja	mahtua	mahtaa											mahtta	mahtta	mahtta	mahtta	маhtta	уметь	
67	kiukua	kiukua	kiukua	kiukua	kiugua						kiugua	kiugoa	kiugja	kiugua	kiuguu															печь		
68	poltua	poltua	poltua	poltua	poltua	poltua	poltaa	poltua	poltua	poltua	poltua	poltoa	poltja	poltua	poltuu	poltua	poltaa	poltoa	poltaa	poltua	poltja	poltada	poltai	poutta	poltta	poltta	puutta	puutta	poutta	pootta	жечь	
69	šuaattua	šuaattua	šuaattua	šuaattua	šuaattua			šuaattua	suattua	suattua	šuaattua	šoattoa	šjattja	šuaattua	šuaattuu	suattua	saattaa	soattoa	saattaa	suattua	šjattja	suattada	suattai	suatta	satta	satta	satta	satta	satta	satta	проводить	
70	tappua	tappua	tappua	tappua	tappua	tappua	tappaa	tappua	tappua	tappua	tappua	tappoa	tappja	tappua	tappuu	tappua	tappaa	tappoa	tappaa	tappua	tappja	tappada	tappai								убивать	
	[ua]	[ua]	[ua]	[ua]	[ua]	[ua]	[aa]	[oo/oa]	[ua]	[ua]	[ua]	[oa/ua]	[ja]	[ua]	[uu]	[ua]	[aa]	[oa]	[aa]	[ua]	[ja]	[ada/ta]	[ada/ta]	[ada/ta]	[ada/ta]	[ada/ta]	[ada/ta]	[ada/ta]	[ada/ta]	[ada/ta]	[ada/ta]	
71	ruatua	ruatua	ruatua	ruatua	ruadua	ruadua	raadaa	roodoo	ruata	ruadua	ruadua	roadua	riadja	ruadua	ruaduu	ruadua	raadaa	roadoa	raadaa	ruadua	riadja	ruatta	ruata	ruata	rata	rata	rata	rata	rata	rata	работать	
72	valuttua					valua	valaa	valoo	valua	valua	valua		valja	valua	valuu	valua	valaa	valoa	valaa	valua	valja	valada	valada	valada	valada	valada	valada	valada	valada	лит		
73							maltaa	malttoo / malttoa	malttua	malttua						maltua	maltaa	maltoa	maltaa	maltua	maltja	maltada	maltada	mautta						уметь		
74	šoitua	šoitua	šoitua	šoitua			šoitaa	šoittoa	soittua	soittja				šoitua		soittua	soittaa		soittaa	soittua	soittja		soittai							играть		
75	juottua	juottua	juottua	juottua		d’uottua		d’uottoo	d’uottua	juottua		juottua		juottua	juottuu		juottaa	juottoa	d’uottaa	juottua		d’uottai		d’uotta						пить		
76	kuatua						kaadaa			kuadua					kuadua	kaadaa	koadoa	kaadaa	kuadua		kuadada	kuada								опрокинуть		
77	ahtua	ahtua	ahtua	ahtua	ahtua	ahtua	ahtaa	ahtoo	ahtua	ahtua	ahtua	ahtoa	ahtja	ahtua	ahtuu	ahtua	ahtaa	ahtoa	ahtaa	ahtua	ahtja	ahtada	ahtada	ahta	ahtta	ahtta	ahtta	ahtta	ahtta	ahtta	насаживать снопы	
78	paistua	paistua	paistua	paistua	paistua	paistua	paistaa	paištoo	paistua	paištua	paistua	paistoa	paistua	paistua	paistuu	pastua	pastaa	pastoa	pastaa	pastua	pastja	paštada	paštada	pašta	paštta	paštta	paštta	paštta	paštta	paštta	испечь	
79	antua	antua	antua	antua	andua	andua	andaa	andoo	andua	andua	andua	andoa	andja	andua	anduu	andua	andaa	andoa	andaa	andua	andja	antta	andai	antta	antta	antta	antta	antta	antta	antta	давать	
80	ottua	ottua	ottua	ottua	ottua	ottua	ottaa	ottoo	ottua	ottua	ottua	ottoa	ottja	ottua	ottuu	ottua	ottaa	ottoa	ottaa	ottua	ottja	ottada	ottai	otta	otta	otta	otta	otta	otta	отта	брат	
81	auttua	auttua	auttua	auttua	auttua	auttua	auttaa	auttoa	auttua	auttua	avuttua	auttoa	awttja	auttua	avuttuu	auttua	auttaa	auttoa	auttaa	avuttua	avuttja	abuttada	abuttada	abutada	abutada	abutada	abutada	abutada	abutada	помогать		
82	nakrua	nakrua	nakrua	nakrua	nagrua	nagrua	nagraa	nagroa	nagrua	nagrua	nagrua	nagroa	nagrija	nagrua	nagruu	nagrua	nagraa	nagroa	nagraa	nagrua	nagrija	nagrada	nagrada	nagrda	nagrda	nagrda	nagrda	nagrda	nagrda	смеяться		
83	kuatua	kuatua	kuatua	kuatua	kuadua	kuadua	kaadaa	koodoa	kuadua	kuadua			kjadja				kaadaa	koadoa	kaadaa	kuadua	kjadja	kuata	kuadada							лит		

В текстах ранних памятников карельской письменности глагольные формы, обнаруживающие рефлексы заударных **e-A*, **i-A*, не представлены. В говорах финского языка рефлексy *ia*, *iä* получили довольно широкое распространение как в западных, так и в восточных диалектах, *ea*, *eä* — в восточных (Кайнуу и диалектах Центральной Финляндии), *ie* — главным образом в финских диалектах Приграничной Карелии [Kettunen 1940: к. 192]⁹.

Специфика ареалов распространения указывает на архаичный характер рефлексов *ia*, *iä*, тогда как дифтонг *ie* следует считать инновацией. В собственно карельском говоре куста деревень Держа, в отличие от ударного слога, представленного расширяющимися дифтонгами, в заударной позиции вследствие сильной редукции стал возможен переход расширяющихся дифтонгов в долгие гласные, второй компонент которых может быть редуцированным или даже полностью выпадать.

Отдельное внимание на себя обращают рефлексy сочетания **e-a* на конце номинатива единственного числа имен (таблица 2, примеры 43—60). В собственно карельских диалектах их дистрибуция не отличается от глагольных форм I инфинитива, тогда как в ливвиковских говорах и соседнем с ними Святозере используется сужающийся дифтонг *ei*. Такое распределение полностью совпадает с соответствующей картой атласа [Атлас 1997: к. 12]. В ранних памятниках рефлексy **e-a* на конце начальных форм имен представлены несколькими вариантами: одиночным *i* (*Рúшьки* ‘красный’, *Вáльки* ‘белый’), дифтонгами *iä* (*Лéвiä* ‘широкий’) и *ii* (*Кáдiитъ* ‘портки, штаны’) в словнике 1668 г., дифтонгом *iä* (*левия* ‘широкий’) в рукописи начала XVIII в., *ie* (*Коргiе* ‘высокий’, *Балгiе* ‘белый’, *Рушкiе* ‘красный’, *Ке’бие* ‘легкий’) в «корельской» части словаря П. Палласа, а также сужающимся дифтонгом *ei* (*Коргей* ‘высокий’, *Рускей* ‘красный’, *Кебгей* ‘легкий’) и одиночным *e* (*Валге* ‘белый’) — в «олонецкой». В случае с рефлексом *ei*, таким образом, речь идет о явной ливвиковской инновации, объясняемой финнистами возможным влиянием форм множественного числа (например, *korgeissa* ‘в высоких’) (см. [Leskinen 1998: 380]).

3.2. Сужающиеся дифтонги

Прибалтийско-финские праязыковые **сужающиеся дифтонги на *u*, *y*, *i* ударного слога** в диалектах карельского языка представлены без существенных отличий, как и в вепском языке. Обращает на себя внимание **переход *ei* > *i***, обнаруженный в северновепских и западных средневепских говорах (см. [Tunkelo 1946: 422]) (таблица 3, примеры 1—12). В собственно карельском говоре д. Селище на месте сужающегося дифтонга здесь возможно нерегулярное использование долгого гласного *ee* (*ei* > *ee*) в позиции перед переднеязычным щелевым согласным (таблица 3, примеры 10—12). Явление также регулярно затрагивает и другие сужающиеся дифтонги, например *au* > *aa* (примеры 15—22), *ou* > *oo* (примеры 23—26). Отметим, что в соседнем вепском говоре д. Сидорово представлен аналогичный переход, что указывает на общие корни позднего по происхождению явления [Рягоев 1977: 10—14].

В связи с рассмотрением сужающихся дифтонгов на *u*, *y* стоит обратить внимание также на выделенный программой в отдельные ряды нерегулярный переход их вторых компонентов в полугласный *w*, что нашло отражение в примерах из собственно карельских говоров Центральной России и ливвиковских говоров с. Ведлозеро и г. Олонец (таблица 3, примеры 15—26). Это позиционно обусловленное явление могло быть вызвано различными факторами: внутренними закономерностями развития (см. [Palmeos 1962: 9]), или влиянием фонетической системы русского языка (см. [Беляков 1949: 71—72]), или вариантом записи. Способствовать развитию полугласных на месте неслоговых компонентов дифтонгов и долгих гласных *uu*, *yy* могли лично-числовые формы 3-го лица единственного числа презенса индикатива (*tulou* / *tulow* / *tulov* от *tulla* ‘приходить’: **βi* > *vi* > *v* > *w* > *u* / *y*) [Зайков 2000: 50—51].

В сомнительных рядах выявлена также утрата **второго компонента дифтонгами на *i* в положении перед сочетаниями согласных *sk/šk*, *st/št*** в ливвиковских и людиловских говорах (таблица 3, примеры 13—14). Языковеды относят этот диалектный маркер южных наречий карельского языка к вепскому субстрату [Tuuninen 1950: 35]. Для современных вепских говоров характерна аналогичная картина (см. рис. 4).

По соответствиям по гласному первого слога в надежные и сомнительные ряды программой был также выведен **переход *l* > *u***, приведший к образованию вторичных сужающихся дифтонгов (таблица 3, примеры 27—41). Явление представлено во всех вепских говорах, а также в контактном с ними людиловском говоре с. Михайловское в словах с заднерядными гласными. На сравнительно небольшой возраст перехода в карельском языке указывает параллельное наличие форм, сохранивших согласный. Подтверждают относительную молодость явления в вепском языке зафиксированные в XIX в. топонимы с согласным *l* [ЛАВЯ 2019: 40—44]. Распространение перехода в говоре с. Михайловское, таким образом, —

⁹ <http://kettunen.fnhost.org/html/kett192.html>

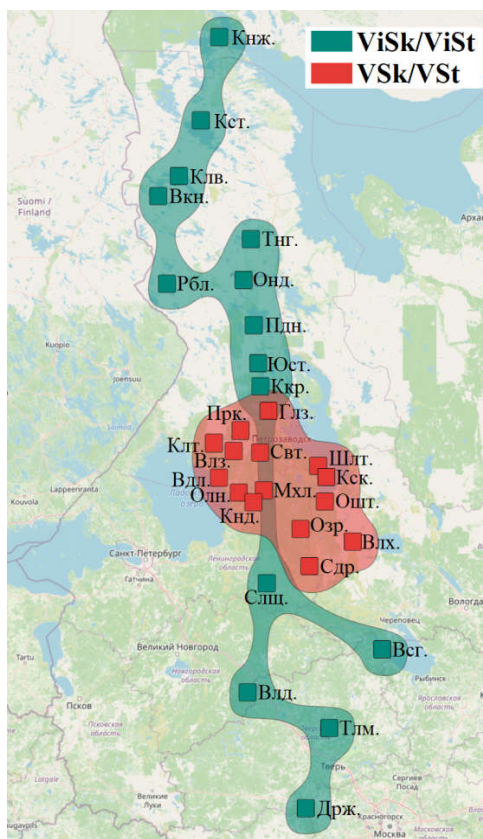

Рис. 4. Рефлексы прибалтийско-финских *Visk, *Vist

результат позднего влияния фонетической системы соседних вепских говоров. А. Турунен также не исключает возможности появления перехода в отдельных людиковских говорах в результате непосредственного влияния фонетической системы северо-восточных говоров русского языка [Turunen 1950: 308—309], развитие аналогичного перехода в которых относится диалектологами к внутриязыковому процессу [Бромлей 2010: 165]. Так, в центральных онежских говорах русского языка (контактных с южными людиковскими, северными и средними вепскими говорами) в «Диалектологическом атласе русского языка» на карте 61 «Диалектные замены *л* твердого» отмечено употребление на месте *л* гласного *у* (*w*): *воук, доуго, наука, игоука, пошеу, поу* [ДАРЯ]. В материалах, собранных для диалектологического атласа карельского языка в конце 1930-х гг. переход *l > u* зафиксирован лишь в среднелюдиковском говоре д. Намоево и в ливвиковском говоре д. Малая Сельга (около Олонца) [Murreh]. В диалектных материалах из Михайловского явление не отмечено, но исследование А. Турунена 1950 г. позволяет судить о его распространении и на южную людиковскую окраину [Turunen 1950: 308—309].

В заударной позиции утрата второго компонента сужающимся дифтонгом на *i* в положении перед суффиксом *-*se-* (таблица 3, примеры 42—46) представлена в номинативе единственного числа имен всех собственно карельских говоров и ливвиковского говора с. Колатсельга (см. также [Атлас 1997: к. 38—39]). Утраченный гласный обнаруживается в согласной основе имен (*akkaista* — партитив единственного числа от *akkane/akkani* ‘старушка’). В остальных анализируемых говорах дифтонг сохранился, лишь в людиковском говоре с. Михайловское фиксируется его переход во вторичный долгий гласный, что объясняется А. Туруненом результатом влияния соседних вепских говоров [Turunen 1950: 178]. Сохранение прибалтийско-финского праязыкового сужающегося дифтонга в стяженных глаголах, в свою очередь, представлено исключительно в людиковских и вепских говорах (таблица 3, примеры 47—51) (см. [Зайцева 2001: 33]). В говоре с. Михайловское вновь происходит переход дифтонга в монофтонг *aa*.

На конце начальных форм имен сужающиеся дифтонги, состоящие из лабиализованных гласных *i* и *i*, представлены лишь в ливвиковских и северных людиковских говорах. Для остальных говоров людиковского наречия характерна трифтонгизация первоначальных дифтонгов до *uoi* (д. Галлезеро, с. Святозеро), объясняемая одними исследователями влиянием со стороны соседних русских говоров, для которых характерно явление лабиовеляризации, другими — результатом контаминации первоначального дифтонга *oi* и развившегося из него дифтонга *uo*, обнаруживаемого в говоре с. Михайловское [Turunen 1950: 187—189]. В собственно карельском наречии в данной позиции представлено выпадение второго компонента дифтонга (таблица 3, примеры 52—64, рис. 5) [Leskinen 1998: 381; см. также Атлас 1997: к. 41].

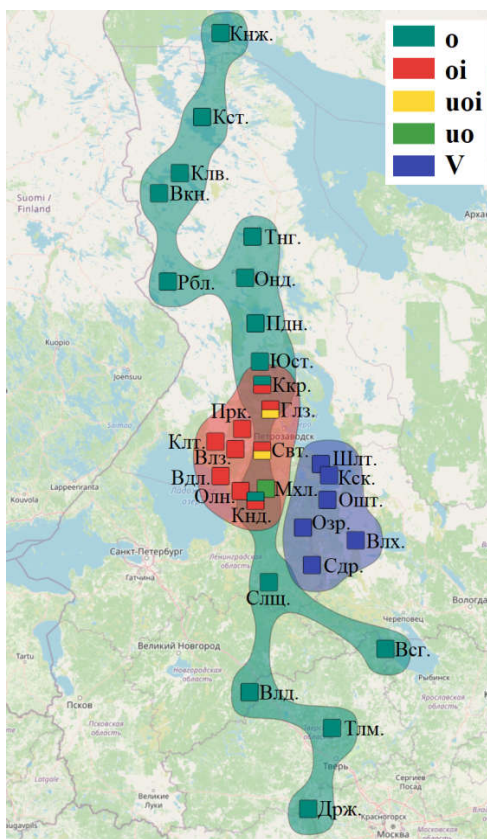

Рис. 5. Рефлексы прибалтийско-финского *oi на конце начальных форм имен

Материалы собственно карельских памятников также демонстрируют отсутствие сужающегося дифтонга на *i* в позиции перед суффиксом *-ne* и на конце номинатива единственного числа имен: *авага^{не}* ‘старенький’, *рёбо* ‘лиса’ в словнике 1667 г., *Пакъкана* ‘мороз’, *Кюльляне* ‘сытый’, *рёбо* ‘лиса’ в записях 1668 г., *юмалагине* ‘божественный’, *ребо* ‘лиса’ в источнике начала XVIII в., в то время как карельско-вепские тексты заговоров XVII в.¹⁰, наоборот, обнаруживают его сохранение: *кулдайжет* ‘золотые’, *равдайне* ‘железный’, *кезяижен* ‘летнего’. В «олонецких» материалах П. Палласа дифтонг представлен (*Гебоине* ‘конь’, *Мадоине* ‘червь’, *Кукой* ‘петух’), в отличие от «корельских» (*Гебоне* ‘конь’, *Шулазане* ‘жених’, *Кукко* ‘петух’).

Явление утраты второго компонента сужающимися дифтонгами на *i* в прибалтийско-финских языках относится исследователями к инновации раннего периода, поскольку оно характерно как для восточных, так и для западных финских диалектов, а также для всех собственно карельских говоров [Kettunen 1940: к. 201—212; Leskinen 1998: 380—381; VISK § 24]. Наличие дифтонгов в ливвиковских и людиковских наречиях в рассмотренных позициях, таким образом, следует отнести к архаизмам.

¹⁰ Мызников С. А. Карельско-вепские заговоры Олонецкого сборника // Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX века. М.: Индрик, 2010. С. 286—310. Источник предоставляет сведения о языке, предшествовавшем современному вепскому языку и людиковскому наречию карельского языка.

Таблица 3. Рефлексы прибалтийско-финских сужающихся дифтонгов в говорах карельского и вепсского языков

№	Кнж.	Кст.	Клв.	Вкн.	Тнг.	Рбл.	Онд.	Пдн.	Юст.	Ккр.	Слц.	Влд.	Вет.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кск.	Ошт.	Озр.	Влх.	Сдр.	Перевод	
	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ij]	[ij]	[ij]	[ij]	[ei]	[ei]		
1	heinä	heinä	heinä	heinä	heinä	heinä	heinä	heinä	heinä	heinä	heinä	heinä	heinä	heinä	hein	heinü	heinü	heinü	heinü	heinü	heinö	hein	heine	hein	hijn	hijn	hijn	hijn	hein	hein	сено	
2	leipä	leipä	leipä	leipä	leibä	leibä	leibä	leibä	leibä	leibä	leibä	leibä	leibä	leibä	leibä	leibü	leibü	leibü	leibü	leibü	leibö	leib	leibe	leib	lijb	lijb	lijb	lijb	leib	leib	хлеб	
3	šeinä	šeinä	šeinä	šeinä	šeinä	šeinä	seinä	seinä	šeinä	šeinä	šeinä	šeinä	šeinä	šeinä		seinü	seinü	seinü	seinü	seinü	šeinö	šein	seine	sein	sijn	sijn	sijn	sijn	sein	sein	стена	
4	keittä	keittä	keittä	keittä	keittä	keittä	keittä	keitte	keittä	keittä	keittie	keittä	keit' t' iä	keit' t' iä	keit' t' ii	keittä	keitte	keittä	keittä	keittä	keittä	keittä	keittä	keittä	kiitta	kiitta	kiitta		keittä	keittä	варить	
5	peittä	peittä	peittä	peittä	peit' t' uä	peittä	peittä	peittä	peittä	peittä	peit' t' ie	peit' t' öä	peit' t' iä	peit' t' iä	peit' t' ii	peittje	peitte	peittä	peittä	peittä	peittä	peittä	peittä	peittä	pijta	pijta	pijta	pijta	peitta		прятать	
6	šeiväs	šeiväs	šeiväs	šeiväs	šeiväs	šeiväs	seiväs	seiväs	šeiväs	seiväs	ševäs	ševäs	ševäs	ševäs	ševäs	seiväs	seiväs	seiväs	seiväs	seiväs	seiväs	šeiväs	šeiväs	šeiväs	sijbaz	sijbaz	sijbaz		seibaz	seibaz	кол	
7	heittä	heittä	heittä	heittä	heittä		heittä	heitteä	heittä	heittä	heittje	heit' t' öä	heit' t' iä	heit' t' iä		heittä	heitte	heittä	heittä	heittä	heittä	heittä	heittä	heittä	hiitta	hiitta	hiitta	hiitta	heitta	heitta	снять	
8	leikata	leikata	leikata	leikata	leikata	leikata	leikata	leikata	leikata	leikata	leikata	leikata	leikata	leikata	leikkuu	leikata	leikata	leikata	leikata	leikata	leikata	leikkatt a	leikata	leikata	liikata	liikata			leikata	leikata	резать	
9		neičüt	neičüt	neičüt	neičüt	neičüt	neičüt		neičüt	neičüt	neičüt			neičüt		neidine	neidine	neidine	neidine	neidiine	neidiine	neičüt		neičuk	nižne	nižne		nižne	neižne	neižne	девушка	
	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ee]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ei]	[ij]	[ij]	[ij]	[ij]	[ei]	[ei]		
10	šeisuo	šeisuo	šeisuo	šeisuo	seizuo	seizuo	seizua	seizuo	seizuo	šeizuo	seezua	šeizuo	šeizuo	šeizuo	šeizuo	seizua	seizua	seizuo	seizua	seizuo	seizue	šeizuda	seizoda	seišta	sižsta	sižsta	sižsta	sižsta	seišta	seišta	стоять	
11	šeisattua	šeisattua	šeisattua	šeisattua	seizattua		seizattaa	seizattua	seizattua	šeizattua	seezattua	šeizattoo		šeizattuu		seizattaa	seizattoo	seizattaa	seizattua		šeizattada	seizattada	seišta	sižzutada	sižzutada	sižzutada	sižzutada	seizutada	seizutada	останавливать		
12	heimo		heimo	heimokunta	heimo	heimo	heimokunda	heimokunda	heimokunda	heimokunda				heim	heimokundu	heimokundu	heimokundu	heimo	heimokundu		heimokund	heimo		hijm	hijm	hijm	hijm	heim	heim	племя		
	[ai]	[ai]	[ai]	[ai]	[ai]	[ai]	[ai]	[ai]	[ai]	[ai]	[ai]	[ai]	[ai]	[ai]	[ai]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]		
13	laiska	laiska	laiska	laiska	laiska	laiska	laiska	laiska	laiska	laiska	laiska	laiska	laiska	laiska	laiska	lašku	lašku	lašku	lašku	lašku	lašku	laško	laš	laške	laš	laš	laš	laš	laš	laš	лаживый	
14	paistua	paistua	paistua	paistua	paistua	paistua	paistaa	paistöo	paistua	paistua	paistua	paistua	paistua	paistua	paistuu	pastua	pastaa	pastoa	pastaa	pastua	pastja	paštada	paštada	pašta	paštta	paštta	paštta	paštta	paštta	paštta	печь	
	[au]	[au]	[au]	[au]	[au]	[au]	[au]	[au]	[au]	[au]	[aa]	[au]	[au]	[au]	[au]	[au]	[au]	[au]	[au]	[au]	[au]	[au]	[au]	[au]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[au/ou]	[aa]	
15	hautuo	hautuo	hautuo	hautuo	haudu	haudu	haudu	haudu	haudu	haudu	haudu	haudu	haudu	haudu	haudu	haudu	haudu	haudu	haudu	haudu	haudu	haudu	haudu	haudu	hou	hou	hou	hou	hou	hou	парить	
16	hauki	hauki	hauki	hauki	haugi	haugi	haugi	haugi	haugi	haugi	haagi	hawgi	hawgi	haugi	haug	haugi	haugi	hawgi	haugi	hawgi	hauge	haugi	haugi	haug	houg'	hougij	houg'	houg'	haug'	haag'	щука	
17	rauta	rauta	rauta	rauta	rauda	rauda	rauda	rauda	rauda	rauda	rauda	rauda	rauda	rauda	raud	raudu	raudu	raudu	raudu	raudu	raudu	raudu	raudu	raud	raude	raud	roud	roud	roud	raud	железо	
18	jauho	jauho	jauho	jauho	jauho	d'auho	d'auho	d'auho	d'auho	d'auh	jaaho	jauho	jauho	jauho	jauh	d'auho	jauho	jauho	d'auho	jauho	d'auho	d'auh	d'auh		d'ouh	d'ouh	g'ouh	jouh	g'auh	jaah	мука	
19	laulua	laulua	laulua	laulua		laulua	laulua	laulua	laulua	laulua	laalua	laulua	laulua	laulua	laulua	laulua	laulaa	laulua	laulua	laulua	laulua	laulua	laulua	laulada	laulada	laulda	loulda	loulda	loulda	launda	laalda	петь
20							kauha	kauha	kauha	kauha	kaaha	kauha	kauha	kauha								kauho	kauh						kaah	ковш		
21	lauta	lauta	lauta	lauta	lauda	lauda	lauda	lauda	lauda	lauda	lauda	lauda	lauda	lauda	laud	laudu	laudu	laudu	laudu	laudu	laudu	laudu	laudu	laudu	loud	loud	loud	loud	loud	laad	доска	
22					laukka	laukka	laukka	laukka	laukka	laukka	laukka	laukka	laukka	laukka	laukk	laukku	laukku	laukku	laukku	laukku	laukku	laukku	laukko	laukk	laukke	lauk	louk	louk	louk	laak	магазин	
	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[oo]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[oo]		
23	koukku	koukku	koukku	koukku	koukku	koukku	koukku	koukku	koukku	koukku	kookku	koukku	koukku	koukku	koukku	koukku	koukku	koukku	koukku	koukku	koukku	koukku	koukku	kouk	kouk	kouk	kuyk	kuyk	kouk	kook	кочерга	
24	touko		touko	touko			tougo			tougo	toogo		touvot	tougo	toug	towgo	tougo	towgo	touvot	tougo		tougo	tougo					tuyg		яровые злаки		

№	Киж.	Кст.	Клив.	Вкн.	Тнг.	Рбл.	Онд.	Пдн.	Юст.	Ккр.	Слц.	Влд.	Вег.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кск.	Ошт.	Озр.	Влх.	Сдр.	Перевод	
25	pouta	pouta	pouta	pouta	pouda		pouda	pouda	pouda	pouda	pooda	pouda	pouda	pouda		poudu	poudu	poudu	poudu	poudu		poud	pouda	poud	poud	poud	poud	poud	poud	poud	сухая погода	
26	loukko	loukko	loukko	loukko	loukko	loukko	loukko	loukko	loukko	loukko	lookko	loukko	lowkko	loukko	loukk	loukko	loukko	lowkko	loukko	lowkko	louko	loukku	loukko									дырка
	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[au]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[au]	[aa]	
27	halot	halot	halot	halot	halot	hallot	hallot	hallot	hallot	hallot	hallot	hallot	hallot	hallot	hallot	hallot	hallot	hallot	hallot	hallot	hallot	hallot	halgot	halgot	haugot	hougod	hougod	hougod	hougod	haugod	haagod	дрова
28	šalvua	šalvua	šalvua	šalvua	šalvua				salvua	salvua	šalvua	šalvoa	šalvja	šalvua	šalvuu	salvua	salvaa	salvoa	salvaa	salvua	salvja	salvada	salvada	sauvata	souda	souda	souda	souda	souda	sauda	saada	рубить
29	šalvata	šalvua	šalvattua			šalvata		šalvata	salvattua	salvattua	šalvattua	šalvattoa	šalvja	šalvua	šalvata	salvattua	salvattaa	salvattoa	salvattaa	salvattua	salvattja	salvattada	salvattai	sauvatada	souvata	souvata	souvata	souvata	souvata		кастрировать	
30				šalkku	šalkku	šalkku	šalkku	šalkku	šalkku		šalku		šalku	šalku		šalgu	šalgu	šalgu	šalgu	šalgu		šalg		šaug	šoug	šoug	šoug		šaug	šaag	котомка	
31	palkka	palkka	palkka	palkka		palkka	palkka	palkka	palkka	palkka	palka	palkka	palka	palka	palk	palku	palku	palku	palku	palku	palku	palko	palkk	palkke	palk	pouk	pouk	pouk	pouk	pauk	paak	заработок
32	paleh	paleh	paleh	paleh	palleh	palle	palleh	palleh	palleh	palgeh		palleh	palleh	palleh		palgeh	palgeh	palleh	palleh	palleh		palgiž	palgeh				pougiž		paugiž		мехи	
33	šalpa	šalpa	šalpa	šalpa	šalba			salba		salba		šalba	šalba	šalba				salbaine		salbain					soub	soub	soub	soub	saub	saab	засов	
	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	?	[a]	?	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[au]	[au]	[au]	[ou]	[ou]	[au]	[aa]		
34	šalvo	šalmo	šalmo	šalmo	šalmo	šalmo	šalmo	šalmo	šalmo	salbamo	šalmo	šamalo		šamalo		salbamo	salbamo	salbamo	salvoin	salvoin		salgamo	salme	saum	saum	saum	soum	soum	saum	saam	угол дома	
35			palttina	palttina		palttina		paltin	palttina	paltina						paltin	paltin	paltin	paltin	paltin	paltin	palttijn	paltin	pautin	pautijn	pautijn	poutijn	poutijn	pautin	paatijn	полотно	
36							maltaa	malttoo	malttua	malttua						maltua	maltaa	maltoa	maltaa	maltua	maltija	malttada	maltada	mautta							уметь	
	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[ou]	[aa]		
37	talkkuna	talkkuna	talkkuna	talkkuna	talkkuna	talkkuna	talkkuna	talkuna	talkkuna	talkkuna	talkuna	talkkuna	talkuna	talkuna	talkuna	talkun	talkun	talkun	talkun	talkun	talkun	talkun	talkkun	talkkun	talkun	toukun	toukun	toukun	toukun	toukun	taakun	толокно
38	palkata	palkata	palkata	palkata	palkata		palkata	palkata	palkata	palkata	palkata	palkata		palkata		palkata	palkata	palkata	palkata	palkata	palkata		palkkatta	palkata	palkata	poukata	poukata	poukata	poukata	poukata	paakaata	нанимать
39					kalma					kalma	kalma		kalma	kalma	kalm	kalmu	kalmu	kalmu		kalmu	kalmo	kalm	kalme		koum	koum	koum	koum	koum	kaam	могила	
	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[uu]	[uʉ]	[uʉ]	[uʉ]	[uʉ]	[uʉ]	[uʉ]		
40	kulmak arvat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmat	kulmok arvat	kulmat	kulmat	kuumad	kuumad	kuumad				брови	
41	šulka	šulka	šulka	šulka	šulga	šulga	šulga	šulga	šulga	šulga	šulga		šulga	šulga		šulgu	šulgu	šulgu	šulgu		šulg	šulge	suug	suug	suug	suug	suug	suug	suug	suug	перо	
	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a/ai]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[ai]	[a]	[ai]	[ai]	[ai]	[ai]	[ai]	[ai]	[a/aa]	[ei]	[ai]	[ei]	[ei]	[ai]	[a/aa]		
42								paállane	paállane	paállane								paállaine	paállaine	paállaine	paállaine	paállaine	paállaine	paállaine				paállaine		молоток		
43	šulhani	šulhañi		šulhañi		šulhani	šulhañi			šulhaine	šulhañe	šulahañe	šulahañe	šulahañe	šulahañ	šulahaine	šulahane	šulhaine	šulahaine	šulhaine			šulhaine								жених	
44								tuomine	tuomane	tuomañe	tuomiñe		tuomañe		tuomaine	tuomane	tuomaine	tuomaine	tuomaine	tuomaine			tuomaine		tomeiñe	tomaine	tomeiñe	tomeiñe	tomaine	tomañe	гостинец	
45	orani	orañi	orañi	orañi	orañe	orañi	orañi	orane	orane	orane	orañe	orañe	orañe	orañe	orañ	oraine	orane	oraine	oraine	oraine	oraine	oraine	oraine	oraine	orañe	oreiñe		oreiñe		oreiñe	оранье	
46	iltañi	iltañi	iltañi	iltañi	ildañe	ildañi	ildañi	ildañe	ildañe	ildañe	ildañe	ildañe	ildañe	ildañe	ildañi	ildaine	ildane	ildaine	ildaine	ildaine	ildaine		ildaine	ildaine	ildañe						ужин	
	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[a]	[ai]	[ai]	[aa]	[ei]	[ai]	[ei]	[ei]	[ai]	[aa]		
47	varata	varata	varata	varata	varata	varata	varata	varata	varata	varata	varata	varata	varata	varata	varata	varata	varata	varata	varata	varata	varata	varaata	vareita	varaita	vareita	vareita	vareita	varaita	varaata		бояться	
48	puhata	puhata	puhata	puhata	puhata	puhata	puhata	puhata	puhata	puhata	puhata	puhata	puhata	puhata		puhkata	puhkata	puhkata	puhkata	puhkata	puhkata		puhkaita	puhkaita	puhkaata	puhkeita	puhkaita	puhkeita	puhkeita	puhkaita	puhkaata	вскрыть

3.3. Квантитативная корреляция гласных

Смыслоразличительное значение в карельском, как и в других прибалтийско-финских языках, имеет противопоставление гласных по длительности, возводимое к прибалтийско-финскому праязыку [ОФУЯ 1975: 37; VISK: § 18]. В большей части говоров вепсского языка праязыковые долгие гласные исчезли полностью или перешли в полудолгие (дифтонгизированные) в северновепсских говорах (таблица 4), что объясняется их положением в контактном с карельскими говорами ареале [ЛАВЯ 2019: 22—24].

Для всех карельских наречий, в отличие от вепсского языка, характерно наличие долгих гласных верхнего подъема *iii*, *уу*, *ii*. В позиции ударного слога эти гласные сохранились главным образом без изменений (таблица 4). Однако нерегулярно в собственно карельском говоре с. Толмачи, а также в ливвиковских говорах д. Проккойла и — реже — куста деревень Кондуши представлено позднее явление дифтонгизации долгого *ii* (таблица 4, примеры 9—18). Собственно карельским говорам Центральной России (г. Весьегонск, с. Толмачи) и ливвиковским говорам (д. Проккойла, с. Ведлозеро, г. Олонец, куста деревень Кондуши) свойственна также проявившая себя в примерах таблицы дифтонгизация долгого гласного *iii* (> *iw*) (примеры 19—30). Данный переход имеет ту же природу, что и сужение дифтонгов на *и*, *у* (см. раздел 3.2). В собственно карельских и ливвиковских диалектах отмечается возможность использования полугласного также на месте второго компонента долгих гласных *iii*, *уу*, в слабой степени чередования согласных оказавшихся в положении перед альтернантом *v*. С точки зрения фонетики явление позиционно обусловлено [Новак и др. 2019: 51—52].

Таблица 4. Рефлексы прибалтийско-финских долгих гласных *ii, *ui, *yu ударного слога в говорах карельского и вепского языков

№	Киж.	Кст.	Клв.	Вен.	Тнг.	Рол.	Онд.	Пдн.	Юст.	Кор.	Слц.	Влд.	Вет.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кек.	Ошт.	Озр.	Влх.	Сдр.	Перевод	
1	liipukk aini	liipukk aini	liipukk aini	liipukk aini	liipukk aine	liipukk aini	liipukk aini	liipukk ane	liipoi	liipukk ane	liipukka	liipukk ane	liipukk ane	liipukk ane	liipukk an	liipukka	liipukka	liipukk aine	liipukk aine	liipoilin duine	lipakka ine	liipuo i	liipuo i	liipak	lipikeine	lipikijine	lipkeine	lipkoihut	lipkeine	lipkoo	бабочка	
2	viiplo	viiplo	viiplo	viiplo	viiblo	biibalo	viiblo	viiblo	biibalo	biibalo	viibalo	viiblo	viibalo	viibalo	viibalo	viibo	viibo	viibo	biibo	viiblo		biiba	biibuoi	biibal	biba	biba	bibaleh	bibaleh	bibaleh	bibaloh		ломтик
3	viipšie	viipšie	viipšie	viipšie								viipsie		viipsie	viipsii									viipšta	bipšta	bipšta	bipšt'a		bipšt'a	bipšt'a	мотать нитки	
4	šiima	šiima	šiima	šiima	šiima	šiima	siima	siima	šiima	šiima	šiima	šiima		šiima	sihm	siimu	siimu	siimu	siimu	siimu	siimu	siimo	šim	siime		siim	siim	siim	sim		sim	леска
5	liikkuo	liikkuo	liikkuo	liikkuo	liikkuo	liikkuo		liikkua	liikkuo	liikkuo	liikkua				liikkua	liikkua	liikkuo	liikkua	liikkua	liikkua	liikkja	liikkuda	liikkuda							liikhtada	двигаться	
6	liina	liina	liina	liina	liina	liina	liina	liina	liina	liina	liina	liina	liina	liina	liin	liinu	liinu	liinu	liinu	liinu	liinu	liino	liin	liine	liin	liin	liin	lin	lin	lin	линочка	
7	kiima	kiima	kiima	kiima	kiima	kiima	kiima	kiima	kiima	kiima	kiima	kiima	kiimo	kiima		kiimu	kiimu	kiimu	kiimu	kiimu	kiimu	kiimo	kiim	kiime	kiim	kijm	kijm	kim'	kim	kim	kim	ток
8					liiga	liiga	liiga	liiga	liiga	liiga	liiga	liiga	liiga	liiga	liig	liigu	liigu	liigu	liigu	liigu	liigu	liigo	liig	liige	liig	liig	liig	liga				лишний
9	riita	riita	riita	riita	riida	riida	riida	riida	riida	riida	riida	riida	riida	riida	riida	riidu	riidu	riidu	riidu	riidu			riido	riide	riid	riid	riid	rid	rid	rid	рида	
10	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	kiirehtua	спешить	
11	viina	viina	viina	viina	viina	viina	viina	viina	viina	viina	viina	viina	viina	viina	viina	viinu	viinu	viinu	viinu	viinu	viinu	viino	viin	viine	viin	viin	viin	vin	vin	vin	вино	
12	piippu	piippu	piippu	piippu	piippu	piippu	piippu		piippu		piippu				piippu	piippu	piippu	piippu	piippu	piippu			piipp								трубка	
13	piirua	piirua	piirua	piirua	piirua	piirua	piirai	piiroa	piirua	piirua	piirua	piirua	piirja	piirua	piirut	piirai	piirai	piirai	piirai	piirai	piirai	piraa	piirai	piirja	piirag	piraa	piirag	pirg	pirg	pirg	пирог	
14	šiiivatta	šiiivatta	šiiivatta	šiiivatta	šiiivatta	šiiivatta	šiiivatta	šiiivatta	šiiivatta	šiiivatta	šiiivatta	šiiivatta	šiiivatta	šiiivatta	šiiivatta	šiiivattu	šiiivattu	šiiivattu	šiiivattu	šiiivattu	šiiivattu	šiiivattu	šiiivattu	šiiivattu	šiiivattu	šiiivattu	šiiivattu	šiiivattu	šiiivattu	šiiivattu	шкоти	
15	viisaš	viisaš	viisaš	viisaš	viizaš	viizaš	viizaš	viizaš	viizas	viizaš	viizaš	viizaš		viizaš		viizas	viizas	viizas	viizas	viizas	viizas		viizas	viizaš	viizas							хитрый
16	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	kiistua	спорить	
17	riihi	riihi	riihi	riihi	riihi	riihi	riihi	riihi	riihi	riihi	riihi	riihi	riihi	riihi	riihi	riihi	riihi	riihi	riihi	riihi	riihi	riihe	riih	riihi	riih	riih	riih	riih	riih	riih	рига	
18	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	tiineh	беременный о животных	
19	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	kuu	ку	месяц	
20	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	tuuli	туули	ветер	
21	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	руумен	полова	
22	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen		ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen		ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	ruumen	руумен	мякина	
23	luukku	luukko	luukko	luukko	luukku	luukka	luukka	luukka	luukka	luukka	luukka	luukka	luukka	luukka	luukka									luukk		luk	luk	luk	luk	luk	лука	

№	Киж.	Кст.	Клив.	Вкн.	Тнг.	Рол.	Онд.	Пдн.	Юст.	Ккр.	Слц.	Влд.	Вег.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кек.	Ошт.	Озр.	Влх.	Сдр.	Перевод	
24	huuhtuo	huuhtuo	huuhtuo	huuhtuo	huuhtuo	huuhtuo	huuhtua	huuhtoo	huuhtuo	huuhtuo	huuhtua	huuhtoa	huuhtja	huwhtuo	huhtuu	huuhtua	huuhtua	huuhtoa	huuhtua	huuhtua	huuhtja	huuhtoda	huuhtoda	huuhtuoda	huhteida	huhtjida	huhtoida	huhtoida	huhtjida	huhtooda	полоскать	
25	muureh tuo	muureh tuo	muureh tuo	muureh tuo	muureh tuo	muureh tua	muureh tua	muureh tuo	muureh tua	muureh tuo	muureh tua	muureh tuo	muureh htuo	muureh tuo		muwre htua	muureh tuo	muwre htuo	muureh tua	muwre htuo	muureh tja	muureh tuda	muureh tua	muureh tuda			murošt ada			murošt ada	неметь	
	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[uu]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]	[u]		
26	šuari	šuari	šuari	šuari	šuari	šuari	šuari	šuari	suuri	suuri	šuari	šuari	šuari	šuari	šuur	suuri	suuri	suuri	suuri	suuri	suure	suuf	suuri	suuf	suuf	suuf	suif	suif	suif	suif	suif	большой
27	šuu	šuu	šuu	šuu	šuu	šuu	šuu	šuu	suu	suu	šuu	šuu	šuu	šuw	šuu	suu	suu	suw	suu	suw	suw	suu	suu	suu	suu	suu	suu	suu	suu	suu	рот	
28	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	huuli	губа	
29	luu	luu	luu	luu	luu	luu	luu	luu	luu	luu	luu	luu	luu	luw	luu	luw	luu	luw	luu	luw	luw	luu	luu	luu	luu	luu	luu	luu	luu	luu	кость	
30	kuuši	kuuši	kuuši	kuuši	kuuži	kuuži	kuuži	kuuži	kuuži	kuuži	kuuži	kuuži	kuuži	kuuži	kuuž	kuwzi	kuuzi	kuwzi	kuuzi	kuwzi	kuuzi	kuuz	kuuže	kuuz	kuuž	kuuž	kuž	kuž	kuž	kuž	шесть	

3.4. Рефлексы конечных *a/ä, u/y, i* в формах номинатива единственного числа имен

Важнейшие диалектные отличия демонстрируют рефлексы конечных *a/ä, u/y, i* форм номинатива единственного числа имен, на что обращается отдельное внимание в ряде работ по карельской диалектологии [Turunen 1950: 154—161; Virtaranta 1972: 19—21; Атлас 1997: к. 27 и др.]. Как наглядно показывают результаты настоящего исследования, в двусложных одноосновных именах с долгим первым слогом (таблица 5, примеры 1—13 (надежные ряды), 14—19, 29—30 (сомнительные ряды), рис. 6) в форме номинатива единственного числа в большей части ливвиковских говорах выступают гласные *и, у*, в говоре куста деревень Кондуши — *о, ö*. В людиковских говорах, как и в собственно карельском говоре куста деревень Держа, произошла утрата конечного гласного. Явление возводится феннистами к древневепсскому языку [Tunkelo 1946: 560—561; Turunen 1950: 154—164], что подтверждают вепские материалы таблицы 5. В людиковских Святозере и в Михайловском (один пример) на конце анализируемых форм представлен гласный *е*.

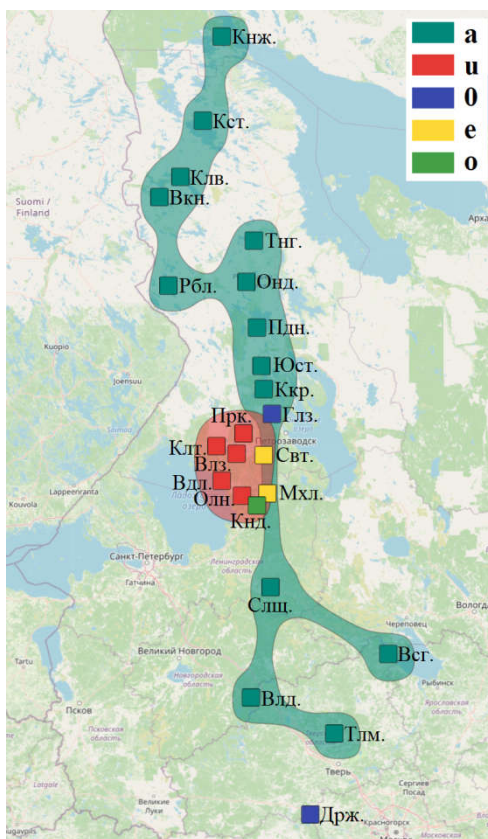

Рис. 6. Рефлексы прибалтийско-финских конечных **a, *ä* начальных форм двусложных имен с долгим первым слогом

Привлеченные к работе памятники карельской письменности показывают наличие аналогичной устоявшейся картины на момент массовых переселений карелов: в собственно карельских словарях XVII — начала XVIII в. праязыковые конечные гласные представлены в неизменном виде (*лэгна / Лэгна* ‘лещ’, *лэйна / лейбя* ‘хлеб’, *шола / Шола* ‘соль’), как и в «корельской» части словаря П. Палласа (*Корва* ‘ухо’, *Кулда* ‘золото’, *Лехмя* ‘корова’), тогда как в текстах карельско-вепских заговоров они не обнаружены (*мусть* ‘черный’, *сейн* ‘стена’, *кулд* ‘золото’), а в «олонецких» записях из словаря П. Палласа и в переводах молитв начала XIX в. использованы гласные *и, у* (*Корву* ‘ухо’, *Кулду* ‘золото’, *Лэгмю* ‘корова’; *вэлду* ‘власть’, *лэйбю* ‘хлеб’). В сравнении с этими достаточно древними процессами апокопа гласных в собственно карельском говоре куста деревень Держа — относительно молодое явление, на что указывает его отсутствие в речи старшего поколения носителей в середине XX в. [Palmeos 1966: 2—3; СКГ 2001: 6].

В двусложных одноосновных именах с кратким первым слогом явление затрагивает исключительно говор куста деревень Кондуши (примеры 20—28, 31—39), но непоследовательно, что свидетельствует об относительно позднем этапе его формирования. Кроме того, говору Кондуш свойственны переходы

i > *e* (примеры 40—53), *y* > *ö* (примеры 56—62), *u* > *o* (примеры 63—68). Согласно П. Виртаранта, изначально представительство конечных гласных в кондушских говорах не отличалось от остальных ливвиковских диалектов, затем произошла утрата конечных гласных и их последующее восстановление другими гласными, по аналогии замена затронула и лексемы с кратким первым слогом [Virtaranta 1973: 269—272].

Следует добавить, что изменениям в диалектах карельского языка подвержены конечные гласные *a*, *ä* трехсложных и многосложных имен, а также словоизменительных и словообразовательных аффиксов [Virtaranta 1972: 19—21; Атлас 1997: к. 28—30; Zaikov 2017: 16], что, однако, не нашло отражения в таблицах в силу специфики используемого материала и ограничения работы инструмента на обсчет первых двух слогов слова.

3.5. Гармония гласных

Гармония гласных, или «интервокальная ассимиляция» (по К. Виику) [Wiik 1989: 28], возводимая к прибалтийско-финскому языку-основе [Turunen 1959: 253; ОФУЯ 1975: 42—43], играет важную роль в процессе словоизменения и словообразования карельского языка. Тембровый (рядный) сингармонизм представлен в его диалектах довольно последовательно: одновременно в слове выступают гласные переднего или заднего ряда, гласные *i*, *e* нейтральны. Случаи отступления от закона гармонии гласных в исконной лексике или перехода слова из переднерядного в заднерядное инструмент «Анализ когнатов» обнаружил в людиковских Галлезере и в большей степени в Михайловском (таблица 6), что объясняется результатом влияния фонетической системы древневепского языка [Turunen 1950: 103, 122, 224] и подтверждается вепскими диалектными соответствиями из таблицы. В людиковском говоре с. Святозеро представлено сохранение сингармонизма. Следует обратить внимание, что в вепских говорах рефлексy прибалтийско-финской гармонии гласных встречаются довольно редко и главным образом в центральном ареале западных говоров средневепского диалекта [ЛАВЯ 2019: 50—53].

Таблица 6. Рефлексы гармонии гласных в говорах карельского и вепского языков

№	Киж.	Кст.	Клв.	Вкн.	Тнг.	Рол.	Онд.	Пдн.	Юст.	Крр.	Слц.	Влд.	Вет.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кек.	Ошт.	Озр.	Влх.	Сдр.	Перевод	
	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	
1	tütär	tütär	tütär	tütär	t'ütär	tütär	t'üt'är	tütär	t'ütär	t'ütär	t'üt'är	t'üt'är	t'üt'är	t'üt'är	t'üt'är	tütär	tütär	tütär	tütär	tütär	tütär	t'üt'är	tütär	tütär	t'üt'är	t'üt'är	t'üt'är	t'üt'är	t'üt'är	t'üt'är	дочь	
2	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	vähä	малочисленный	
3	käpälä	käpälä	käpälä	käpälä	käbälä		käbälä	käbälä	käbälä	käbälä	käbälä	käbälä	käbälä	käbälä		käbäl	käbäl	käbäl	käbäl	käbäl	käbäl	käbäl	käbäl	käbäl	käbäl	käbäl	käbäl	käbäl	käbäl	лапа		
4	šilmät	šilmät	šilmät	šilmät	šilmät	šilmät			šilmät	šilmät		šilmät		šilmät		šilmät	šilmät	šilmät	šilmät	šilmät	šilmät		šilmät	šilmät	šilmät					лицо		
5	hätä	hätä	hätä	hätä	hädä	hädä	hädä	häd'ä	hädä		häd'ä	hädä		häd'ä	hädä	hädä	hädä	hädä	hädä	hädä				hädä						беда		
	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	
6	ikä	ikä	ikä	ikä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	igä	iga	igä	iga	iga	iga	iga	iga	iga	возраст	
7	terä	terä	terä	terä	t'erä	terä	t'erä	t'erä	terä	t'erä	tefä	t'erä	t'erä	t'erä	t'erä	terä	terä	terä	terä	terä	terä	terä	t'era	terä	t'era	t'era	t'era	t'era	t'era	t'era	острие	
8	isäntä	isäntä	isäntä	isäntä	izändä	izändä	izändä	izänd'ä	izändä	izändä	izänd'ä	izändä	izänd'ä	izänd'ä	izändi	izändü	izändü	izändü	izändü	izändü	izändü	izändö	izänd	izände	izänd	izänd	izänd	izänd	izänd	izänd	изяин	
	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	
9	kerätä	kerätä	kerätä	kerätä	kerät'ä	kerätä	kerätä	kerätä	kerätä	kerätä	kerätä	kerätä	kerätä	kerätä	kefät'ä	kerätä	kerätä	kerätä	kerätä	kerätä	kerätä	kerätä	kerätä	kerätä	kerata	kerata	kerata	kerata	kerata	kerata	собирать	
10	emäntä	emäntä	emäntä	emäntä	emändä	emändä	emändä	emändä	emändä	emändä	emändä	emänd'ä	emänd'ä	emändi	emändü	emändü	emändü	emändü	emändü	emändü	emändö	emänd	emände	emag	emag	emag	emag	emag	emag	emag	хозяйка	
11	teräväh	teräväh			terväh		t'eräväh	t'erväh	terväh	terväh	t'erväh		t'erväh		terväh	terväh	terväh	terväh	terväh	terväh		t'erväh	terväh	t'eravast	teravast	teravast	teravast	teravast	teravast	быстро		
	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	[ä]	
12	kerä	kerä	kerä	kerä	keräne	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	kerä	клубок		
13						vierrä	vierrä	vierrä	vierrä	vierrä						viertä	viertä	viertä	viertä	viertä	viertä	viertä	viertä	viertä / vierda	verda	verda	verda	verda	verda	verda	ложиться	
14																							viätä	viätä	väta	väta	väta	väta	väta	väta	играть, забавляться, развлекаться	
15	šeiväš	šeiväš	šeiväš	šeiväš	šeiväš	šeiväš	seibäš	seiväš	šeibäš	seibäš	šeiväš	šeiväš	šeibäš	šeiväš	šeiväš	seiväs	seiväs	seiväs	seiväs	seiväs	seiväs	šeiväš	šeibäz	seibäs	šeiväš	siibaz	siibaz	siibaz		seibaz	seibaz	кол
16	männä	männä	männä	männä	männä	männä	männä	männä	männä	männä	männä			männä		mennä	mennä	mennä	mennä	mennä	mennä		mändä	mändä	mändä	mändä	mändä	mändä	mändä	уходить, идти		
17										künäbrüs												künäbrüs	künäbrüs	künäbrüs	k'ünambrus	künabruz	künabrus	künabras	künabras		локоть	

4. Заключение

Применение инструмента «Анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок к карельским и вепским диалектным материалам [СОСД 2007] предоставило ряд соответствий в области вокализма как между анализируемыми языками, так и между говорами карельского языка. К первым стоит отнести наличие в карельских говорах, в отличие от вепских, долгих гласных и расширяющихся дифтонгов. Из диалектно-дифференцирующих явлений карельского языка программа определила особенности систем расширяющихся и сужающихся дифтонгов, долгих гласных и конечных гласных начальных форм имен. В людиковских диалектных материалах проявились случаи отсутствия рядного сингармонизма. Все обнаруженные ряды соответствий, подкрепленные большим числом примеров, подтверждают выводы российских и финских кареловедов относительно основных диалектных различий карельского языка [Беляков 1949; Turunen 1950; Virtaranta 1972; 1973; Зайков 1987]. На карты [Атлас 1997] вынесены далеко не все из них — например, отсутствуют карты, демонстрирующие ареалы расширения дифтонгов *uo*, *yö*, *ie* ударного слога, сужения дифтонгов на *и*, *у* и долгих гласных *ии*, *уу*, а также отсутствия гармонии гласных. Предоставляемые программой таблицы не просто позволяют отследить диалектные различия, но и подразделить их на подгруппы в соответствии с позицией в слове и в зависимости от непосредственного фонетического окружения. Инструмент «Поиск и построение карт» выводит членов выявленных междиалектных соответствий на карты, что дает возможность проанализировать ареалы их распространения и, таким образом, заполнить существующие лакуны.

Сопоставление карельских диалектных материалов с вепскими подтверждает выводы языковедов относительно важной роли вепского субстрата в формировании южных наречий карельского языка, особенно людиковского (см. [Itkonen 1971: 179, 182; Virtaranta 1972: 26—27; Zaikov 2017: 23, 25]). В плане вокализма вепские и людиковские говоры объединяют отсутствие дифтонгов в заударной позиции и случаи отступления от закона гармонии гласных.

В таблице 7 представлена сводная картина распределения междиалектных соответствий, на основе которой все говоры попарно сравниваются, производится подсчет числа переходов (отличий) между ними (таблица 8): одно отличие соответствует одному переходу, биение обчисляется как 0,5 единицы.

Таблица 7. Распределения основных междиалектных соответствий в области вокализма¹¹

	Кнж.	Кст.	Клв.	Вкн.	Тнг.	Рбл.	Онл.	Плн.	Юст.	Ккр.	Слш.	Влд.	Вег.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кок.	Ошт.	Озр.	Влх.	Сдр.	
*uo, *yö, *iä	UO, ie	UO, ie	UO, ie	UO, ie	UO, ie	UO, ie	UO, ie	UO, ie	UO, ie	UO, ie	UO, ie	UO, ie	UO, ie	UO, ie	UO/U A, ie/ia	UO, ie	UO, ie	UO, ie	UO, ie	UO/U A, ie/ia	UO, ie	UO, ie	UO, ie	UO, ie	O, e	O, e	O, e	O, e	O, e	O, e	
*aa	ua	ua	ua	ua	ua	ua	aa	oo/oa/ua	ua	ua	ua	oa	ja	ua	ua	ua	aa	oa	aa	ua	ja	ua	ua	ua	a	a	a	a	a	a	
*ää	iä	iä	iä	iä	iä	iä	iä	iä	iä	iä	iä/ie	øä	iä	iä	iä	iä/ie	ee	eä	ää	iä	iä	iä	iä	iä	ä	ä	ä	ä	ä	ä	
*u-a, *u-o, *y-ä	UO	UO	UO	UO	UO	UA/UO	UA	UO/UA	UO/UA	UO/yä	UO/UA	UO	UO	UO/UA	UU	UA	UA/UO	UO/oa/yä	UA	UA/UO	uo/ia/yä	UdA/oda	UdA/oda	UdA/oda	ta	ta	ta	ta	ta	ta	
*e-a, *e-ä, *i-a, *i-ä	ie	ie	ie	ie	ie	iä/ie	iA	ie/iA	ie	ie	ie	ie	ie	ie	ii/iä	ie/IA	ie	ie	ie	iA/ie	ie/ia	ie/ia	ie/ia	edA/idA	edA/idA	edA/idA	ta	ta	ta	ta	ta
*i-a, *i-ä	ie	ie	ie	ie	ie	ie	iA	ie	ie	ie	ie	ie	ie	ie	ii	ei	ei	ei	ei	ei	ei	ei	ed	ei/ed	ed	ed	ed	ed	ed	ed	ed
*a-a	ua	ua	ua	ua	ua	ua	aa	ua/oo/oa	ua	ua	ua	oa/ua	ja	ua	uu	ua	aa	oa	aa	ua	ja	ada	ada	ada	ta	ta	ta	ta	ta	ta	
*ä-ä	yä	yä	yä	yä	yä	yä/iä	ää	ee/iä/ eä/yä	yä	yä	ie	øä	iä	iä	ii	iä/ie	ee	eä	ää	iä	iä	ada	ada	ada	ta	ta	ta	ta	ta	ta	
*ei	ei	ei	ei	ei	ei	ei	ei	ei	ei	ei	ei/ee	ei	ei	ei	ei	ei	ei	ei	ei	ei	ei	ei	ei	ei	ij	ij	ij	ij	ei	ei	
*au, *ou	au, ou	au, ou	au, ou	au, ou	au, ou	au, ou	au, ou	au, ou	au, ou	au, ou	aa, oo	au, ou	au, ou	au, ou	au, ou	au, ou	au, ou	au, ou	au, ou	au, ou	au, ou	au, ou	au, ou	au, ou	ou	ou	ou/uy/ou	ou/uy/ou	ou/au	aa, oo	
*Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vl	Vu	Vu	Vu	Vu	Vu	Vu	VV		
*ai	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	ai	ai	aa	ei	ai	ei	ei	ai	aa	
*ai	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a/ai	a	a	a	a	a	ai	a	ai	ai	ai	ai	ai	ai	a/aa	ei	ai	ei	ei	ai	a/aa	
*oi	V	V	V	V	V	V	V	V	V/Vi	V/Vi	V	V	V	V	V	Vi	Vi	Vi	Vi	Vi	Vi	V/Vi	uoi/oi	uoi	uo/ui	V	V	V	V	V	
*ii, *uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii/ij, uu	ii, uu	ij/ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ii, uu	ij/i, u/uy	ij/i u/uy	i, u	i, u	i, u	i, u
*a, *ä	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A	0	U	U	U	U	U	o	0	e	e	0	0	0	0	0	0	
*i, *u, *y	V	V	V	V	V	V	V	V	V	V	V	V	V	V	V	V	V	V	V	V	V/e,O	V	V	V	V	V	V	V	V	V	
*ä/ö/y-ä	ä	ä	ä	ä	ä	ä	ä	ä	ä	ä	ä	ä	ä	ä	ä	ä	ä	ä	ä	ä	ä	ä/a	ä	a/ä	a/ä	a/ä	a/ä	a/ä	a/ä	a/ä	
*ai (сомнит.)	ai	ai	ai	ai	ai	ai	ai	ai	ai	ai	ai	ai	ai	ai	ai	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	a	

¹¹ V — гласный, U — u, y, O — o, ö, A — a, ä.

Таблица 8. Матрица соответствий по вокализму¹²

Рбл.	Онд.	Пдн.	Юост.	Ккр.	Слщ.	Влд.	Всг.	Тлм.	Држ.	Прк.	Клт.	Влз.	Вдл.	Олн.	Кнд.	Глз.	Свт.	Мхл.	Шлт.	Кск.	Ошт., Озр.	Влх.	Сдр.	
1,5	6	2,5	1	1,5	3,5	3,5	3	2	6,5	7,5/8,5	7,5/8,5	8,5/9,5	9,5/10,5	6,5/7,5	8,5/9,5	9,5/10,5	9/10	10/11	15/16	15/16	15/16	13,5/14,5	14/15	Кнж.—Тнг.
	5	1,5	1,5	2	3,5	4,5	3,5	1,5	6	6,5/7,5	7/8	9/10	8,5/9,5	5/6	7,5/8,5	9,5/10,5	9/10	10/11	15/16	15/16	15/16	13,5/14,5	14/15	Рбл.
		5	6	6,5	7,5	7	6	6	7	8,5/9,5	6,5/7,5	9,5/10,5	5,5/6,5	8,5/9,5	8,5/9,5	10,5/11,5	10/11	11/12	15/16	15/16	15/16	13,5/14,5	14/15	Онд.
			2,5	3	4,5	4	3,5	2,5	6,5	7/8	7/8	7,5/8,5	8,5/9,5	6/7	7,5/8,5	10/11	9,5/10,5	10,5/11,5	15/16	15/16	15/16	13,5/14,5	14/15	Пдн.
				0,5	3,5	4,5	4	2	7	6,5/7,5	6,5/7,5	8/9	8,5/9,5	5,5/6,5	8,5/9,5	9/10	9/10	10/11	15,5/16,5	15,5/16,5	15,5/16,5	14/15	14,5/15,5	Юост.
					4	5	4,5	2,5	7,5	6/7	7/8	7,5/8,5	8/9	5/6	8/9	8,5/9,5	8,5/9,5	10/11	15,5/16,5	15/16	15,5/16,5	13,5/14,5	14,5/15,5	Ккр.
						5,5	5,5	3,5	8,5	7,5/8,5	8,5/9,5	10/11	10,5/11,5	8/9	10,5/11,5	11,5/12,5	11/12	12/13	15,5/16,5	15,5/16,5	15,5/16,5	15/16	13,5/14,5	Слщ.
							4	4,5	8,5	9,5/10,5	7,5/8,5	7/8	9,5/10,5	9/10	9,5/10,5	11,5/12,5	11/12	12/13	15/16	15/16	15/16	13,5/14,5	14/15	Влд.
								3	7,5	9/10	7,5/8,5	8,5/9,5	9,5/10,5	7,5/8,5	5,5/6,5	10,5/11,5	10/11	11/12	15/16	15/16	15/16	13,5/14,5	14/15	Всг.
									7	6/7	7,5/8,5	9/10	9,5/10,5	5,5/6,5	7,5/8,5	10/11	9,5/10,5	10,5/11,5	14,5/15,5	14,5/15,5	15/16	13,5/14,5	14/15	Тлм.
										9/10	9,5/10,5	10,5/11,5	10/11	7,5/8,5	9,5/10,5	9/10	9,5/10,5	10,5/11,5	14/15	14/15	14,5/15,5	12,5/13,5	13/14	Држ.
											6,5	5,5	4,5	2,5	6	9	8,5	11,5	15,5	14,5	16	13,5	15,5	Прк.
												5,5	4	6	8,5	11	10,5	12	16	16	16	14,5	15	Клт.
													5	5,5	7,5	10	9,5	12,5	16	16	16	13,5	15,5	Влз.
														5	7	10	9,5	12,5	16	16	16	13,5	15,5	Вдл.
															5,5	8,5	8	11	16	16	16	13,5	15,5	Олн.
																10	9,5	12,5	15,5	14,5	15,5	13	15	Кнд.
																	2,5	5	9,5	7,5	9,5	6	9	Глз.
																		5	11,5	9,5	11,5	8	11	Свт.
																			9,5	9,5	9,5	8	8	Мхл.
																				2	1	4	5,5	Шлт.
																					3	2	5,5	Кск.
																						3,5	5	Ошт., Озр.
																							4	Влх.

¹² Через знак «/» даны результаты подсчета с учетом сомнительного ряда. Градация заливки от белого к черному цвету совпадает с ростом количества переходов и меняется через пять единиц.

На основе итоговых таблицы и матрицы можно говорить о четырех группах, на которые разбились анализируемые говоры по особенностям вокалических систем. Они совпали с делением языка на наречия:

1) собственно карельские говоры (без Держи и Ондозера), для которых в целом характерно сохранение гармонии гласных, древнекарельских одиночных гласных и расширяющихся дифтонгов на конце начальных форм имен, расширяющихся и сужающихся дифтонгов, а также долгих гласных ударного слога, при утрате сужающимися дифтонгами на *i* второго компонента в заударной позиции. В данной группе отчетливо выделяются две подгруппы: отличающаяся своим единством северная (с. Княжая, п. Кестеньга, пгт Калевала, д. Вокнаволок, д. Тунгуда) и южная (с. Реболы, с. Паданы, д. Юстозеро, д. Койкары, д. Селище, г. Валдай, г. Вельегонск, с. Толмачи), с отличиями внутри подгруппы;

2) ливвиковские говоры (без Кондуш и Ведлозера), которые обнаруживают уже большее число отличий внутри группы в сравнении с предыдущей, что главным образом демонстрируют рефлекс праязыковых **aa*, **ää*, **a-a*, **ä-ä*. Для группы в целом характерно сохранение гармонии гласных, изменение качества конечных гласных начальных форм имен на *a*, *ä* с долгим первым слогом, использование сужающихся дифтонгов на *i* на конце имен, сохранение дифтонгов на *i* в заударных позициях слова при утрате ими второго компонента перед сочетаниями *st*, *sk*;

3) людиковские говоры (без Михайловского), в которых представлена редукция конечных гласных *a*, *ä* начальных форм имен с долгим первым слогом, расширяющиеся дифтонги не употребляются далее ударного слога слова (как и в вепском языке), исторические долгие гласные и сужающиеся дифтонги (кроме позиции перед сочетаниями *st*, *sk*) сохранены. В говоре д. Галлезеро проявляется тенденция к утрате тембрового сингармонизма;

4) группа вепских говоров, для которых характерно использование кратких гласных на месте прибалтийско-финских долгих, преимущественное сохранение сужающихся дифтонгов, редукция конечных гласных *a*, *ä* начальных форм имен, практически полная утрата гармонии гласных.

Не вошли ни в одну из групп пять говоров:

— говор п. Ондозеро, выделяющийся на фоне остальных южнокарельских говоров собственно карельского наречия наличием архаизмов (долгие гласные *aa*, *ää*, дифтонги *ia*, *iä*). Согласно подсчетам, говор п. Ондозеро наиболее близок к соседним говорам с. Паданы и с. Реболы;

— говор куста деревень Держа, отличающийся наличием большого числа инновационных черт. По вокализму говор оказался ближе всего к южнокарельскому говору собственно карельского наречия с. Реболы;

— говор с. Ведлозеро, выделяющийся из остальных ливвиковских говоров рефлексамии прибалтийско-финских долгих гласных. Говор наиболее близок к соседнему ливвиковскому говору с. Видлица;

— говор куста деревень Кондуши, отличающийся от остальных ливвиковских говоров особенностями конечной огласовки имен, а также использованием расширяющегося дифтонга *ja*. Самым близким к Кондушам оказался соседний ливвиковский говор г. Олонец, а также собственно карельский говор г. Вельегонск (по надежным рядам);

— говор с. Михайловское, обнаруживающий значительное число инновационных черт, объясняемых результатами позднего влияния со стороны соседних вепских говоров. Ближе всего к Михайловскому по вокализму оказались, однако, остальные людиковские говоры (д. Галлезеро и с. Святозеро), а не вепские.

По результатам проведенного исследования следует констатировать относительную близость собственно карельской и ливвиковской вокалических систем с одной стороны (5—11,5), а также людиковской и вепской с другой (6—11,5), что опять же указывает на значительную роль древневепского языка в формировании людиковского наречия. Далее примерно одинаково по цифрам представлено число отличий между ливвиковскими и людиковскими (8,5—11), а также собственно карельскими и людиковскими говорами (8,5—12,5). Максимально отделенными друг от друга по вокализму оказались ливвиковские и вепские (13—16), а также собственно карельские и вепские (13,5—16,5) говоры.

Сравнение полученных картин распределения междиалектных соответствий с картами [Атлас 1997] (не по всем из проанализированных позиций они есть) в целом обнаруживает их совпадение. Некоторые единичные отличия продемонстрировали говоры с. Реболы и д. Проккойла. Прояснить ситуацию по ним поможет привлечение рабочих программ атласа, в которых представлен гораздо более обширный материал, чем в его итоговой версии. А вот собственно карельский говор д. Койкары обнаружил несовпадение сразу по нескольким позициям. Это может являться свидетельством того, что за прошедший между сбором материалов для атласа и словаря период (более 40 лет) этот говор, находящийся практически на границе между тремя наречиями карельского языка, мог претерпеть серьезные изменения. Очевидно, именно результатом существенного влияния со стороны соседних севернолудиковских говоров объясняется отнесение Койкар в [СОСД 2007] к людиковскому, а не собственно карельскому наречию. Все же, как показали результаты настоящего исследования, вокалическая система говора не дает на то никаких оснований.

Выявленные в ходе исследования междиалектные соответствия в области вокализма в дальнейшем будут проанализированы с использованием методики кластеризации на значительно большем количестве говоров на основе определенных в настоящей работе позиций и условий их функционирования. Планируется также изучить поведение гласных в словоизменительных формах, которые остались за рамками анализа в силу специфики словарного материала источника. Аналогичным образом предстоит определить основные диалектные различия карельской речи в области консонантизма. Сопоставление полученных результатов позволит уточнить изоглоссы диалектно-дифференцирующих явлений, определить их природу и тем самым вплотную подойти к решению актуальных проблем карельской диалектологии.

Сокращения

Говоры карельского и вепсского языков

Вдл. — с. Видлица	Мхл. — с. Михайловское
Вкн. — д. Вокнаволоок	Озр. — с. Озера
Влз. — с. Ведлозеро	Олн. — г. Олонец
Влд. — г. Валдай	Онд. — п. Ондозеро
Влх. — куст деревень Войлахта	Ошт. — с. Ошта
Всг. — г. Весьегонск	Пдн. — с. Паданы
Глз. — д. Галлезеро	Прк. — д. Проккойла
Држ. — куст деревень Держа	Рбл. — с. Реболы
Ккр. — д. Койкары	Свт. — с. Святозеро
Клв. — пгт Калевала	Сдр. — д. Сидорово
Клт. — с. Колатсельга	Слщ. — д. Селище
Кнж. — с. Княжая	Тлм. — с. Толмачи
Кнд. — куст деревень Кондуши	Тнг. — д. Тунгуда
Кск. — д. Каскесручей	Шлт. — с. Шелтозеро
Кст. — п. Кестеньга	Юост. — д. Юостозеро

Литература

- Атлас 1997 — Д. В. Бубрих, А. А. Беляков, А. В. Пунжина. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки: SUS, 1997.
- Баранцев 1985 — А. П. Баранцев. Людиковский диалект карельского языка // Научный архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. № 164. Петрозаводск, 1985.
- Беляков 1949 — А. А. Беляков. Фонетика карельского диалекта с. Толмачи Калининской обл. // Советское финно-угроведение. Петрозаводск, 1949. С. 67—98.
- Бромлей 2010 — С. В. Бромлей. Проблемы диалектологии, лингвогеографии и истории русского языка. М.: Азбуковник, 2010.
- ВепКар — Открытый корпус вепсского и карельского языков // <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru>
- ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986; Вып. II. Морфология. М., 1989; Вып. III. Ч. 1. Лексика. М., 1997; Ч. 2. Синтаксис и лексика. М., 2004. URL: <https://da.ruslang.ru/>
- Зайков 1987 — П. М. Зайков. Диалектология карельского языка. Петрозаводск: ПетрГУ, 1987.
- Зайков 2000 — П. М. Зайков. Глагол в карельском языке. Петрозаводск: Периодика, 2000.
- Зайцева 2016 — Н. Г. Зайцева. Очерки вепсской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск: КарНЦ, 2016.
- ЛАВЯ 2019 — Лингвистический атлас вепсского языка. СПб.: Нестор-История, 2019.
- Новак 2022а — И. П. Новак. Проблемы диалектной классификации карельского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022, 2. С. 204—2013.
- Новак 2022б — И. П. Новак. Распределение переднеязычных щелевых согласных в говорах карельского языка Средней Карелии (на основе применения алгоритма «анализ когнатов» лингвистической платформы ЛингвоДок) // Урало-алтайские исследования. 2022, 2. С. 79—105.
- Новак и др. 2019 — И. Новак, М. Пеннтонен, А. Руусканен, Л. Сиштин. Карельский язык в грамматиках. Сравнительное исследование фонетической и морфологической систем. Петрозаводск: КарНЦ, 2019.

- Новак, Крижановская 2022 — *И. П. Новак, Н. Б. Крижановская*. Система восходящих дифтонгов в говорах карельского языка Карелии: сравнение методов кластеризации // Вестник угроведения. 2022, 3. С. 486—496.
- ОФУЯ 1975 — Основы финно-угорского языкознания: прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М.: Наука, 1975.
- Рягов 1977 — *В. Д. Рягов*. Тихвинский говор карельского языка. Л.: Наука, 1977.
- СКГ 2001 — Слушаю карельский говор. Петрозаводск: Периодика, 2001.
- СОСД 2007 — Сопоставительно-ономастологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков. Петрозаводск: КарНЦ, 2007.
- Чернякова 2001 — *И. А. Чернякова*. Сегозерье: от Средневековья к Новому времени // Деревня Юккогуба и её округа. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 2001. С. 39—60.
- Häkkinen 2007 — *K. Häkkinen*. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Helsinki: WSOY, 2007.
- Itkonen 1971 — *T. Itkonen*. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // Virittäjä. 1971, 75. S. 153—185.
- Kettunen 1940 — *L. Kettunen*. Suomen murteet. Murrekartasto. Helsinki: SKS, 1940 // <http://kettunen.fnhost.org/>
- KKN 1934 — *E. Leskinen*. Karjalan kielen näytteitä. II. Helsinki: SKS, 1934.
- Laanest 1981 — *A. Laanest*. Muinaiskarjalan fonologisia ja morfologisia piirteitä // Congressus Quartus internationalis Fenno-ugristarum. Budapest: Akademia kiado, 1981. S. 152—157.
- Leskinen 1933 — *E. Leskinen*. Tulemajärven murteen vokalismi. Helsinki: SKS, 1933.
- Leskinen 1998 — *H. Leskinen*. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta // Karjala: historia, kansa, kulttuuri. Helsinki: SKS, 1998. S. 352—382.
- Murreh — Диалектная база карельского языка Murreh // <http://murreh.krc.karelia.ru>
- Nirvi 1932 — *R. E. Nirvi*. Suistamon keskusmurteen vokalismi. Helsinki: SKS, 1932.
- Ojansuu 1918 — *H. Ojansuu*. Karjala-Aunuksen äännehistoria. Helsinki: SKS, 1918.
- Palmeos 1962 — *P. Palmeos*. Karjala valdai murrak. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia, 1962.
- Palmeos 1966 — *P. Palmeos*. Über den Vokalismus der Zubcover Mundart des Karelischen // Советское финно-угроведение. 1966, 1. S. 1—5.
- Rapola 1966 — *M. Rapola*. Suomen kielen äännehistorian luennot. Helsinki: SUS, 1966.
- Tunkelo 1946 — *E. A. Tunkelo*. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki: SKS, 1946.
- Turunen 1950 — *A. Turunen*. Lyydiläismurteiden äännehistoria II. Vokaalit. Helsinki: SUS, 1950.
- Turunen 1959 — *A. Turunen*. Itäisten savolaismurteiden äännehistoria. Helsinki: SKS, 1959.
- Virtaranta 1972 — *P. Virtaranta*. Die Dialekte des Karelischen // Советское финно-угроведение. 1972, 1. S. 7—27.
- Virtaranta 1973 — *P. Virtaranta*. Über den olonetzischen Konduši-Dialekt // Finnisch-ugrische Forschungen. 1973, 40. S. 259—277.
- VISK — Ison suomen kieliopin verkkoversio // <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php>.
- Wiik 1989 — *K. Wiik*. Vepsän vokaalisointu. Helsinki: SKS, 1989.
- Zaikov 2017 — *P. M. Zaikov*. Karjalan kielen murteet. Petrozavodsk: PetrSU, 2017.

References

- Atlas 1997 — *D. V. Bubrikh, A. A. Belyakov, A. V. Punzhina*. Dialektologicheskii atlas karel'skogo yazyka. Helsinki: SUS, 1997. {*D. V. Bubrikh, A. A. Belyakov, A. V. Punzhina*. Dialectological atlas of the Karelian language. Helsinki: SUS, 1997.}
- Barantsev 1985 — *A. P. Barantsev*. Lyudikovskii dialekt karel'skogo yazyka. In.: Nauchnyi arkhiv KarNTS RAN. F. 1. Op. 6. № 164. Petrozavodsk, 1985. {*A. P. Barantsev*. The folk dialect of the Karelian language. In.: Scientific archive of KarRC RAS. F. 1. I. 6. D. 164. Petrozavodsk, 1985.}
- Belyakov 1949 — *A. A. Belyakov*. Fonetika karel'skogo dialekta s. Tolmachi Kalininskoi obl. In.: Sovetskoe finno-ugrovedenie. Petrozavodsk, 1949. S. 67—98. {*A. A. Belyakov*. Phonetics of the Karelian dialect p. Tolmachi Kalinin region. In.: Soviet Finno-Ugric studies. Petrozavodsk, 1949. P. 67—98.}
- Bromlei 2010 — *S. V. Bromlei*. Problemy dialektologii, lingvogeografii i istorii russkogo yazyka. Moskva: Azbukovnik, 2010. {*S. V. Bromley*. Problems of dialectology, linguistic geography and history of the Russian language. Moscow: Azbukovnik, 2010.}
- Chernyakova 2001 — *I. A. Chernyakova*. Segozer'e: ot Srednevekov'ya k Novomu vremeni. In: Derevnja Yukkoguba i ee okruga. Petrozavodsk: PetRGU, 2001. S. 39—60. {*I. A. Chernyakova*. Segozero: from the Middle Ages to the New Age. In: Village of Yukkoguba and its environs. Petrozavodsk: PetrGU, 2001. P. 39—60.}

- DARYA — Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka: Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR. Moskva, 1986—2004. <https://da.ruslang.ru/> {Dialectological atlas of the Russian language: Center of the European part of the USSR. Moscow, 1986—2004. <https://da.ruslang.ru/>}
- Häkkinen 2007 — K. Häkkinen. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Helsinki: WSOY, 2007.
- Itkonen 1971 — T. Itkonen. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty. In: Virittäjä. 1971, 78. S. 153—185.
- Kettunen 1940 — L. Kettunen. Suomen murteet. Murrekartasto. Helsinki: SKS, 1940. <http://kettunen.fnhost.org/>
- KKN 1934 — E. Leskinen. Karjalan kielen näytteitä. II. Helsinki: SKS, 1934.
- Laanest 1981 — A. Laanest. Muinaiskarjalan fonologisia ja morfologisia piirteitä. In.: Congressus Quartus internationalis Fenno-ugratarum. Budapest: Akademia kiado, 1981. S. 152—157.
- LAVYA 2019 — Lingvisticheskii atlas vepsskogo yazyka. Sankt Peterburg: Nestor-Istoriya, 2019. {Linguistic atlas of the Vepsian language. St. Petersburg: Nestor-History, 2019.}
- Leskinen 1933 — E. Leskinen. Tulemajärven murteen vokalismi. Helsinki: SKS, 1933.
- Leskinen 1998 — H. Leskinen. Karjala ja karjalaiset kielentutkimuksen näkökulmasta. In.: Karjala: historia, kansa, kulttuuri. Helsinki: SKS, 1998. S. 352—382.
- Murreh — Dialektная база карельского языка Murreh. <http://murreh.krc.karelia.ru/> {Dialect base of the Karelian language Murreh. <http://murreh.krc.karelia.ru/>}
- Nirvi 1932 — R. E. Nirvi. Suistamon keskusmurteen vokalismi. Helsinki: SKS, 1932.
- Novak 2022a — I. P. Novak. Problemy dialektnoi klassifikatsii karel'skogo yazyka. In.: Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy. 2022, 2. S. 204—2013. {I. P. Novak. Problems of dialect classification of the Karelian language. In.: Yearbook of Finno-Ugric studies. 2022, 2. P. 204—2013.}
- Novak 2022b — I. P. Novak. Raspredelenie peredneyazychnykh shchelevykh soglasnykh v govorakh karel'skogo yazyka Srednei Karelii (na osnove primeneniya algoritma “analiz kognatov” lingvisticheskoi platformy LingvoDok). In: Uralo-altaiskie issledovaniya. 2022, 2. S. 79—105. {Distribution of front fricative consonants in Karelian sub-dialects of Middle Karelia (based on application of the Cognate analysis algorithm of Lingvodoc linguistic platform). In.: Ural-Altai Studies. 2022, 2. P. 79—105.}
- Novak i dr. 2019 — I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. Karel'skii yazyk v grammatikakh. Sravnitel'noe issledovanie foneticheskoi i morfologicheskoi sistem. Petrozavodsk: KarNTS, 2019. {I. Novak, M. Penttonen, A. Ruuskanen, L. Siilin. Karelian in grammars. A study of phonetic and morphological variation. Petrozavodsk: KarRC, 2019.}
- Novak, Krizhanovskaya 2022 — I. P. Novak, N. B. Krizhanovskaya. Sistema voskhodyashchikh diftongov v govorakh karel'skogo yazyka Karelii: sravnenie metodov klasterizatsii. In.: Vestnik ugrovedeniya. 2022, 3. S. 486—496. {I. P. Novak, N. B. Krizhanovskaya. The system of ascending diphthongs in dialects of the Karelian language: comparison of clustering methods. In.: Bulletin of Ugric Studies. 2022, 3. P. 486—496.}
- OFUYA 1975 — Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya: pribaltiisko-finskii, saamskii i mordovskii yazyki. Moskva: Nauka, 1975. {Fundamentals of Finno-Ugric linguistics: Baltic-Finnish, Sami and Mordovian languages. Moscow: Nauka, 1975.}
- Ojansuu 1918 — H. Ojansuu. Karjala-Aunuksen äännehistoria. Helsinki: SKS, 1918.
- Palmeos 1962 — P. Palmeos. Karjala valdai murrak. Tallinn: Eesti NSV Teaduste Akadeemia, 1962.
- Palmeos 1966 — P. Palmeos. Über den Vokalismus der Zubcover Mundart des Karelischen. In.: Sovetskoe finno-ugrovedenie. 1966, 1. S. 1—5.
- Rapola 1966 — M. Rapola. Suomen kielen äännehistorian luennot. Helsinki: SUS, 1966.
- Ryagoev 1977 — V. D. Ryagoev. Tikhvinskii govor karel'skogo yazyka. Leningrad: Nauka, 1977. {V. D. Ryagoev. Tikhvin dialect of the Karelian language. Leningrad: Nauka, 1977.}
- SKG 2001 — Slushayu karel'skii govor. Petrozavodsk: Periodika, 2001. {Listening to the Karelian dialect. Petrozavodsk: Periodika, 2001.}
- SOSD 2007 — Sopostavitel'no-onomasiologicheskii slovar' dialektov karel'skogo, vepsskogo, saamskogo yazykov. Petrozavodsk: KarNTS, 2007. {Comparative and onomasiological dictionary of dialects of the Karelian, Vepsian, Sami languages. Petrozavodsk: KarRC, 2007.}
- Tunkelo 1946 — E. A. Tunkelo. Vepsän kielen äännehistoria. Helsinki: SKS, 1946.
- Turunen 1950 — A. Turunen. Lyydiläismurteiden äännehistoria II. Vokaalit. Helsinki: SUS, 1950.
- Turunen 1959 — A. Turunen. Itäisten savolaismurteiden äännehistoria. Helsinki: SKS, 1959.
- VepKar — Otkrytyi korpus vepsskogo i karel'skogo yazykov. <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru> {Open corpus of Vepsian and Karelian languages. <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru>}
- Virtaranta 1972 — P. Virtaranta. Die Dialekte des Karelischen. In.: Sovetskoe finno-ugrovedenie. 1972, 1. S. 7—27.
- Virtaranta 1973 — P. Virtaranta. Über den olonetzischen Konduši-Dialekt. In.: Finnisch-ugrische Forschungen. 1973, 40. S. 259—277.
- VISK — Ison suomen kieliopin verkkoversio. <http://scripta.kotus.fi/visk/etusivu.php>.

Wiik 1989 — K. Wiik. Vepsän vokaalisointu. Helsinki: SKS, 1989.

Zaikov 1987 — P. M. Zaikov. Dialektologiya karel'skogo yazyka. Petrozavodsk: PetrGU, 1987. {P. M. Zaikov. Dialectology of the Karelian language. Petrozavodsk: PetrSU, 1987.}

Zaikov 2000 — P. M. Zaikov. Glagol v karel'skom yazyke. Petrozavodsk: Periodika, 2000. {P. M. Zaikov. Verb in Karelian language. Petrozavodsk: Periodika, 2000.}

Zaikov 2017 — P. M. Zaikov. Karjalan kielen murteet. Petrozavodsk: PetrSU, 2017.

Zaitseva 2016 — N. G. Zaitseva. Ocherki vepsskoi dialektologii (lingvogeograficheskii aspekt). Petrozavodsk: KarNTS, 2016. {N. G. Zaitseva. Essays on Vepsian dialectology (linguistic and geographical aspect). Petrozavodsk: KarRC, 2016.}

**Шкалы, меры, конечные точки:
наблюдения о композициональной природе предельности
На материале карачаево-балкарского языка**

Татевосов Сергей Георгиевич,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; tatevosov@gmail.com

В этой статье предлагается объяснение акциональных интерпретаций, возникающих при соединении глаголов постепенного достижения и глаголов способа перемещения с дескрипциями меры ('сто метров' в 'пробежать сто метров'; 'на десять градусов' в 'нагреть на десять градусов') и конечной точки ('в школу' в 'прибежать в школу'; 'до девяноста градусов' в 'нагреть до девяноста градусов'). Мы предполагаем, что оба класса глаголов обозначают функции, измеряющие степень изменения параметрического свойства. Для таких функций есть два пути деривации. При первом степень изменения становится аргументом функции; это путь к обязательной предельности. Так создаются предикаты с дескрипциями меры во всех известных языках. Тем же способом интерпретируются дескрипции конечной точки в английском и аналогичных языках. Имеется, однако, класс языков, в который, в частности, входит карачаево-балкарский, где используется другой путь деривации. В этом случае дескрипции конечной точки задают максимальную степень на шкале, привязанной к измеряющей функции. Шкала оказывается закрыта с двух сторон, что делает доступными два стандарта сравнения — минимальный и максимальный. Первый создает предикат с неопредельной, второй — с предельной интерпретацией. Это объясняет вариативную предельность таких предикатов.

Ключевые слова: скалярная структура, акциональность, предельность, глаголы постепенного достижения, глаголы способа перемещения, дескрипции меры, дескрипции конечной точки, карачаево-балкарский язык

**SCALES, MEASURES, AND ENDPOINTS:
A FEW OBSERVATIONS ON THE CALCULATION OF TELICITY
Evidence from Karachay-Balkar**

Sergei G. Tatevosov,
Lomonosov Moscow State University; tatevosov@gmail.com

This article examines the range of interpretations of degree achievements and manner of motions verbs in combination with measure expressions ('one hundred meters' in 'run one hundred meters'; 'ten degrees' in 'heat by ten degrees') and endpoint expressions ('to the school' in 'run to the school'; 'to ninety degrees' in 'heat to ninety degrees'). There are two typologically attested interpretational options. One is realized in English and similar languages: both types of predicates show obligatory telicity with both types of expressions. The other option is: obligatory telicity only obtains with measure expressions, whereas endpoint expressions yield variable telicity. This latter pattern is found in Karachay-Balkar, a Turkic language spoken in the Caucasus.

The article offers an analysis which treats both degree achievements and manner of motion verbs as denoting measure of change functions. I argue that there are two derivations in which such verbs can participate. The first derivation creates a function that takes a degree of change as an argument. This is a path to obligatory telicity. This is how predicates with measure expressions are derived in both languages; endpoint expressions in English are interpreted in a similar way. In Karachay-Balkar, however, a different derivation is available for endpoint expressions: they provide the maximal degree on a scale associated with a measure of change function. The scale ends up being totally closed, which makes available both minimum and maximum standards of comparison [Kennedy, Levin 2008]. The former creates an atelic, the latter a telic predicate; the variable telicity is thus accounted for.

Keywords: scalar structure, actionality, telicity, degree achievements, manner of motion verbs, measure expressions, endpoint expressions, Karachay-Balkar

1. Проблема*

1.1. Триггеры предельности

Цель этой статьи — описать несколько наблюдений о межъязыковом варьировании в области **композиции предельности** глагольного предиката и сформулировать минимальный набор объясняющих его теоретических допущений. Интересующие нас предикаты создаются при соединении глаголов постепенного достижения (например, ‘нагреть’) и глаголов способа перемещения (например, ‘бежать’) с дескрипциями меры (например, ‘сто метров’ в ‘пробежать сто метров’) и конечной точки (например, ‘в школу’ в ‘прибежать в школу’). Материалом для обобщений выступают данные малкарского диалекта карачаево-балкарского языка¹, который демонстрирует паттерн, существенно отличный от описанного в литературе.

Предмет последующего изложения — явление, получившее известность благодаря языкам типа английского. Оно состоит в том, что предельность глагольного предиката, создаваемого глаголами, которые описывают способ перемещения в пространстве (например, *walk* ‘идти ногами, гулять’ или *swim* ‘плыть, плавать’), определяется наличием выражения, описывающего **конечную точку перемещения** или **длину пути**. Это иллюстрируется примерами типа (1)—(2):

(1) **Предельность через указание на конечную точку пути**

Mary walked to the park in an hour / *for an hour.
‘Маша пришла в парк за час / *час’.

(2) **Предельность через указание на длину пути**

Mary walked two kilometers in an hour / *for an hour.
‘Маша прошла два километра за час / *час’.

Оба предложения в (1)—(2) предельны: это показывает сочетаемость с обстоятельствами длительности *in an hour* ‘за час’, но не с обстоятельствами *for an hour* ‘час’. За предельность несут ответственность предложная группа *to the park* ‘в парк’ и выражение *two kilometers* ‘два километра’. В их отсутствие предложение с *walk* ‘идти ногами, гулять’ непредельно:

(3) Mary walked for an hour / *in an hour.

‘Маша (по)гуляла час / *за час’.

Далее выражения типа *to the park* ‘в парк’ и *two kilometers* ‘два километра’ называются соответственно **дескрипцией конечной точки** и **дескрипцией меры**.

Аналогичный паттерн возникает у так называемых глаголов постепенного достижения (*degree achievements*; термин был впервые использован, насколько нам известно, в [Dowty 1979]), которые описывают градуальное изменение параметрического свойства. Предельность становится неизбежной при эксплицитном указании на конечную точку или степень изменения, как в (4)—(5):

* Изложенное в этой статье — один из результатов полевых исследований малкарского диалекта карачаево-балкарского языка, которые проводятся на отделении теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Описание методов сбора и обработки языкового материала, практикуемых всеми участниками таких исследований, в том числе критериев полноты данных, возможных способов их верификации, подходов к составлению анкет и т. д., приводится в [Кибрик 1972].

Автор безмерно признателен информантам-переводчикам, которые работали с экспедициями 2019 и 2021 гг., — жителям с. Верхняя Балкария А. А. Атабиеву, И. А. Атабиеву, А. С. Газаевой, А. А. Ногеровой, М. А. Ногеровой, А. М. Ульбашеву за помощь в сборе данных для этой статьи, за дружбу и воодушевление. Работа никогда не была бы сделана без творческой и человеческой поддержки друзей и коллег по балкарской экспедиции ОТиПЛа — Т. И. Бондаренко, А. И. Груздевой, Е. В. Деликановой, А. В. Подобряева, Д. К. Привознова и многих других.

Автор хотел бы выразить благодарность анонимным рецензентам «Урало-алтайских исследований» за внимательное отношение к первому драфту статьи.

¹ Малкарский диалект известен в основном своими фонетическими особенностями, а именно реализацией некоторых сибилантов (см., в частности, [Акбаев 1999]). На данные этого диалекта (идиом с. Верхняя Балкария) опирается исследование балкарского глагола, изложенное в [Лютикова и др. 2006]; настоящую статью можно рассматривать как его продолжение. Мы не имеем достаточных данных для ответа на вопрос о том, в какой степени эмпирические обобщения, сформулированные ниже, распространяются на другие идиомы карачаево-балкарского языка.

(4) **Предельность через указание на конечную точку изменения**

Mary heated the water to 90 °C in an hour / *for an hour.

‘Маша нагрела воду до 90 °C за час / *час’.

(5) **Предельность через указание на степень изменения**

Mary heated the water by 60 °C in an hour / *for an hour.

‘Маша нагрела воду на 60 °C за час / *час’.

М. Крифка [Krifka 1998], обсуждая параллелизм предложений типа (1)—(2) с глаголами способа перемещения и (4)—(5) с глаголами постепенного достижения, выдвигает гипотезу, согласно которой перемещение в пространстве и изменение параметрического свойства (такого, как температура) — явления одной природы:

(6) «Изменение качества структурно идентично движению в пространстве. Например, изменение температуры объекта можно рассматривать как перемещение в пространстве температуры. Если опираться на линейно упорядоченные структуры с путями (path structures) при моделировании температуры, предложения двух типов можно анализировать одинаково» [ibid.: 228—229].

«Структуры с путями», которые упоминаются в этой цитате, — разновидность множеств, упорядоченных отношением частичного порядка. Их формальное определение можно найти в [ibid.], где они используются для семантического анализа возможной траектории перемещения в различных типах пространств — в частности, в физическом пространстве в случае (1)—(2) и в температурном в (4)—(5).

В анализе М. Крифки выражения типа *to the park* ‘в парк’ и *to 90 °C* ‘до 90 °C’ получают идентичную интерпретацию — как обозначения конечной точки перемещения по пути. Выражения типа *two kilometers* ‘два километра’ и *by 60 °C* ‘на 60 °C’ измеряют «длину» пути: в одном случае его начальную и конечную точки разделяют два километра, в другом — 60 °C.

М. Крифка показывает, что оба типа выражений создают **квантованные событийные дескрипции**. Дескрипция квантована в следующем случае: если она описывает некоторый объект, она не описывает никакую собственную часть этого объекта. Например, существительное *стол* можно рассматривать как квантованную именную дескрипцию: если некоторый объект описывается как стол, то никакая его собственная часть (например, ножка или столешница) так не описывается.

Семантическое представление для событийных предикатов в предложениях (1) и (4), если принимать анализ в духе [Krifka 1998], выглядит так, как показано в (7a–b):

(7) a. $\parallel \text{Mary walked from } y_5 \text{ to the park} \parallel^{\text{e}} = \lambda e. \exists x [\text{WALK}(\text{Mary})(x)(e) \wedge \text{SOURCE}(x)(g(5))(e) \wedge \text{GOAL}(x)(\text{the.park})(e)]$

b. $\parallel \text{Mary heated the water from } z_4 \text{ to } 90 \text{ }^\circ\text{C} \parallel^{\text{e}} = \lambda e. \exists x [\text{HEAT}(\text{Mary})(\text{the.water})(x)(e) \wedge \text{SOURCE}(x)(g(4))(e) \wedge \text{GOAL}(x)(90 \text{ }^\circ\text{C})(e)]$

(7a) — это характеристическая функция множества таких событий e , что Маша преодолевает в них путь x ; в (7a) этому компоненту значения соответствует выражение $\text{WALK}(\text{Mary})(x)(e)$. Конечная точка пути x в событии e — парк (выражение $\text{GOAL}(x)(\text{the.park})(e)$). Начальная точка — контекстно заданная локализация (выражение $\text{SOURCE}(x)(g(5))(e)$)².

Предикат в (7a) квантован: никакая собственная часть события, в котором преодолевается путь от определенной начальной точки до парка, не является событием, в котором преодолевается путь от этой же точки до парка. Поскольку квантованные предикаты предельны, (7a) объясняет предельность предложений типа (1).

Это же рассуждение применимо к (7b), устроенному с точностью до индивидуальных и степенных констант так же, как (7a). Никакую часть пути, в котором вода преодолевает дистанцию между исходной контекстно заданной температурой и температурой 90 °C, нельзя описать так же, как целый путь. Следовательно, (7b) — квантованный событийный предикат, поэтому предложение (2) предельно.

Дескрипции меры также создают квантованный событийный предикат. Если анализировать их как **измеряющие функции**, которые применяются к событию и возвращают длину пути, пройденного в этом событии, предложениям (2) и (5) сопоставляются событийные предикаты в (8a–b).

² Контекстная заданность понимается в (7a–b) в соответствии со сложившейся в формально-семантической литературе практикой — как наличие в предложении фонологически невыраженной несвязанной переменной (y_5 и z_4), которая интерпретируется посредством оценки переменных g . Фонологически невыраженный материал предложения показан в (7a–b) и аналогичных примерах более бледным шрифтом. В порядке упрощения все аргументы в (7a–b) представлены как индивидуальные константы.

- (8) а. $\lambda e. \exists x [\text{WALK}(\text{Mary})(x)(e) \wedge \text{KM}'(e) = 2]$
 б. $\lambda e. \exists x [\text{HEAT}(\text{Mary})(\text{the. water})(x)(e) \wedge \text{CENTIGRADE}'(e) = 60]$
 где KM' и $\text{CENTIGRADE}'$ — экстенсивные измеряющие функции, определенные на событиях, значение которых — длина пути, пройденного в событии e .

Никакая собственная часть пути длиной два километра не является путем длиной в два километра. Соответственно, никакая собственная часть события, в котором пройдено 2 км, — не событие, в котором пройдено 2 км. Предикат в (8а), таким образом, квантован; аналогично для (8б)³.

Этих квазиформальных рассуждений достаточно для наших целей; за техническими подробностями мы отсылаем читателя к [Krifka 1998: 228—230]; см. также [Champollion 2017].

Итак, общая идея, которая стоит за анализом М. Крифки, состоит из двух частей. Во-первых, движение в физическом пространстве имеет ту же структуру и те же свойства, что и движение в других измерениях, отсюда параллелизм в поведении предикатов, описывающих способ перемещения, и предикатов постепенного достижения. Во-вторых, как только характеристики пути заданы с достаточной степенью жесткости, предикат становится квантованным, а следовательно предельным. Достаточная степень жесткости достигается по меньшей мере двумя способами — указанием на начальную и конечную точки или длину. Имея перед глазами эти наблюдения и английский материал в (1)—(2) и (4)—(5), далее мы обратимся к данным карачаево-балкарского языка.

1.2. Предельность в карачаево-балкарском языке

Как и в английском, в карачаево-балкарском языке глаголы постепенного достижения (*zilit* ‘нагревать’, *suwut* ‘остужать’, *uzun et* ‘удлинять’, *kej et* ‘расширять’ и т. п.) и глаголы способа перемещения в пространстве (*cap* ‘бежать’, *uc* ‘лететь, летать’, *züz* ‘плыть’, *zürü* ‘ездить, ходить’, *sürkel* ‘ползти, ползать’) образуют естественный класс⁴. Они одинаково взаимодействуют с дескрипциями меры и дескрипциями конечной точки.

Однако в отличие от английского языка, балкарские дескрипции меры и дескрипции конечной точки создают предикаты с разными акциональными свойствами.

В (9а–б) иллюстрируются предикаты с дескрипцией меры.

(9) Карачаево-балкарский язык: дескрипции меры

а. Глаголы постепенного достижения: обязательная предельность

*kerim suw-nu eki minut-xa / *eki minut on gradus-xa zilit-xan-di*⁵.

К. вода-ACC две минута-DAT две минута десять градус-DAT нагревать-PFCT-3SG

‘Керим нагрел воду на 10 градусов за две минуты / *две минуты’.

³ Существенный для рассуждения факт состоит в том, что KM' и $\text{CENTIGRADE}'$ — экстенсивные измеряющие функции. Экстенсивные функции отличает кумулятивность по отношению к измеряемым сущностям. Например, функция кг, применяемая к индивидам и возвращающая их массу в числах, экстенсивна: если индивид x имеет массу 2 кг, а индивид y — 3 кг, то оба они вместе, $x \oplus y$, — массу 5 кг. Функция °C, применяемая к индивидам и возвращающая их температуру, неэкстенсивна. Если температура воды в стакане x — 25 °C, а воды в кувшине y — 30 °C, нельзя сказать, что температура $x \oplus y$ — 55 °C. Функция $\text{CENTIGRADE}'$ в (8б), однако, измеряет не температуру, а **изменение** температуры в ходе события. Эта функция, в отличие от °C, экстенсивна. Если при осуществлении события e температура объекта x выросла на 5 °C, а в событии e' — еще на 10 °C (и между ними не произошло снижения температуры), то $e \oplus e'$ — это событие, где температура выросла на 15 °C. Следует обратить внимание, что если бы рассматриваемые функции не были экстенсивны, невозможно было бы обосновать ключевой элемент рассуждения о квантованности предикатов в (8а–б): если $e < e'$, то $\text{CENTIGRADE}'(e) \neq \text{CENTIGRADE}'(e')$; аналогично для KM' .

⁴ Как и в теоретической литературе по семантике глаголов этого класса, в настоящем исследовании использовались карачаево-балкарские лексические единицы, значение которых привязано к шкалам, имеющим конвенциональные единицы измерения, — таким как расстояние или температура.

⁵ Фонетическая запись материала «цокающего» малкарского диалекта (называемого также черекским) следует рекомендациям, изложенным в [Кодзасов 2002], которые в ряде случаев расходятся с орфографическими конвенциями, выработанными для литературного карачаево-балкарского языка. Например, орфография игнорирует (или считает несуществующими) оглушение в коде слога и ассимиляцию по глухости, которые отражены в текущей записи, ср. *capxandi* в (9б) и лит. *чабханды*, *gradusta* в (9а) и лит. *градусда* и т. п.

- b. Глаголы способа перемещения: обязательная предельность
*kerim züz meter eki minut-xa / *eki minut cap-xan-di*⁶.
 К. сто метр две минута-DAT две минута бежать-PFCT-3SG
 ‘Керим пробежал 100 метров за две минуты / *две минуты’.

Как показывают (9a–b), если степень изменения свойства или длина пути заданы дескрипцией меры, глагольный предикат должен интерпретироваться предельно. В этом отношении (9a–b) устроены так же, как английские примеры (2) и (5).

Однако появление в предложении дескрипции конечной точки оставляет доступной не только предельную интерпретацию, но и непредельную, причем для обоих типов предикатов:

(10) **Карачаево-балкарский язык: дескрипция конечной точки**

- a. Глаголы постепенного достижения: предельность или непредельность
kerim suw-nu eki minut-xa / eki minut altmiš gradus-xa deri zilit-xan-di.
 К. вода-ACC две минута-DAT две минута шестьдесят градус-DAT до нагревать-PFCT-3SG
 1. ‘Керим нагрел воду до 60 градусов за две минуты’.
 2. ‘Керим нагревал воду до 60 градусов две минуты, (но остановился, когда температура достигла 50 градусов)’.
- b. Глаголы способа перемещения: предельность или непредельность
kerim şgol-ka eki minut-xa / eki minut cap-xan-di.
 К. школа-DAT две минута-DAT две минута бежать-PFCT-3SG
 1. ‘Керим прибежал в школу за две минуты’.
 2. ‘Керим бежал в школу две минуты, (но затем передумал и отправился в кино)’.

При первом, предельном, прочтении предложения (10a.1) и (10b.1) сообщают о наступлении кульминации, когда вода достигает температуры 60 градусов, а бег завершается прибытием агенса в школу. Второе, непредельное, прочтение предполагает, что кульминация не наступила. В (10a.2) деятельность агенса нацелена на достижение того же результирующего состояния, что в (10a.1): ‘температура воды составляет 60 °C’. Деятельность, однако, прекращается до того, как вода входит в это состояние. Аналогично перемещение в школу в (10b.2) останавливается до того, как агент оказывается в состоянии ‘находиться в школе’. Английские аналоги этих предложений (1) и (4) непредельных прочтений не имеют.

Две интерпретации (10a–b) наиболее естественно передаются русскими переводами, в которых используются глаголы разных видов — совершенный для предельных предложений и несовершенный для непредельных. Следует подчеркнуть, однако, что в балкарском оригинале им соответствует одна и та же форма *zilit-xan-di* в (10a) и *cap-xan-di* в (10b). Эта форма перфективна. Убедиться в этом позволяет, в частности, интерпретация временного адъюнкта в (11):

- (11) *alim kil-gen-de kerim suw-nu eki minut altmiš gradus-xa deri zilit-xan-di*.
 А. приходит-PFCT-LOC К. вода-ACC две минута шестьдесят градус-DAT до нагревать-PFCT-3SG
 ‘Когда пришел Алим, Керим позанимался нагреванием воды до 60 градусов две минуты’.
 1. $\tau(\text{приход}) \llcorner \tau(\text{нагревание})$
 2. $*\tau(\text{приход}) \subseteq \tau(\text{нагревание})$

⁶ Рецензент «Урало-алтайских исследований» отмечает, что в (9b) «напрашивается маркированный винительный падеж»:

- (i) *kerim züz meter-ni ... cap-xan-di*.
 К. сто метр-ACC бежать-PFCT-3SG
 ‘Керим пробежал стометровку’.

Дистрибуция маркированного и немаркированного вариантов обстоятельства требует дополнительного изучения, в том числе в контексте проблемы вариативного маркирования прямого дополнения в тюркских языках. Мы не пытаемся решить эту проблему в пределах настоящей статьи.

Укажем причину, по которой мы не стали использовать предложения с маркированным вариантом обстоятельства. Как отметил сам рецензент, наиболее естественный перевод выражения в аккумулятиве в (i) — ‘стометровка’, а не ‘сто метров’. Это, возможно, означает, что *züz meter* в аккумулятивном контексте интерпретируется не как дескрипция меры, а как дескрипция пространственного объекта. В таком случае предложения типа (i) для исследуемого сюжета становятся попросту нерелевантны, поскольку их предельность, скорее всего, определяется другим механизмом. Как представляется, немаркированный вариант в (9b) позволяет свести вероятность этой побочной интерпретации к минимуму.

(11) предполагает, что некульминирующее нагревание воды в течение двух минут происходит после прихода. Это перфективная интерпретация (11.1). Имперфективная интерпретация (11.2), когда приход происходит во время нагревания, для этого предложения недоступна. Обстоятельство длительности *eki minut* ‘две минуты’ гарантирует, что мы исследуем на предмет перфективности именно неопределенный предикат.

Необходимо обозначить и отклонить простое, но, по-видимому, неверное объяснение вариативной предельности в предложениях типа (10a–b). Можно было бы предположить, что вариативность в (10a) происходит из-за неоднозначности послелого *deri* ‘(вплоть) до’, а в (10b) — дативной именной группы *şqol-ka* ‘в школу’. Если бы эти выражения допускали два прочтения — ‘в направлении конечной точки с ее достижением’ и ‘в направлении конечной точки без ее достижения’, интерпретации (10a–b) соответствовали бы английским предложениям с предлогами *to* и *towards*, одно из которых предельно, а второе нет.

(12) *Mary walked to the park in an hour* / *for an hour.
‘Маша пришла в парк за час / *час’.

(13) *Mary walked towards the park for an hour* / *in an hour.
‘Маша шла в направлении парка час / *за час’.

Однако, как и английский, карачаево-балкарский язык для выражения значения ‘в направлении’ использует отдельный послелог *taba* ‘в направлении’, аналог английского *towards*. Этот послелог иллюстрируется предложением (14), которое, как и (13), интерпретируется только неопределенно:

(14) *kerim şqol taba eki minut* / **eki minut-xa cap-xan-di*.
К. школа в.направлении два минута два минута-DAT бежать-PFCT-3SG
‘Керим бежал в направлении школы две минуты / *за две минуты’.

С учетом материала такого рода предполагать неоднозначность дативной именной группы и послелога в (9a–b), как кажется, нет оснований.

Различия между карачаево-балкарским и английским паттернами суммированы в таблице 1.

Таблица 1. Предельность глаголов способа перемещения и постепенного достижения в английском и карачаево-балкарском языках

		английский	карачаево-балкарский
Глагол способа перемещения	с дескрипцией конечной точки	пределен	пределен или неопределен
	с дескрипцией меры	пределен	пределен
Глагол постепенного достижения	с дескрипцией конечной точки	пределен	пределен или неопределен
	с дескрипцией меры	пределен	пределен

Эти данные делают явным важным параметр межъязыкового варьирования: как предельность глагольного предиката зависит от дескрипций меры и конечной точки. Композиционная теория предельности должна ответить как минимум на два вопроса. Во-первых, почему, вопреки предсказаниям теории, описанной в (7)—(8), дескрипции конечной точки в карачаево-балкарском языке совместимы и с предельной и с неопределенной интерпретациями, хотя — в полном соответствии с теорией — дескрипции меры приводят к обязательной предельности? Во-вторых, чем различаются акциональные системы двух типов языков?⁷

Следует подчеркнуть, что вопрос о композиционном характере предельности рассматриваемых в этой статье классов балкарских предикатов не поднимался, насколько нам известно, ни в описаниях карачаево-балкарского языка [Алиев 1930; 1972; Боровков 1935; Филоненко 1940; Урусбиев 1963; Хабичев 1966; Ахматов 1968; 1983; Текуев 1973; Жаппуев (ред.) 1982; Хапчаева 1989; Чеченов, Ахматов 1997; Сылпагаров 1999; Отаров (ред.) 2002; Лютикова и др. 2006; Улаков (ред.) 2016], ни в общей литературе по тюркской аспектологии (например, [Насилов 1989]), ни в работах по типологии акциональности (например, [Татевосов 2016]), ни в исследованиях по глаголам движения (как в тюркских языках, так и в типологическом аспекте; [Лизунова 1991; Додуева 1997; Майсак 2005]).

⁷ В этой статье не будет обсуждаться материал русского и аналогичных языков. В них эффекты акциональной композиции, в частности влияние на предельность дескрипций меры и конечной точки, маскируются особым типом перфективности. Русский перфектив у глаголов вроде *нагреть* требует предельности предиката независимо от присутствия в структуре таких дескрипций [Татевосов 2016]. Соответственно, акциональная композиция в языках наподобие русского нуждается в отдельном описании, в полной мере учитывающем влияние на интерпретацию перфективного оператора.

Ответ на вопросы выше, который намечается в дальнейших разделах, состоит в следующем. Опираясь на анализ предикатов способа перемещения и постепенного достижения в терминах степенной семантики, мы можем предположить, что дескрипции меры и конечной точки могут встраиваться в событийную структуру разными способами и что именно в этом состоит источник варьирования. Первый способ — заполнение позиции степенного аргумента в актантажной структуре предиката. Это путь к обязательной предельности. Второй способ — модификация шкалы, которая выступает областью значений степенной переменной. Так возникает акциональная неоднозначность. Далее остается предположить, что в английском и аналогичных языках и для дескрипций меры, и для дескрипций конечной точки доступен только первый механизм. В карачаево-балкарском и подобных языках первый механизм обеспечивает интерпретацию дескрипций меры, а дескрипции конечной точки остаются в распоряжении второго механизма. При этом в языках обоих типов наблюдаемые ограничения на предельность выводятся из независимо обоснованных свойств скалярных структур и известных способов их интерпретации. В этом смысле показанное в таблице 1 варьирование получает последовательное объяснение. Мы, однако, оставляем открытым вопрос о том, возможны ли более глубокие объяснительные гипотезы, увязывающие межъязыковую дистрибуцию описанных выше механизмов с другими грамматическими характеристиками языковых систем.

2. Степенная семантика

В работах М. Крипки [Krifka 1992; 1998], а затем Дж. Беверса [Beavers 2009; 2011] выстраивается так называемая динамическая теория инкрементальности, предлагающая композициональную деривацию предельности различных типов предикатов. В этой теории и дескрипции меры, и дескрипции конечной точки анализируются в терминах структуры с путями, как в (7)—(8).

Другое направление исследования, получившее развитие в последние два десятилетия, связано с анализом предельности с применением степенной семантики ([Hay et al. 1999; Kennedy, Levin 2002; Caudal, Nicolas 2004; 2008; Winter 2006; Piñón 2008; Kennedy 2012]; см. [Beavers 2009], в которых предлагается эксплицитное сравнение двух теоретических систем). В перечисленных работах так или иначе затрагиваются конфигурации с дескрипциями меры, однако дескрипции конечной точки практически не освещаются.

Анализ, предлагаемый в этом разделе, также использует степенную семантику. Он опирается на идею, согласно которой глаголы способа перемещения и постепенного достижения типа ‘бежать, бегать’ и ‘нагреть’ представляют собой функции, которые показывают, насколько изменилась у индивида степень обладания определенным параметрическим свойством в ходе осуществления события. В следующих разделах мы будем опираться на конкретное воплощение этой идеи, предложенное в [Kennedy, Levin 2008] и [Kennedy 2012], где глагольное значение описывается в терминах **функций, измеряющих степень изменения**⁸. По соображениям объема у нас нет возможности обсуждать далекоидущие теоретические последствия такого выбора, но мы надеемся, что содержательная часть предлагаемого ниже анализа переводима на метаязык других теоретических систем с минимальными усилиями.

2.1. Степенная семантика и измеряющие функции

Цель этого раздела — краткое введение в используемую далее теоретическую систему и ее формализм. Дальнейшие подробности можно найти в обширной литературе по предмету, начиная с [Kennedy, Levin 2008: 173 et seq.].

⁸ В литературе обсуждаются и другие варианты анализа в том же духе. В [Hay et al. 1999] и [Kennedy, Levin 2002] значение рассматриваемых глаголов анализируется в терминах отношения INCREASE, в которое параметрическое свойство G , событие e , степень d и индивид x вступают в том случае, когда разница в степени обладания свойством G у x -а в начале и в конце события e составляет d . Система, предлагаемая К. Пиньоном [Piñón 2008], использует инкрементальные степенные функции, отображающие индивидов, предикаты над индивидами и события в степени. Например, функция $\text{read}_d(x)(O)(e)$ возвращает степень, в которой индивид x , входящий в экстенционал предиката O , подвергается прочтению в событии e , т. е. степень прочитанности x -а. В отличие от К. Кеннеди и Б. Левина, К. Пиньон не предлагает способа соотнести свои инкрементальные функции с более элементарными статическими параметрическими свойствам (например, функцию, измеряющую степень нагретости, со свойством ‘теплый, горячий’). Не менее существенно и то, что один из аргументов инкрементальной степенной функции — это предикат над индивидами, поскольку предельность результирующего событийного предиката в конечном счете зависит от его квантованности [ibid.: 209—211].

Система опирается на **степенную семантику**, в которой в качестве особого семантического домена, наряду с индивидами, временными интервалами, возможными мирами, представлены **степени**. Степень — абстрактный объект, служащий для выражения количественности.

Степени организованы в **шкалы**, характеризуемые **измерением**, — шкалы ширины, массы, температуры, глупости и т. п. Шкалы создаются линейно упорядоченным множеством точек (так же, например, как временная ось — линейно упорядоченное множество моментов времени). Для некоторых шкал (ширины, высоты, массы, температуры) существуют конвенциональные единицы измерения, выступающие именами степеней на шкале (метры, дюймы, килограммы, фунты, градусы Цельсия и Фаренгейта и т. д.). Для других шкал (ума, красоты, опасности и т. д.) таких единиц не существует.

(15) представляет собой пример шкалы:

(15) Шкала ширины

ШИРИНА: 0 —————→ ∞

Степень — любой интервал на шкале вида (15). Среди всех степеней на шкале S выделяется множество **положительных степеней** $POS(S)$. Положительная степень, с интуитивной точки зрения, — это степень от левого края шкалы до некоторой точки⁹. Имеются и симметричные отрицательные степени $NEG(S)$ — от некоторой точки до правого края шкалы.

(16а–с) иллюстрируют положительную и отрицательную степени на шкале ширины, а также степень, не являющуюся ни положительной, ни отрицательной.

(16) а. Положительная степень на шкале ширины:

ШИРИНА: 0 —————●—————→ ∞

б. Отрицательная степень на шкале ширины:

ШИРИНА: 0 —————→ ●—————→ ∞

с. Степень на шкале ширины, не являющаяся ни положительной, ни отрицательной:

ШИРИНА: 0 —————●—————●—————→ ∞

Формальная система со шкалами, положительными и отрицательными степенями непосредственно задействуется в анализе параметрических прилагательных типа *wide* ‘широкий’. Ключевой компонент семантики *wide* ‘широкий’ — это функция ШПК, которая отображает индивиды в положительные степени на шкале ширины.

(17) ШПК: функция из множества индивидов в $POS(S_{\text{ширина}})$ такая, что всякому индивиду она сопоставляет степень d из $POS(S_{\text{ширина}})$ такую, что d выражает/представляет/отражает протяженность x -а в горизонтальном измерении.

Если x шире, чем y , то $ШПК(x) > ШПК(y)$. То же верно и для функций, обслуживающих другие шкалы. Максимальная точка, принадлежащая степени, в которую ШПК отображает индивида, называется **проекцией** индивида на шкале ширины.

В этой системе основу прилагательного *wide*, общую для всех его степеней сравнения, можно анализировать как функцию логического типа $\langle e, d \rangle$ — функцию из индивидов в степени в (18).

(18) $\| \text{wide} \| = \lambda x: x \in D_e. ШПК(x)$

где D_e — домен индивидов

Функция в (18) принимает в качестве аргумента индивида x и ставит ему в соответствие степень его широкости, $ШПК(x)$.

На следующих этапах деривации основа соединяется с показателем степени сравнения. В (19а) дается семантика показателя положительной степени, который превращает функцию в (18) в предикат над индивидами в (19б).

(19) а. $\| \text{pos}_A \| = \lambda g_{\langle e, d \rangle}. \lambda x. g(x) \geq \text{std}(g)$

б. $\| \text{wide-pos}_A \| = \lambda x. x \in D_e. ШПК(x) \geq \text{std}(ШПК)$

⁹ Формальное определение множества положительных степеней POS для шкалы S :

(i) $POS(S) = \{d \subseteq S \mid \text{имеется такая точка } p_1, p_1 \in d, \text{ что для любой точки } p_2, p_2 \in S, \text{ верно следующее: если } p_2 < p_1, \text{ то } p_2 \in d\}$.

Необходимо подчеркнуть, что определение работает для шкал как имеющих минимальное значение, так и не имеющих.

Неформально (19a) — это механизм, применяющийся к основе прилагательного g и превращающий ее семантическое представление (такое, как (18)) в форму положительной степени сравнения. Положительная степень в (19b) — это множество индивидов, ширина которых равна стандарту сравнения $\text{std}(\text{ШПК})$ или превышает его.

Использование степенной семантики дает возможность сформулировать простой и интуитивно убедительный анализ прилагательных с противоположной **полярностью**. Для ‘широкий’ это ‘узкий’, для ‘умный’ — ‘глупый’ и т. д. Такие прилагательные привязаны к той же самой шкале, но отображают индивид не в положительные, а в отрицательные степени. Действительно, чем больше степень широкости индивида, тем меньше степень его узкости и наоборот. Предположение, что ‘узкий’ обозначает функцию УЗК из индивидов в $\text{NEG}(S_{\text{ширина}})$ позволяет сделать эту идею полностью эксплицитной: если ширина индивида x больше, чем ширина индивида y , верно, что $\text{ШПК}(x) > \text{ШПК}(y)$, а $\text{УЗК}(y) > \text{УЗК}(x)$.

Система, кратко описанная выше, оперирует статичными параметрическими свойствами индивидов, не предполагающими, что степень ширины, глупости или зелености меняется с течением времени. Однако в контексте основного сюжета этой статьи нас интересуют именно происходящие во времени изменения. Для этого семантика должна получить временное измерение.

В качестве первого шага снабдим измеряющие функции временной переменной:

$$(20) \parallel \mathbf{wide} \parallel = \lambda x: x \in D_e. \lambda t \in D_i. \text{ШПК}(x)(t)$$

где D_i — домен временных интервалов.

Функция в (20) отображает индивида x в степень на шкале ширины, которой он обладает на интервале t . Она имеет более сложный логический тип, чем предыдущий вариант в (18): не $\langle e, d \rangle$, а $\langle e, \langle i, d \rangle \rangle$. (20) отличается от (18) тем, что рассматривает не отвлеченную ширину индивидов, а ширину в определенное время.

Следующий шаг — определить понятие функции, измеряющей различие. С интуитивной точки зрения такие функции показывают не «абсолютную» положительную степень d , в которой индивид обладает некоторым параметрическим свойством, измеряемым шкалой S , а то, насколько эта d отличается от некоторой другой степени. Определение функции, измеряющей различие, показано в (21).

(21) Функция, измеряющая различие

Для любой измеряющей функции $\mathbf{m}$ из индивидов и временных интервалов в степени на шкале S и для любой степени $d \in S$, $\mathbf{m}_d \uparrow$ функция, измеряющая различие, — это функция, обладающая следующими свойствами:

- i. для любых x, t входящего в область определения $\mathbf{m}$, если $\mathbf{m}(x)(t) < d$, то $\mathbf{m}_d \uparrow(x)(t) = 0$.
- ii. в прочих случаях $\mathbf{m}_d \uparrow(x)(t) = \mathbf{m}(x)(t) - d^{10}$.

Функции, измеряющие различия, таким образом, исходят из некоторой заданной степени в качестве минимальной точки на шкале. В (21) это степень d . Они вычисляют разность между степенью, в которую проецируется индивид x на интервале t , и этой степенью d .

Например, если верно, что на фиксированном временном интервале t ширина одной двери d_1 составляет 70 см ($\text{ШПК}(d_1)(t) = 70\text{см}$), а ширина другой двери d_2 — 80 см ($\text{ШПК}(d_2)(t) = 80\text{см}$), то верно и (22):

$$(22) \text{ШПК}_{\text{ШПК}(d_1)(t)} \uparrow(d_2)(t) = 10 \text{ см}$$

В (22) сравнивается ширина двух объектов в одно и то же время t . Естественно, с помощью функций, измеряющих различие, можно сравнивать и ширину одного и того же индивида в разное время. Это дает возможность описывать измерение ширины во времени.

На эту идею опирается самое существенное для дальнейших рассуждений понятие — понятие **функции, измеряющей степень изменения** (measure of change function). Функция показывает, как при осуществлении события у индивида изменяется степень обладания параметрическим свойством, — так, как длина, масса, ширина, температура и т. п.

Определение функции, здесь и далее обозначаемой как $\mathbf{m}_\Delta$, — завершающий шаг подготовительных построений. Оно опирается на понятие функции, измеряющей различия в (21), и приводится в (23).

¹⁰ Определение операции вычитания «—» для положительных степеней можно найти, например, в [Piñón 2008]: для любых двух положительных степеней $d_1 = [0, p]$ и $d_2 = [0, q]$ их разность — это степень $[0, p-q]$, если $p-q > 0$; не определено в противном случае.

(23) **Функция, измеряющая степень изменения**

Для любой измеряющей функции $\mathbf{m}$, $\mathbf{m}_\Delta = \lambda x. \lambda e. \mathbf{m}_{\mathbf{m}(x)(init(e))} \uparrow(x)(fin(e))$,

где $\mathbf{m}_{\mathbf{m}(x)(init(e))} \uparrow$ — функция, измеряющая различия, которая опирается на измеряющую функцию $\mathbf{m}$ логического типа $\langle e, \langle i, t \rangle \rangle$, а $init(e)$ и $fin(e)$ — соответственно начальная и конечная временные границы события e .

В (23) $\mathbf{m}_\Delta$ представляет собой функцию из индивидов и событий в степени. Она выражает информацию о том, какова степень изменения параметрического свойства у индивида x при осуществлении события e . Согласно (23) и (21), эта степень — разность между соответствующими степенями в начале и конце события. Действительно, для любого индивида x и события e верно, что $\mathbf{m}_{\mathbf{m}(x)(init(e))} \uparrow(x)(fin(e))$ — это, согласно (21), разность между $\mathbf{m}(x)(fin(e))$ и $\mathbf{m}(x)(init(e))$; $\mathbf{m}(x)(init(e))$ — степень, в которой индивид x обладает параметрическим свойством, «обслуживаемым» функцией $\mathbf{m}$, на интервале $init(e)$, начальном интервале события e , а $\mathbf{m}(x)(fin(e))$ — аналогичная степень для конечного интервала этого же события.

Далее мы будем рассматривать функции, измеряющие степень изменения, как компонент означаемого глаголов постепенного достижения и перемещения в пространстве. В разделе 2.2 обсудим две семантические деривации, в которых они могут участвовать.

2.2. Два пути деривации

Так же как простые измеряющие функции составляют важнейшую часть денотата прилагательных типа *wide* ‘широкий’, (18)—(19), функции, измеряющие степень изменения, — компонент семантики глаголов постепенного достижения типа *widen* ‘расширяться’ и соответствующих каузативных глаголов:

$$(24) \parallel \mathbf{widen} \parallel = \lambda x. \lambda e. \text{ШРК}_\Delta(x)(e)$$

(24) — это функция, которая сопоставляет индивиду x и событию e степень, где ширина x -а изменяется в ходе e .

После насыщения позиции индивидуального аргумента возникает функция из событий в степени в (25):

$$(25) \parallel \mathbf{the\ crack\ widen} \parallel = \lambda e. \text{ШРК}_\Delta(\text{трещина})(e)$$

(25) — функция, которая принимает событие e и возвращает степень изменения ширины трещины в этом событии.

Функции вида (25) могут участвовать в дальнейшей деривации двумя способами, которые обсуждаются, в частности, в [Svenonius, Kennedy 2006].

Первая возможность — присоединение степенной морфемы μ , превращающей функции вида (25) в отношения между индивидами и степенями посредством λ -абстракции по степенной переменной:

$$(26) \parallel \mu \parallel = \lambda g_{\langle v, d \rangle}. \lambda d. \lambda e. g(e) = d$$

Морфема μ в (26) способна принимать выражения типа (25) в качестве аргумента; в (26) последним соответствует переменная g . После присоединения μ (25) преобразуется в функцию логического типа $\langle d, \langle v, t \rangle \rangle$, у которой есть степенной аргумент, как показано в (27):

$$(27) \parallel \mu [\mathbf{the\ crack\ widen}] \parallel = \lambda d. \lambda e. \text{ШРК}_\Delta(\text{трещина})(e) = d$$

С интуитивной точки зрения (27) — это отношение между событиями e и степенями d , в котором e и d состоят ровно в том случае, если e — это событие изменения ширины трещины не меньше чем на d .

Степенной аргумент отношения в (27) далее реализуется выражениями, описанными выше как дескрипции меры. В (28a), например, выражение *three meters* ‘на три метра’ показывает степень изменения ширины трещины. После того как оно заполняет позицию степенного аргумента функции в (27), образуется событийный предикат:

(28) a. The crack widened three meters.

$$b. \parallel \mathbf{three\ meters} \mu [\mathbf{the\ crack\ widen}] \parallel = \lambda e. \text{ШРК}_\Delta(\text{crack})(e) = 3m$$

Предикат в (28b) описывает события, в которых ширина трещины изменилась не меньше чем на три метра. Этот предикат обладает свойством квантованности, поскольку, если изменение происходит градуально, никакая собственная часть события увеличения ширины на 3 метра не является событием увеличения ширины на три метра. Строгое обоснование квантованности (28b) требует некоторых усилий по формализации градуальности; для наших целей, однако, достаточно неформального рассуждения.

Другая возможность — присоединение морфемы положительной степени pos_V в (29):

$$(29) \parallel pos_V \parallel = \lambda g_{\langle v,d \rangle}. \lambda e. g(e) \geq \text{stnd}(g)$$

Морфема положительной степени превращает функции типа $\langle v,d \rangle$ в событийные предикаты типа $\langle v,t \rangle$ и имеет тем самым логический тип $\langle \langle v,d \rangle, \langle v,t \rangle \rangle$. Ее основная функция — соотнести значение функции, измеряющей степень изменения, со стандартом сравнения, а именно: указать, что это значение достигает стандарта. В этом отношении глагольная морфема положительной степени — точный аналог адъективного варианта в (19а).

Комбинация денотата глагольной группы и морфемы положительной степени показана в (30):

(30) a. The crack widened.

$$b. \parallel pos_V [\text{the crack widen}] \parallel = \lambda e. \text{ШРК}_\Delta(\text{трещина})(e) \geq \text{stnd}(\text{ШРК}_\Delta)$$

(30) — событийный предикат, описывающий события, в которых степень изменения ширины трещины соответствует стандарту для таких изменений или превышает его.

Ключевой вопрос, возникающий в этом месте, — что представляет собой стандарт сравнения и как он вычисляется. Ответ на этот вопрос, который дают исследования скалярных выражений в последнее время (см. [Kennedy, Levin 2005; 2008; Kearns 2005; Kennedy 2012]), увязывает характер стандарта с тем, есть ли у соответствующей измеряющей функции минимальное значение, максимальное значение, оба или ни одного.

В следующем разделе мы суммируем имеющиеся в литературе наблюдения о структуре значений измеряющих функций, участвующих в деривации выражений различных типов, а также о том, как от этого зависит стандарт сравнения.

2.3. Структура шкалы и стандарт сравнения

Область значений любой измеряющей функции — множество степеней, образующих шкалу. В качестве исходной точки для дальнейших рассуждений сделаем шаг назад и рассмотрим структуру шкал, которые обслуживают не глаголы вида *расширяться*, а параметрические прилагательные типа *широкий*. Типология шкал, откуда измеряющие функции, обозначаемые прилагательными, могут получать значение, представлена в (31):

(31) **Типология шкал для параметрических прилагательных**

- a. Открытая шкала: нет ни минимальной, ни максимальной степени (ср. интервал действительных чисел $(0, 1)$).
- b. Закрытая сверху шкала: есть максимальная степень, нет минимальной степени (ср. интервал $(0, 1]$).
- c. Закрытая снизу шкала: есть минимальная степень, нет максимальной степени (ср. интервал $[0, 1)$).
- d. Закрытая с двух сторон шкала: есть минимальная и максимальная степени (ср. интервал $[0, 1]$).

Определить, закрыта ли сверху шкала, привязанная к конкретному прилагательному, помогают модификаторы типа *совершенно*, *абсолютно*, *полностью*, *стопроцентно* и т. п., функция которых — указание на максимальную положительную степень обладания параметрическим свойством. Предложения (32а–с) показывают, что прилагательное *безопасный* работает со степенями на закрытой сверху шкале, а (33а–б) — что шкалы для прилагательных *длинный* и *изогнутый* открыты сверху.

- (32) a. Этот путь абсолютно безопасен.
- b. Этот путь совершенно безопасен.
- c. Этот путь полностью безопасен.

- (33) a. ^{??/#}Эта дорога абсолютно длинная.
- b. ^{??/#}Эта линия стопроцентно изогнута.

Увидеть, закрыта ли шкала снизу, несколько сложнее. Ни в русском, ни, насколько нам известно, в других языках нет модификаторов наподобие несуществующего **нульпроцентно*, которые указывали бы на минимальную положительную степень. Поэтому, чтобы диагностировать наличие минимальной точки на шкале, следует воспользоваться прилагательными противоположной полярности. Минимальная положительная степень для прилагательного типа *изогнутый*, если она есть, одновременно выступает максимальной отрицательной степенью для прилагательного *прямой*. Определить, есть ли максимальная степень у прилагательного *прямой*, можно, как мы уже видели, при помощи модификаторов типа *абсолютно* или *совершенно*:

(34) Эта линия абсолютно/совершенно/стоппроцентно прямая.

(34) показывает, что шкала содержит максимальную степень прямоты, которая одновременно выступает минимальной степенью изогнутости. Тем самым шкала изогнутости **закрыта снизу**.

Аналогичный прием дает для прилагательных *безопасный* и *длинный* отрицательный результат: они открыты снизу. Поскольку нельзя быть максимально опасным или коротким, нельзя быть и минимально безопасным или длинным¹¹:

- (35) а. ^{??/#} Этот путь абсолютно/совершенно опасен.
 б. ^{??/#} Эта дорога абсолютно/совершенно короткая¹².

Характер стандарта сравнения для параметрических прилагательных в положительной степени однозначно предсказывается типом шкалы. Эмпирические обобщения о том, как тип стандарта зависит от наличия минимального и максимального значений, суммируется в (36):

(36) Тип шкалы и характер стандарта сравнения

- а. У измеряющей функции есть максимальное значение (закрытая сверху шкала) → стандарт сравнения — максимальное значение.
- б. У измеряющей функции есть минимальное значение (закрытая снизу шкала) → стандарт сравнения — минимальное значение.
- с. У измеряющей функции нет ни минимального, ни максимального значения (открытая шкала) → контекстно-зависимый стандарт сравнения.

(36) верно предсказывает суждения носителей языка по поводу условий истинности предложений типа (37а–с) с прилагательными в положительной степени.

¹¹ Рецензент «Урало-алтайских исследований» отмечает, что минимальную степень на шкале, возможно, следует диагностировать с помощью обстоятельств *нисколько* и *ничуть* в комбинации с отрицанием. Проработку такой возможности мы оставляем на будущее, поскольку исследование дистрибуции этих обстоятельств в русском языке — отдельная и, вероятно, не самая тривиальная задача. В примерах типа (i), по-видимому, речь не идет о том, что рассматриваемый блог имеет длину, не превышающую минимум (т. е. нуль):

(i) Но верю в светлое будущее и что все устаканится... А блог ничуть не длинный [maminklub.lv].

Скорее (i) предполагает, что размер блога не превышает контекстно-зависимой величины, по достижении которой он становится неудобным для чтения. Это показывает, что *ничуть* способен использоваться не только в контекстах со скалярным минимумом, а значит использовать его как интересующую нас диагностику следует с большой осторожностью.

Следует, кроме того, отметить: даже если обстоятельства *ничуть* и *нисколько* подходят для исследования скалярной структуры в русском языке, невозможно гарантировать, что в других языках обнаружатся их точные семантические аналоги и диагностику удастся воспроизвести. Процедура, использованная в (35), кажется менее зависимой от межъязыкового варьирования.

¹² Диакритический знак «^{??}» в (35) отражает наши собственные суждения, а также суждения 19 студентов и одного профессора отделения теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Как отмечает рецензент «Урало-алтайских исследований», «поиск точных соответствий в гугле выдаёт значительное количество сочетаний *абсолютно/совершенно* с *короткий/опасный*, что можно интерпретировать как проявление некоторой вариативности в суждениях». Действительно, такие примеры широко представлены:

(i) Можно законопроект сделать неплохим, но начиная со второго чтения в Госдуме, он может поменять свою ориентацию от относительно безопасного на абсолютно опасный [nisse.ru].

(ii) Даже без антибиотиков обошлось. Меня это здорово сильно тревожило постоянно, а тут разумный подход и позитивный результат лечения через абсолютно короткий промежуток времени [krasotaimedicina.ru].

Мы видим более одной возможности анализа таких примеров, причем необязательно связанных с «вариативностью в суждениях». Первая: *абсолютно* в любой конфигурации указывает на максимальную степень, а прилагательные с открытой шкалой при определенных условиях допускают аккомодацию контекстно-заданного максимума. (Например, ‘абсолютно опасный’ ≈ ‘содержащий полный набор опасностей, которых хотели бы избежать стейкхолдеры’.) Вторая: прилагательные типа *короткий / опасный* всегда привязаны к открытой шкале, а *абсолютно* при определенных условиях способно к реинтерпретации: ‘максимальная степень’ → ‘степень, значительно превышающая стандарт’. (Тогда ‘абсолютно опасный’ ≈ ‘более чем очень опасный’.) Возможно также, что в разных случаях задействуются различные механизмы. Исследование явлений такого рода, однако, выходит далеко за пределы ограниченных задач настоящей работы.

(37) а. **Закрытая сверху шкала**

Этот путь безопасен.

b. **Закрытая снизу шкала**

Эта линия изогнута.

c. **Открытая шкала**

Эта дорога длинная.

(37a) истинно, если на пути нет ни одной опасности; это максимум безопасности в полном соответствии с (36a). (37b) истинно, если линия не является прямой, т. е. при любой отличной от нулевой степени изогнутости, как и предсказывает (36b). Наконец, какую дорогу следует рассматривать как длинную в (37c), существенно зависит от контекста. Если речь идет о пеших прогулках, предложение будет, скорее всего, истинно применительно к дороге длиной 10 км. Если же речь о путешествиях между городами, то 10 км — это, вероятно, очень короткая дорога, и предложение ложно. Перед нами контекстно-зависимый стандарт, согласно (36c).

Переходя к функциям, измеряющим не степень обладания параметрическим свойством, а степень его изменения, К. Кеннеди и Б. Левин [Kennedy, Levin 2008] отмечают следующий важный факт:

(38) **Обобщение о типе шкал для функций, измеряющих степень изменения**

Любая функция, измеряющая степень изменения, закрыта снизу.

(38) непосредственно вытекает из определения в (23): в соответствии с ним у шкалы есть минимальная степень — степень обладания параметрическим свойством у индивида в начале события. Для всякой m_{Δ} и всякого x , иными словами, ее минимальная степень — это $m(x)(\text{init}(e))$.

Из этого вытекает важное следствие: среди шкал, обслуживающих функции, измеряющие степень изменения, нет аналога (36c), когда стандарт сравнения оказывается контекстно-зависимым. Если шкала всегда закрыта снизу, имеется ровно две возможности, перечисленные в (39):

(39) **Типы шкал, привязанных к функциям, измеряющим степень изменения**

a. Шкала закрыта снизу и открыта сверху.

b. Шкала закрыта с двух сторон.

Принадлежность к (39a) или (39b) для функции, измеряющей степень изменения m_{Δ} , определяется структурой шкалы для исходной функции m , как описано в (40).

(40) **Соотношение функций**Функция, измеряющая степень изменения m_{Δ} , имеет максимальное значение ровно в том случае, когда имеет максимальное значение соответствующая ей функция m .

Таким образом, если непроизводная дескрипция параметрического свойства открыта сверху, соответствующая ей функция, измеряющая изменение, относится к классу (39a). Если непроизводная дескрипция закрыта сверху, образуется функция класса (39b).

Исходя из (36b), у функций вида (39a) следует ожидать минимальный стандарт сравнения. У (39b), сообразно (36a) и (36b), можно ожидать как минимальный, так и максимальный стандарт сравнения.

Вернемся к (39), повторяемому как (41):

$$(41) \parallel \text{pos}_V [\text{the crack widen}] \parallel = \lambda e. \text{ШПК}_{\Delta}(\text{трещина})(e) \geq \text{std}(\text{ШПК}_{\Delta})$$

Функция ШПК, на которую опирается функция ШПК_{Δ} , открыта сверху, ср. *совершенно/абсолютно широкий*. Следовательно, функция ШПК_{Δ} относится к классу функций закрытых снизу и открытых сверху, (39a). Исходя из (36b), верно (42), и (41) тем самым эквивалентно (43):

$$(42) \text{std}(\text{ШПК}_{\Delta}) = d_{\min}(S_{\text{ШПК}_{\Delta}}) = 0$$

$$(43) \parallel \text{pos}_V [\text{the crack widen}] \parallel = \lambda e. \text{ШПК}_{\Delta}(\text{трещина})(e) \geq 0$$

Событийный предикат в (43) описывает события, в которых ширина трещины увеличивается на ненулевую величину. Этот предикат некантован: если прирастание ширины происходит градуально и e — событие, где она увеличивается на ненулевую степень d , то любая собственная часть e , e' — это также событие, где ширина увеличивается на некоторую (меньшую) ненулевую степень d' .

Согласно [Kennedy, Levin 2008] и [Kennedy 2012], некантованность (43) верно предсказывает не-предельность глаголов типа *widen* ‘расширяться’ в отсутствие дескрипций меры и конечной точки в предложениях вида (44):

- (44) *The canyon widened for/??in one million years.*
 ‘Каньон расширился миллион лет / ??за миллион лет’.

Примером предиката, относящегося к классу (39b) и имеющего как минимальный, так и максимальный стандарт сравнения, выступает *dry* ‘сохнуть, сушиться’. Прилагательное *dry* ‘сухой’, от которого деривируется глагол *dry* ‘сохнуть, сушиться’, привязано к закрытой сверху шкале, как видно из (45). Согласно (40), закрытой сверху оказывается и шкала для производного глагола.

- (45) *The shirt is completely / 100 % / almost dry.*
 ‘Рубашка совершенно/сто процентно/почти сухая’.

Семантическое представление для предложения (46) показано в (47). Структурой и содержанием компонентов оно идентично представлению (41) для *widen* ‘расширяться’ с точностью до констант, ср. ШРК_Δ и СХ_Δ. Но в отличие от *widen*, у *dry* есть два стандарта сравнения, которые показаны в (48a–b):

- (46) *The shirt dried.*
 ‘Рубашка высохла’.

$$(47) \parallel \text{pos}_V [\text{the shirt dry}] \parallel = \lambda e.CX_{\Delta}(\text{рубашка})(e) \geq \text{std}(CX_{\Delta})$$

- (48) a. $\text{std}(CX_{\Delta}) = d_{\min}(S_{CX_{\Delta}}) = 0$
 b. $\text{std}(CX_{\Delta}) = d_{\max}(S_{CX_{\Delta}})$

Поскольку для (47) доступны как минимальный, так и максимальный стандарты сравнения в (48a–b), в зависимости от выбора одного из них мы получаем предикаты в (49a–b):

- (49) a. $\parallel \text{pos}_V [\text{the shirt dry}] \parallel = \lambda e.CX_{\Delta}(\text{рубашка})(e) \geq 0$
 b. $\parallel \text{pos}_V [\text{the shirt dry}] \parallel = \lambda e.CX_{\Delta}(\text{рубашка})(e) = d_{\max}(S_{CX_{\Delta}})$

Первый предикат, (49a), некантован — точно так же и по тем же причинам, что и аналогичный предикат в (43). Второй предикат, (49b), кантован: никакая собственная часть события, в котором достигается максимальная степень изменения сухости, не является событием, в котором достигается максимальная степень изменения сухости, при условии, что степень прирастает инкрементально. (49b) отвечает за предельную интерпретацию в (46). (49a) дает неопредельную интерпретацию, которая иллюстрируется в (50).

- (50) *The shirt dried on the line for a few minutes (but was then soaked by a passing shower).*
 ‘Рубашка посушилась на веревке несколько минут (но снова намочила, когда начался ливень)’
 [Kennedy 2012: 107].

Необходимо обратить внимание на семантическую тонкость, связанную с (48)—(49). Следует различать $d_{\max}(S_{CX_{\Delta}})$ в (48b) и (49b), максимальную **степень изменения сухости**, и $d_{\max}(S_{CX})$, максимальную **степень сухости**. Это разные степени. Однако о любом событии из экстенционала предиката в (49b) можно сказать, что при любой исходной степени сухости у индивида x , $CX(x)(\text{init}(e))$, максимальная степень изменения сухости $d_{\max}(S_{CX_{\Delta}})$ достигается ровно в том случае, когда достигается $d_{\max}(S_{CX})$. Соответственно, события из экстенционала (49b) — это события, в которых индивид делается совершенно сухим.

Таковы общие контуры теории в духе [Kennedy, Levin 2008] и [Kennedy 2012], описывающей акциональность предикатов постепенного достижения, которая опирается на степенную семантику. Используя эти наработки, в следующем разделе мы предложим анализ дескрипций меры и конечной точки для карачаево-балкарского и языков, устроенных в этом отношении похожим образом (о языке туба и мишарском диалекте татарского языка см., в частности, [Татевосов 2009; 2017]), который охватывает как глаголы постепенного достижения, так и глаголы способа перемещения.

3. Композиция предельности

3.1. Дескрипции меры: деривация посредством μ

Релевантные примеры с дескрипцией меры в карачаево-балкарском языке (9a–b) устроены в точно так же, как и их английские аналоги: они предельны. Не имея эмпирических причин подозревать противоположное, мы исходим из того, что в обоих случаях работает один и тот же механизм, а именно тот, который описан в [Kennedy, Levin 2008] и [Kennedy 2012] и в (24)—(28).

Как и в английском языке, дескрипции меры вида ‘(на) десять градусов’ и ‘100 метров’ выступают именами соответствующих степеней и заполняют позицию степенного аргумента, которая появляется в структуре после применения μ .

Семантическая деривация глагольной группы для предложения (9а), повторяемого в (51), показана в (52):

(51) *kerim suw-nu on gradus-xa zilit-xan-di.*

К. вода-ACC 10 градус-DAT нагревать-PFCT-3SG
‘Керим нагрел воду на 10 градусов’.

(52) a. $\| \text{zilit} \| = \lambda x. \lambda e. \text{ГРЧ}_{\Delta}(x)(e)$

b. $\| \text{suw-nu zilit} \| = \lambda e. \text{ГРЧ}_{\Delta}(\text{вода})(e)$

c. $\| \mu \| = \lambda g_{\langle v, d \rangle}. \lambda d. \lambda e. g(e) = d$

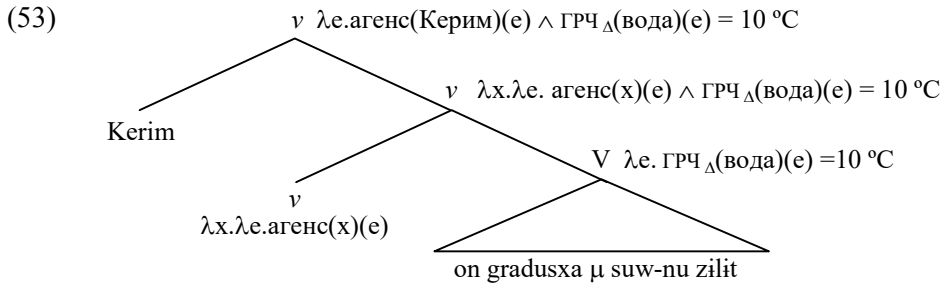
d. $\| \mu [\text{suw-nu zilit}] \| = \lambda d. \lambda e. \text{ГРЧ}_{\Delta}(\text{вода})(e) = d$

e. $\| \text{on gradus-xa } \mu [\text{suw-nu zilit}] \| = \lambda e. \text{ГРЧ}_{\Delta}(\text{вода})(e) = 10^{\circ}\text{C}$

(52a) — семантическое представление глагольной основы. Оно устроено так же, как представление основы глагола *widen* в (24). (52b) — семантика глагольной группы, создающейся соединением основы и прямого дополнения. Это функция, которая сопоставляет событию e степень изменения температуры воды в этом событии. (52c) повторяет семантику морфемы μ из (26). (52d) — результат соединения (52c) и (52b). Это функция, которая желает получить степенной аргумент, и присоединение дескрипции меры *on gradusxa* в (52e) удовлетворяет данную потребность. Событийный предикат в (52e) верно описывает событие e ровно в том случае, когда e — событие изменения температуры воды на 10°C .

На последующих этапах деривации глагольная группа, означаемым которой выступает событийный предикат в (52e), соединяется с функциональным элементом, отвечающим за введение в структуру внешнего аргумента [Kratzer 1996]. В литературе этот элемент часто отождествляется с вершиной легко-го глагола v .

Завершающие этапы деривации предиката показаны в (53)¹³:

В (53) семантическая роль агенса, двухместное отношение между индивидами и событиями $\lambda x. \lambda e. \text{агeнс}(x)(e)$, соединяется со своим комплементом посредством идентификации событий [ibid.]. После этого индивидуальная аргументная позиция заполняется денотатом именной группы *Kerim* ‘Керим’. В результате образуется предикат, описывающий события, в которых агенсом выступает Керим и происходит увеличение температуры воды на десять градусов.

Содержательно близкий анализ можно предложить и для глаголов способа перемещения типа ‘бежать’ в (9b), повторяемого в (54):

(54) *kerim züz meter cap-xan-di.*

К. сто метр бежать-PFCT-3SG
‘Керим пробежал 100 метров’.

Глаголы способа перемещения несколько отличаются от глаголов постепенного достижения событийной структурой. Последние — классические глаголы результата: дескриптивные свойства описыва-

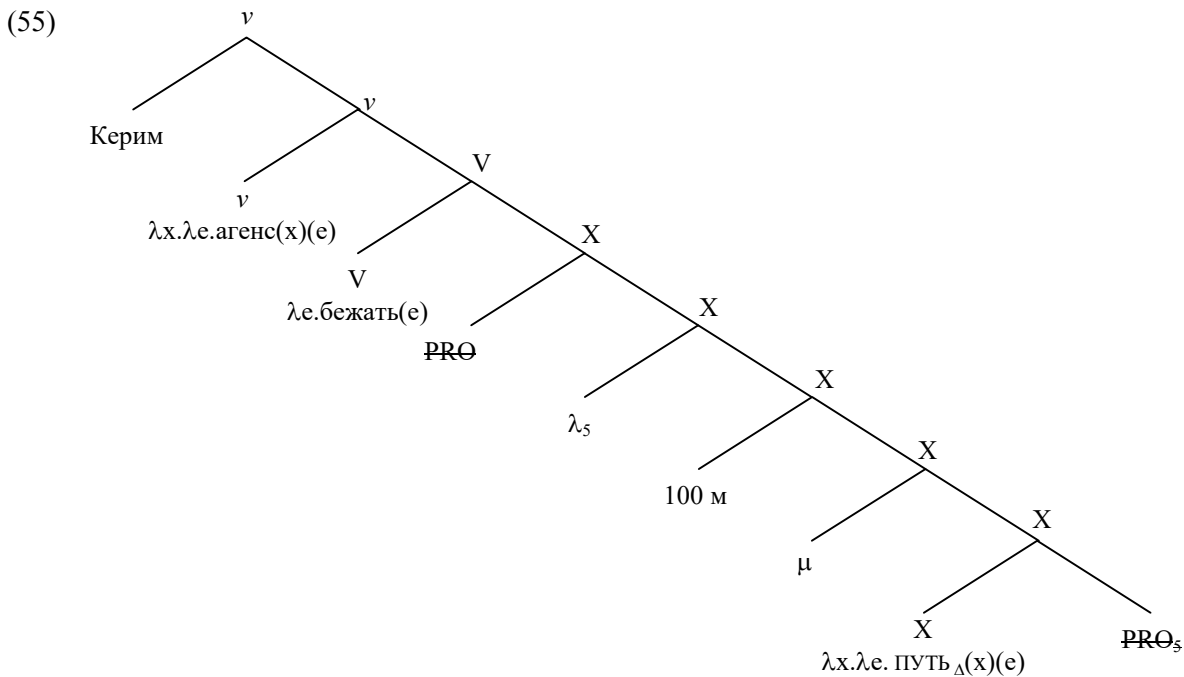
¹³ В (53) используется так называемая *bare phrase structure* [Chomsky 1995], предполагающая отсутствие репрезентационных различий между минимальными и максимальными проекциями. При таком подходе максимальной проекцией категории X выступает составляющая, непосредственно над которой нет другой X , а минимальной — составляющая, непосредственно под которой нет другой X . Следует подчеркнуть, что предлагаемый анализ не опирается ни на какие частные допущения об устройстве теории фразовой структуры и должен быть совместим с обсуждаемыми в литературе альтернативами, например X' -теорией.

емых ими событий сводятся к информации об изменении состояния, которое претерпевает внутренний аргумент. В (52e) она представлена функцией, измеряющей изменение температуры ГРЧ_Δ. Никакой другой информации о событии лексическое значение ‘нагреть’ не содержит.

У глаголов типа ‘бежать’, ‘скакать’, ‘плыть’, ‘лететь’ и т. п. дескриптивные свойства событий, как явствует из названия, задаются способом перемещения в пространстве и не связаны с изменением состояния. Компонент, ответственный за изменение состояния, возникает в структуре независимо от компонента способа. Мы предполагаем, что он представляет собой функцию ПУТЬ_Δ, измеряющую степень продвижения индивида по пути. Возможная синтаксическая структура для предложения (54) показана в (55).

В соответствии с (55) глагольная вершина соединяется с составляющей, элементом которой выступают дескрипция меры ‘сто метров’ и функция $\lambda x.\lambda e.$ ПУТЬ_Δ(x)(e). Категориальная принадлежность этой составляющей не играет никакой роли в семантической стороне деривации, и мы оставляем вопрос о ней открытым («X»). Индивидуальный актанта отношения ПУТЬ_Δ, т. е. сущность, претерпевающая перемещение, представлена в виде семантически пустого местоимения PRO, не имеющего семантического типа ([Heim, Kratzer 1998: 221—230] и последующая литература). Из-за этого оно не может быть проинтерпретировано *in situ* и подвергается передвижению, известному как подъем квантора, связывая собственный след логического типа *e* в исходной позиции. Дескриптивные свойства глагола описываются предикатом $\lambda e.$ бежать(e), который выступает денотатом вершины V. Прочие характеристики структуры в (55) устроены аналогично (53).

Следует подчеркнуть, что семантическая сторона предлагаемого анализа совместима и с другими представлениями о синтаксисе глаголов перемещения в пространстве. Например, вслед за [Beavers, Koontz-Garboden 2020] компонент способа $\lambda e.$ бежать(e) можно рассматривать как адьюнкт к вершине, которая вводит агентивную семантическую роль.

В текущем контексте существенно то, как интерпретируется дескрипция меры. И в (55), и в (52)—(53) соответствующее выражение заполняет позицию степенного аргумента функций, измеряющих степень изменения, ГРЧ_Δ и ПУТЬ_Δ, которая делается доступной при вхождении в деривацию элемента μ .

Полная деривация глагольной группы для предложения (54) показана в (56):

- (56) a. $\parallel \text{Path} \parallel^{\text{g}} = \lambda x.\lambda e.$ ПУТЬ_Δ(x)(e)
 b. $\parallel \text{Path PRO}_5 \parallel^{\text{g}} = \lambda e.$ ПУТЬ_Δ(g(5))(e)
 c. $\parallel \mu \parallel^{\text{g}} = \lambda g_{\langle v,d \rangle}.\lambda d.\lambda e.g(e) = d$
 d. $\parallel \mu [\text{Path PRO}_5] \parallel^{\text{g}} = \lambda d.\lambda e.$ ПУТЬ_Δ(g(5))(e) = d
 e. $\parallel \text{z\u00fcz meter} [\text{Path PRO}_5] \parallel^{\text{g}} = \lambda e.$ ПУТЬ_Δ(g(5))(e) = 100 m
 f. $\parallel \text{PRO } \lambda_5 \text{ z\u00fcz meter} [\text{Path PRO}_5] \parallel^{\text{g}} = \lambda x.\lambda e.$ ПУТЬ_Δ(x)(e) = 100 m
 g. $\parallel \text{cap} \parallel^{\text{g}} = \lambda e.$ бежать(e)
 h. $\parallel \text{cap} [\text{PRO } \lambda_5 \text{ z\u00fcz meter } \mu [\text{Path PRO}_5]] \parallel^{\text{g}} = \lambda x.\lambda e.$ бежать(e) $\wedge$ ПУТЬ_Δ(x)(e) = 100 m

- i. $\| \nu [\text{cap} [\text{PRO} \lambda_5 \text{züz meter } \mu [\text{Path } \text{PRO}_5]]] \|^g = \lambda x. \lambda e. \text{агeнс}(x)(e) \wedge \text{бежать}(e) \wedge \text{ПУТЬ}_\Delta(x)(e) = 100 \text{ m}$
- g. $\| \text{kerim } \nu [\text{cap} [\text{PRO} \lambda_5 \text{züz meter } \mu [\text{Path } \text{PRO}_5]]] \|^g = \lambda e. \text{агeнс}(\text{Керим})(e) \wedge \text{бежать}(e) \wedge \text{ПУТЬ}_\Delta(\text{Керим})(e) = 100 \text{ m}$

Деривация в (56) приводит к построению предиката (56g), который описывает события e , во-первых, как события бега, во-вторых, как события, в которых агенсом выступает Керим, и, в-третьих, как события, где преодолевается путь длиной 100 метров.

Предикат в (56g), как и предикат в (52e), квантован, а следовательно пределен. Этот анализ, таким образом, можно рассматривать как реконструкцию основной идеи М. Крифки, описанной в разделе 1.1, при помощи метаязыка степенной семантики, которая дает содержательно идентичный результат.

В следующем разделе мы перейдем к более сложной части описываемого в этой статье паттерна: вариативной предельности предикатов с дескрипцией конечной точки.

3.2. Дескрипции конечной точки: модификация шкалы и положительная степень сравнения

Как мы видели выше в (10a–b), повторяемых ниже, дескрипции конечной точки создают предикаты с вариативной предельностью, которые допускают как предельное, так и непредельное прочтение.

(10) Карачаево-балкарский язык: дескрипция конечной точки

- a. Глаголы постепенного достижения: предельность или непредельность
kerim suw-nu eki minut-xa / eki minut altmiš gradus-xa deri zilit-xan-di.
 К. вода-ACC две минута-DAT две минута шестьдесят градус-DAT до нагревать-PFCT-3SG
 1. ‘Керим нагрел воду до 60 градусов за две минуты’.
 2. ‘Керим нагревал воду до 60 градусов две минуты, (но остановился, когда температура достигла 50 градусов)’.
- b. Глаголы способа перемещения: предельность или непредельность
kerim šqol-va eki minut-xa / eki minut cap-xan-di.
 К. школа-DAT две минута-DAT две минута бежать-PFCT-3SG
 1. ‘Керим прибежал в школу за две минуты’.
 2. ‘Керим бежал в школу две минуты, (но затем передумал и отправился в кино)’.

Проблема с вариативной предельностью состоит в следующем. Если дескрипции конечной точки (‘до 60 градусов’ или ‘в школу’), как и в (52)–(56), заполняют позицию степенного аргумента, обеспечивая значением соответствующую переменную, непредельной интерпретации не ожидается. Как только этой переменной присваивается конкретное значение, событийный предикат с неизбежностью становится квантованным.

Таким образом, приходится предположить иной механизм, задействованный в интерпретации дескрипции конечной точки в карачаево-балкарском и аналогичных языках. Гипотеза состоит в том, что такие дескрипции используются не для вычисления степени изменения, а для задания максимального значения на шкале:

(57) Гипотеза о дескрипции конечной точки

Дескрипции конечной точки в карачаево-балкарском и аналогичных языках модифицируют функции, измеряющие степень изменения. Производные функции отличаются от исходных тем, что максимальная степень на шкале определяется дескрипцией конечной точки. Шкалы, которые образуют область значений модифицированных функций, по необходимости оказываются закрытыми сверху. Также эти шкалы закрыты снизу, как и у любых функций, измеряющих степень изменения. Для шкал, закрытых с двух сторон, как обсуждается в разделе 2.3, доступны два стандарта сравнения — минимальный и максимальный. Первый создает предикат с непредельной, второй — с предельной интерпретацией, в точности так же, как для производных глаголов типа английского *dry* ‘сушить’, *сушить* из раздела 2.3.

Для технической реализации гипотезы в (57) понадобятся два дополнительных понятия в (58) и (59): **функции, измеряющей различие, с верхним ограничением** и **функции, измеряющей степень изменения, с верхним ограничением**. Они опираются на соответствующие понятия, введенные в разделе 2.1 в (21) и (23).

(58) **Функция, измеряющая различие, с верхним ограничением**

Для любой измеряющей функции $\mathbf{m}$ из индивидов и временных интервалов в степени на шкале S и для любых степеней $d, d' \in S$, $\mathbf{m}_{d'}^d \uparrow$ функция, измеряющая различие, с верхним ограничением — это функция, обладающая свойствами в (i)—(ii):

- i. Функция определена, если $d' \leq d$.
- ii. Для любых x, t входящих в область определения $\mathbf{m}$,
если $\mathbf{m}(x)(t) < d'$, $\mathbf{m}_{d'}^d \uparrow(x)(t) = 0$;
если $\mathbf{m}(x)(t) \geq d$, $\mathbf{m}_{d'}^d \uparrow(x)(t) = d - d'$;
в прочих случаях $\mathbf{m}_{d'}^d \uparrow(x)(t) = \mathbf{m}(x)(t) - d'$.

(59) **Функция, измеряющая степень изменения, с верхним ограничением**

Для любой измеряющей функции $\mathbf{m}$ из индивидов и интервалов в степени на шкале S и для любой степени $d \in S$, $\mathbf{m}_{\Delta}^d = \lambda x. \lambda e. \mathbf{m}_{m(x)(init(e))}^d \uparrow(x)(fin(e))$,
где $\mathbf{m}_{m(x)(init(e))}^d \uparrow$ — функция, измеряющая различие, с верхним ограничением d , которая опирается на измеряющую функцию $\mathbf{m}$ логического типа $\langle e, \langle i, t \rangle \rangle$, а $init(e)$ и $fin(e)$ — начальная и конечная временные границы события e .

С интуитивной точки зрения функции, измеряющие степень изменения, с верхним ограничением устроены так же, как обычные функции, измеряющие степень изменения, за одним исключением: максимальная степень на соотнесенной с ними шкале определяется дескрипцией конечной точки.

Соответственно, если глагол ‘нагревать’ в (10a), повторяемом как (60), содержит в своем означаемом функцию, измеряющую степень изменения ГРЧ $_{\Delta}$, (61), то после присоединения дескрипции конечной точки создается производная функция с верхним ограничением, (62):

(60) *kerim suw-nu altmiš gradus-xa deri zilit-xan-di.*

К. вода-ACC шестьдесят градус-DAT до нагревать-PFCT-3SG

1. ‘Керим нагрел воду до 60 градусов’.
2. ‘Керим позанимался нагреванием воды до 60 градусов’.

(61) $\|\mathbf{zilit}\| = \lambda x. \lambda e. \text{ГРЧ}_{\Delta}(x)(e)$

(62) $\|\mathbf{zilit altmiš gradusxa deri}\| = \lambda x. \lambda e. \text{ГРЧ}_{\Delta}^{60^{\circ}\text{C}}(x)(e)$

Функция в (62) присоединяет индивид x и событие e и возвращает степень. Согласно (58)—(59), эта степень составляет разность между температурой x -а в начале и конце e , если конечная температура не превышает 60 градусов. В противном случае функция возвращает разность между температурой в 60 градусов и начальной температурой.

Дальнейшие шаги деривации устроены так же, как описано в разделе 2.2: выражение в (62) соединяется с индивидуальным актантами, а затем с морфемой положительной степени. В результате создается событийный предикат в (63):

(63) $\|\text{pos}_V[\mathbf{suw zilit altmiš gradusxa deri}]\| = \lambda e. \text{ГРЧ}_{\Delta}^{60^{\circ}\text{C}}(\text{вода})(e) \geq \text{std}(\text{ГРЧ}_{\Delta}^{60^{\circ}\text{C}})$

Предикат в (63) обозначает события, в которых температура воды на пути к точке в 60 °C выросла на величину, не меньшую стандарта сравнения для изменений рассматриваемого типа. В этот момент становится существенным следующее свойство функций, измеряющих степень изменения, с верхним ограничением:

(64) **Структура шкалы, привязанной к функции, измеряющей степень изменения, с верхним ограничением**

Область значений функции, измеряющей степень изменения, с верхним ограничением — шкала, закрытая с двух сторон.

Закрытость шкалы снизу — общее свойство всех функций, измеряющих степень изменения. Минимальное значение — степень обладания параметрическим свойством в начале события, $\mathbf{m}(x)(init(e))$. Обязательная закрытость сверху возникает благодаря дескрипции конечной точки, однозначно задающей максимальное значение на шкале.

Как обсуждалось в разделе 2.3, стандарт сравнения зависит от структуры шкалы, а именно: от наличия у нее минимального и максимального значения.

(65) **Структура шкалы и стандарт сравнения**

- a. Если шкала S , привязанная к измеряющей функции g , закрыта снизу, $\text{std}(g) = d_{\min}(S)$
- b. Если шкала S , привязанная к измеряющей функции g , закрыта сверху, $\text{std}(g) = d_{\max}(S)$

Сообразно (65), для измеряющих функций, которые получают значения со шкалы, закрытой с двух сторон, доступны оба стандарта сравнения — и минимальный, и максимальный. (63) тем самым сводит-ся к двум событийным предикатам в (66a–b):

- (66) a. $\| \text{pos}_V [\text{suw zilit altmiř gradus-xa deri}] \| = \lambda e. \text{ГРЧ}_{\Delta}^{60^{\circ}\text{C}} (\text{вода})(e) > 0$
 b. $\| \text{pos}_V [\text{suw zilit altmiř gradus-xa deri}] \| = \lambda e. \text{ГРЧ}_{\Delta}^{60^{\circ}\text{C}} (\text{вода})(e) = d_{\text{max}} (S_{\text{ГРЧ}}^{60^{\circ}\text{C}})$

(66a) получается, если в соответствии с (65a) в качестве стандарта сравнения фиксируется минимальное значение. (66b) — второй случай, когда стандарт представляет собой максимальное значение, как в (65b). В экстенционал событийного предиката в (66a) попадают события, где происходит ненулевое изменение температуры воды. То же рассуждение, что и в разделе 2.3, приводит к выводу: если e — это событие, в котором температура воды увеличилась на ненулевую величину, то и любая его собственная часть — это событие, в котором температура увеличилась на (меньшую) ненулевую величину. И событие, и его собственная часть, таким образом, удовлетворяют предикату, что делает последний не-квантованным. (66a) объясняет непредельное прочтение в (60.2).

Предикат (66b) обозначает события, где достигается максимальная степень изменения на пути от исходной температуры к температуре 60°C . Это события, по завершении которых температура воды составляет не менее 60°C . (66b) квантован: с минимальными техническими уточнениями можно показать, что если вода нагрета в максимальной степени в событии e , она не нагрета в такой же степени ни в каком собственном подсобытии e . Так объясняется предельное прочтение в (60.1).

Теория вариативной предельности в духе (66a–b) имеет явную положительную сторону. Она сводит характеристики предикатов, содержащих дескрипцию конечной точки, к уже обсуждавшемуся случаю: вариативной предельности предикатов типа *dry* ‘сушиться, сушить’ из раздела 2.3.

Вариативная предельность *dry* обусловлена тем, что ассоциированная с этим глаголом шкала закрыта с двух сторон, что обеспечивает, в полном соответствии с [Kennedy, Levin 2008], доступность и минимального, и максимального стандартов сравнения. Благодаря первому (‘изменение произошло в нулевой степени’) возникает непредельная интерпретация, благодаря второму (‘изменение произошло в максимальной степени’) — предельная. Ровно такой же механизм отвечает за деривацию двух прочтений в случае с дескрипцией конечной точки, (55)—(56), если анализировать последнюю как модификатор шкалы.

Дополнительное эмпирическое свидетельство в пользу одинакового анализа вариативной предельности предикатов типа непроизводного английского *dry* ‘сушиться, сушить’ и тюркских ‘нагревать до 60°C ’ — сравнительная доступность предельной и непредельной интерпретации. Вслед за [Kearns 2007] К. Кеннеди и Л. Макнелли отмечают, что в нулевом контексте предельная интерпретация предпочтительна, а непредельная затруднена.

- (67) *The shirt dried (but it didn't become dry).*
 ‘Рубашка высохла, но так и не стала сухой’.

Непредельное прочтение становится более доступно при наличии обстоятельств длительности или подходящего экстралингвистического контекста, как в (50), повторяемом в (68):

- (68) *The shirt dried on the line for a few minutes (but was then soaked by a passing shower).*
 ‘Рубашка посушилась на веревке несколько минут (но снова намочила, когда начался ливень)’
 [Kennedy 2012: 107].

Какова бы ни была природа этой асимметрии¹⁴, ее можно использовать для выявления параллелизма английских предикатов с максимальным стандартом и интересующего нас тюркского случая. Можно утверждать, что параллелизм действительно прослеживается:

- (69) *kerim suw-nu altmiř gradus-xa deri zilit-xan-di,*
 К. вода-ACC шестьдесят градус-DAT до нагревать-PFCT-3SG
 (‘amma suw elli gradus-xa deri zilin-di).
 но вода пятьдесят градус-DAT до нагреваться-PST.3SG
 ‘Керим нагревал воду до шестидесяти градусов, но вода нагрелась до пятидесяти градусов’.

¹⁴ Можно заметить, что предложения, в которых утверждается ненулевое изменение, и предложения, сообщающие о максимальном изменении, связаны отношением асимметричного следования: максимальное изменение является ненулевым, но не наоборот. Соответственно, предпочтительность предельной интерпретации, где утверждается максимальное изменение, можно рассматривать как результат ее большей информативности.

В нулевом контексте (69) воспринимается как сомнительное, хотя и не аномальное. По-видимому, в таких предложениях создается эффект садовой дорожки: первая часть по умолчанию понимается предельно, однако противоречащая такому пониманию вторая часть требует сделать шаг назад и изменить интерпретацию на неопредельную. Очевидно, то же самое происходит и в английских предложениях с глаголом *dry* ‘сушиться, сушить’ и аналогичными¹⁵.

Распространение этого анализа на глаголы способа перемещения в пространстве и, соответственно, предложения типа (10b), повторяемого как (70), — задача, как кажется, сугубо техническая.

(70) *kerim şqol-va eki minut-xa / eki minut cap-xan-di.*

К. школа-DAT две минута-DAT две минута бежать-PFCT-3SG

1. ‘Керим прибежал в школу за две минуты’.

2. ‘Керим бежал в школу две минуты, (но затем передумал и отправился в кино)’.

Для ее решения прежде всего понадобится уже известная нам из (55)—(56) функция ПУТЬ_Δ, которая измеряет степень перемещения по пути. Совершив все необходимые шаги в семантической деривации, мы в конечном итоге получаем предикаты в (71), параллельные (66):

(71) a. || **kerim** [pos_v [şqol-va cap-]] || =

λe. агенс(Керим)(e) ∧ бежать(e) ∧ ПУТЬ_Δ^{школа}(Керим)(e) > 0

b. | **kerim** [pos_v [şqol-va cap-]] || =

λe. агенс(Керим)(e) ∧ бежать(e) ∧ ПУТЬ_Δ^{школа}(Керим)(e) = d_{max}(S_{ПУТЬ_Δ^{школа})}

Как и в (66a–b), второй предикат, (71b), квантован, а первый, (71a), — нет, и вариативная предельность глаголов способа перемещения полностью сводится к случаю глаголов постепенного достижения.

Краткая сумма наблюдений и обобщений этого раздела: дескрипции конечной точки — модификаторы шкалы. Они задают максимум, которого достигает степень обладания параметрическим свойством, изменяющаяся при осуществлении события. Шкала, к которой привязана обозначаемая глаголом функция, измеряющая степень изменения, тем самым оказывается закрыта с двух сторон. Вариативная предельность следует из этого без каких-либо дополнительных допущений.

Таким образом, у нас есть объяснение вариативной предельности для карачаево-балкарского и аналогичных языков. Механизм интерпретации дескрипций конечной точки, стоящий за этим объяснением, однако, невозможно предположить для языков типа английского, в которых вариативной предельности не наблюдается. В свете сказанного обязательная предельность английских предложений типа (1) и (4) из раздела 1.1 нуждается в дополнительном обсуждении, предлагаемом ниже.

3.3. Межъязыковое варьирование и его источники

Одно из основных наблюдений раздела 1 состояло в том, что предельность предикатов, содержащих дескрипцию конечной точки, подвержена межъязыковому варьированию. Имеются языки, в которых она обязательна. В других языках, в частности в карачаево-балкарском, она факультативна, и кроме предельной интерпретации доступна неопредельная (см. таблицу 1; релевантная информация повторяется в (72)).

(72) Предельность предикатов с дескрипцией конечной точки

Английский язык: предикаты с дескрипцией конечной точки предельны.

Карачаево-балкарский язык: предикаты с дескрипцией конечной точки предельны или неопредельны.

Естественный вопрос, возникающий в этом месте, — об источнике межъязыкового варьирования, описанного в (72). Ответ подсказывается логикой предшествующих рассуждений.

Выше мы видели два типа деривации, в которых участвуют функции, измеряющие степень изменения, — деривацию посредством μ и деривацию посредством pos_v. Первая создает степенной аргумент, позиция которого заполняется эксплицитным обозначением степени изменения. Вторая сопоставляет степень изменения со стандартом сравнения.

¹⁵ Мы признательны анонимному рецензенту «Урало-алтайских исследований», носителю литературного карачаево-балкарского языка, который предложил параллельный пример для глагола способа перемещения *чабаргъа* ‘бежать’, отметив, что без эксплицитного правого контекста приемлемость (i) заметно снижается:

(i) *Керим школ-гъа эки минут чаб-хан-ды да, ар-ыб, солу-ргъа тохта-гъан-ды.*

К. школа-DAT два минута бежать-PFCT-3SG PTCL уставать-CONV отдыхать-INF останавливаться-PFCT-3SG

‘Керим бежал в школу две минуты, но, устав, остановился отдохнуть’.

Благодаря обсуждению в разделе 2.3 становится явным следующий факт:

(73) **Предельность предикатов, в деривации которых участвует pos_v**

Деривация посредством pos_v несовместима с обязательной предельностью.

Действительно, деривация посредством pos_v отождествляет степень изменения со стандартом сравнения. Стандарт сравнения определяется закрытостью шкалы. Шкалы, привязанные к функциям, измеряющим степень изменения, которые обозначают глаголы способа перемещения и глаголы постепенного достижения, бывают двух типов: закрытые только снизу и закрытые с обеих сторон. В первом случае в результате создается неопредельный предикат, во втором — предикат с вариативной предельностью. Предиката, у которого неопредельная интерпретация невозможна, в результате такой деривации получиться попросту не может.

Следовательно, всякий раз, когда предикат обнаруживает обязательную предельность, мы имеем дело с деривацией, похожей на деривацию посредством μ , в которой степень изменения не сравнивается со стандартом сравнения, а получает эксплицитное значение. Это делает предикат квантованным. Мы подходим к выводу в (74):

(74) **Деривация предикатов с дескрипцией конечной точки в английском и аналогичном языках**

У предикатов, которые имеют только предельную интерпретацию, дескрипция конечной точки задает степень изменения. Такие предикаты создаются вариантом деривации посредством μ .

Деривация посредством μ для предложения типа (75a) формирует квантованный предикат в (75b):

(75) a. *The crack widened three meters.*

b. $\| \text{three meters } \mu [\text{the crack widen}] \| = \lambda e. \text{ШРК}_{\Delta}(\text{crack})(e) = 3m$

В (75b) выражение *three meters* ‘три метра’ выступает обозначением степени изменения ширины. Можно предположить, что в английском языке дескрипции конечной точки интерпретируются с помощью аналогичного механизма, с тем минимальным отличием, что степень изменения представлена как разность степеней, соответствующих начальной и конечной точкам. Этот вариант оператора μ показан в (76):

(76) **Степень изменения как разность**

$\| \mu_{\text{subtraction}} \| = \lambda g_{\langle v, d \rangle}. \lambda d. \lambda d'. \lambda e. g(e) = d - d'$

$\mu_{\text{subtraction}}$ в (76) присоединяет функцию, измеряющую степень изменения g , две степени d и d' , а также событие e . Она возвращает значение 1 ровно в том случае, если степень изменения $g(e)$ — это разность между d и d' .

Шаги деривации с использованием этого варианта μ для предложения, повторяемого как (77), показаны в (78)—(81).

(77) *Mary heated the water to 90 °C.*

‘Маша нагрела воду до 90 °C’.

После применения $\mu_{\text{subtraction}}$ в (76) к денотату глагольной группы в (78) создается отношение между двумя степенями, соответствующими начальной и конечной температуре, и событиями в (79).

(78) $\| [\text{heat the water}] \|^{g} = \lambda e. \text{ГРЧ}_{\Delta}(\text{вода})(e)$

(79) $\| \mu_{\text{subtraction}} [\text{heat the water}] \|^{g} = \lambda d. \lambda d'. \lambda e. \text{ГРЧ}_{\Delta}(\text{вода})(e) = d - d'$

Первая степень обозначается дескрипцией конечной точки, вторая, как и в (7a–b) в разделе 1.1, предполагается контекстно заданной. Как и в (7a–b), контекстная заданность описывается в терминах фоновой логически невыраженной переменной. После заполнения обеих позиций степенного аргумента получается событийный предикат в (80):

(80) $\| [\text{from } y_3 \text{ to } 90^{\circ}\text{C } \mu_{\text{subtraction}} [\text{heat the water}]] \|^{g} = \lambda e. \text{ГРЧ}_{\Delta}(\text{вода})(e) = 90^{\circ}\text{C} - g(3)$

Предикат в (80) описывает события, в которых температура воды изменяется на разность между 90 °C и начальной температурой $g(3)$. Этот предикат квантован — ровно по той же причине, по которой квантован предикат в (75b). Поскольку изменение температуры происходит градуально, никакая собственная часть события, в которой температура увеличивается на конкретную величину, а именно на 90 °C — $g(3)$, не является событием, где происходит такое же увеличение. Это объясняет предельность предложений типа (77).

Как и в разделе 3.2, анализ глаголов постепенного достижения без дополнительных усилий распространяется на глаголы способа перемещения и, соответственно, предложения типа (1), повторяемого как (81).

(81) *Mary walked to the park in an hour.*

‘Маша пришла в парк за час’.

Для (81) также используется измеряющая функция ПУТЬ_Δ из (55)—(56) и (71). Кроме того, дескрипции конечной точки наподобие *to the park* ‘в парк’, вероятно, было бы антиинтуитивно рассматривать как имена степеней (в отличие от выражений типа 90°C). Таким образом, понадобится функция «степенного следа», сопоставляющая пространственному объекту степень на шкале, соотнесенной с ПУТЬ_Δ. Если эту функцию обозначить как δ , для предложения (81) мы получим предикат в (82).

(82) || **Mary** [from z_{18} **to the park** $\mu_{\text{subtraction}}$ [**walk**]] || = λe . агенс(Маша)(e) $\wedge$ гулять(e) $\wedge$ ПУТЬ_Δ(Маша)(e) = $\delta(\text{парк}) - \delta(g(18))$

Предикат в (82) имеет структуру, с точностью до констант параллельную (80). Как и (80), он квантован и тем самым определен.

Наш сюжет исчерпан. Мы готовы суммировать результаты исследования.

4. Сумма наблюдений

Основная проблема, решению которой посвящена эта статья, — объяснение акциональных интерпретаций, возникающих при соединении глаголов постепенного достижения и глаголов способа перемещения с дескрипциями меры (‘сто метров’ в ‘пробежать сто метров’; ‘на десять градусов’ в ‘нагреть на десять градусов’) и конечной точки (‘в школу’ в ‘прибежать в школу’; ‘до девяноста градусов’ в ‘нагреть до девяноста градусов’).

Мы обсудили две типологически засвидетельствованные возможности:

- обязательная предельность обоих типов предикатов с обоими дескрипциями (английский язык и аналогичные);
- обязательная предельность с дескрипциями меры и вариативная предельность с дескрипциями конечной точки (карачаево-балкарский язык и аналогичные).

Следуя идеям К. Кеннеди и Б. Левин, мы предположили, что оба класса глаголов обозначают функции, измеряющие степень изменения параметрического свойства. Для таких функций есть два пути деривации. При первом («деривация посредством μ ») степень изменения становится аргументом функции. Это путь к обязательной предельности. Так создаются предикаты с дескрипциями меры в обоих языках. Кроме того, тем же способом с незначительной модификацией интерпретируются дескрипции конечной точки в английском языке. Хотя дескрипции конечной точки не обозначают степень изменения непосредственно, с их помощью она однозначно вычисляется. Степень изменения — это разность степеней в конечной и начальной точках.

В карачаево-балкарском языке и аналогичных для дескрипции конечной точки есть и второй путь: они определяют максимальную степень на шкале, привязанной к измеряющей функции. Шкала оказывается закрыта с двух сторон, что делает доступными два стандарта сравнения — минимальный и максимальный. Первый создает предикат с неопредельной интерпретацией, второй — с предельной. Это объясняет вариативную предельность таких предикатов.

Сокращения

3SG — 3-е лицо единственное число
ACC — аккузатив
CONV — деепричастие

DAT — датив
INF — инфинитив
LOC — локатив

PFCT — перфект
PST — прошедшее время
PTCL — частица

Литература

Акбаев 1999 — Ш. Х. Акбаев. Диалекты карачаево-балкарского языка в структурно-генетическом и ареальном освещении. Карачаевск, 1999.

Алиев 1930 — У. Б. Алиев. Карачаево-балкарская грамматика. Кисловодск, 1930.

Алиев 1972 — У. Б. Алиев. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1972.

- Ахматов 1968 — *И. Х. Ахматов*. Главные члены предложения и средства их выражения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1968.
- Ахматов 1983 — *И. Х. Ахматов*. Структурно-семантические модели простого предложения в современном карачаево-балкарском языке (основные вопросы теории). Нальчик, 1983.
- Боровков 1935 — *А. К. Боровков*. Очерки карачаево-балкарской грамматики // *Языки Северного Кавказа и Дагестана*. Вып. 1. М.; Л., 1935. С. 11—50.
- Додуева 1997 — *А. Т. Додуева*. Формально-семантические модели простых предложений с предикатами движения в карачаево-балкарском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1997.
- Жаппуев (ред.) 1982 — *А. А. Жаппуев* (отв. ред.). Актуальные вопросы карачаево-балкарской грамматики и лексики. Нальчик, 1982.
- Кодзасов 2002 — *С. В. Кодзасов*. Черекский говор карачаево-балкарского языка. Фонетический очерк. Рукопись. М., 2002.
- Кибрик 1972 — *А. Е. Кибрик*. Методика полевых исследований: к постановке проблемы. М., 1972.
- Лютикова и др. 2006 — *Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Б. Шлуинский, А. Г. Пазельская*. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006.
- Лизунова 1991 — *Р. Д. Лизунова*. Семантика аналитических конструкций с глаголами движения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1991.
- Майсак 2005 — *Т. А. Майсак*. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Насилов 1989 — *Д. М. Насилов*. Проблемы тюркской аспектологии. Акциональность. Л., 1989.
- Отаров (ред.) 2002 — *И. М. Отаров* (отв. ред.). Вопросы лексики, грамматики и семантики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 2002.
- Сылпагаров 1999 — *Х. М. Сылпагаров*. Особенности строя карачаево-балкарского языка. Алгоритмы построения производных грамматических единиц. Карачаевск, 1999.
- Татевосов 2009 — *С. Г. Татевосов*. Аспектуальная композиция // *С. Г. Татевосов* (отв. ред.). Тубаларские этюды. М., 2009. С. 78—133.
- Татевосов 2016 — *С. Г. Татевосов*. Глагольные классы и типология акциональности. М., 2016.
- Татевосов 2017 — *С. Г. Татевосов*. Система глагольных категорий // *С. Г. Татевосов* и др. (ред.). Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект. М., 2017. С. 53—156.
- Текуев 1973 — *М. М. Текуев*. Сложные глаголы в карачаево-балкарском языке (депричастия с вспомогательными глаголами) в сравнительном плане. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
- Улаков 2016 — *М. З. Улаков* (отв. ред.). Современный карачаево-балкарский язык: В 2 ч. Ч. 1. Нальчик, 2016.
- Урусбиев 1963 — *И. Х. Урусбиев*. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1963.
- Филоненко 1940 — *В. И. Филоненко*. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940.
- Хабичев 1966 — *М. А. Хабичев*. Карачаево-балкарский язык // *Н. А. Баскаков* (отв. ред.). Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. С. 213—233.
- Хапчаева 1989 — *Т. Х. Хапчаева*. Способы выражения длительности в карачаево-балкарском и русском языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
- Чеченов, Ахматов 1997 — *А. А. Чеченов, И. Х. Ахматов*. Карачаево-балкарский язык // *Е. Р. Тенишев, Е. А. Поцелуевский, И. В. Кормушин, А. А. Кибрик* (отв. ред.). Языки мира. Тюркские языки. М., 1997.
- Beavers 2009 — *J. Beavers*. Multiple Incremental Themes and Figure/Path Relations // *T. Friedman, S. Ito* (eds.). SALT XVIII. Ithaca, 2009. P. 90—107.
- Beavers 2011 — *J. Beavers*. On Affectedness // *Natural Language and Linguistic Theory*. 2011, 29. P. 335—370.
- Beavers, Koontz-Garboden 2020 — *J. Beavers, A. Koontz-Garboden*. The Roots of Verbal Meaning. Oxford, 2020.
- Caudal, Nicolas 2004 — *P. Caudal, D. Nicolas*. Types of degrees and types of event structures // *C. Maienborn, A. Wollstein-Leisten* (eds.). Event arguments: Foundations and applications. Tübingen, 2004.
- Champollion 2017 — *L. Champollion*. Parts of a whole: Distributivity as a bridge between aspect and measurement. Oxford, 2017.
- Chomsky 1995 — *N. Chomsky*. Bare phrase structure // *G. Webelhuth* (ed.). Government and Binding Theory and the Minimalist Program. Cambridge, 1995. P. 383—439.
- Dowty 1979 — *D. Dowty*. Word meaning and Montague grammar: The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ. Dordrecht, 1979.
- Hay et al. 1999 — *J. Hay, Ch. Kennedy, B. Levin*. Scale structure underlies telicity in 'degree achievements' // *T. Matthews, D. Strolowitch* (eds.). SALT 9. Ithaca, 1999. P. 127—144.
- Heim, Kratzer 1998 — *I. Heim, A. Kratzer*. Semantics in generative grammar. Oxford: Blackwell Publishers, 1998.
- Kearns 2007 — *K. Kearns*. Telic senses of deadjectival verbs // *Lingua*. 2007, 117. P. 26—66
- Kennedy 2007 — *Ch. Kennedy*. Vagueness and grammar // *Linguistics and Philosophy*. 2007, 30. P. 1—45.

- Kennedy 2012 — *Ch. Kennedy*. The composition of incremental change // *V. Demonte, L. McNally* (eds.). *Telicity, Change, State: A Cross-Categorial View of Event Structure*. Oxford, 2012. P. 103—121.
- Kennedy, Levin 2002 — *Ch. Kennedy, B. Levin*. Telicity corresponds to degree of change. Handout. UCLA, 2002.
- Kennedy, Levin 2008 — *Ch. Kennedy, B. Levin*. Measure of Change: The Adjectival Core of Degree Achievements // *L. McNally, Ch. Kennedy* (eds.). *Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics and Discourse*. Oxford, 2008. P. 156—182.
- Kennedy, McNally 2005 — *Ch. Kennedy, L. McNally*. Scale structure and the semantic typology of gradable predicates // *Language*. 2005, 81. P. 345—381.
- Kratzer 1996 — *A. Kratzer*. Severing the External Argument from its Verb // *J. Rooryck, L. Zaring* (eds.). *Phrase Structure and the Lexicon*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1996. P. 109—137.
- Krifka 1992 — *M. Krifka*. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // *I. Sag, A. Szabolsci* (eds.). *Lexical matters*. Stanford: CSLI, 1992. P. 29—53.
- Krifka 1998 — *M. Krifka*. The origins of telicity // *S. Rothstein* (ed.). *Events and Grammar*. Dordrecht, 1998. P. 197—235.
- Piñón 2008 — *Ch. Piñón*. Aspectual composition with degrees // *L. McNally, Ch. Kennedy* (eds.). *Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics and Discourse*. Oxford, 2008. P. 183—219.
- Rotstein, Winter 2004 — *C. Rotstein, Y. Winter*. Total adjectives vs. partial adjectives: Scale structure and higher-order modifiers // *Natural Language Semantics*. 2004, 12. P. 259—88.
- Svenonius, Kennedy 2006 — *P. Svenonius, Ch. Kennedy*. Northern Norwegian Degree Questions and the Syntax of Measurement // *M. Frascarelli* (ed.). *Phases of Interpretation*. Berlin, 2006. P. 133—161.
- Winter 2006 — *J. Winter*. Closure and telicity across categories // *Semantics and Linguistic Theory*. 2006, 16. P. 329—346.

References

- Akbaev 1999 — Sh.Kh. Akbaev. Dialekty karachaevo-balkarskogo yazyka v strukturno-geneticheskom i areal'nom osheshchenii. Karachaevsk, 1999. {Sh.Kh. Akbayev. Dialects of Karachay-Balkar in structural-genetic and areal perspective. Karachaevsk, 1999.}
- Akhmatov 1968 — I. Kh. Akhmatov. Glavnye chleny predlozheniya i sredstva ikh vyrazheniya v sovremennom karachaevo-balkarskom yazyke. Nal'chik, 1968. {I. H. Akhmatov. The main components of the sentence and means of their expression in modern Karachay-Balkar. Nalchik, 1968.}
- Akhmatov 1983 — I. Kh. Akhmatov. Strukturno-semanticheskie modeli prostogo predlozheniya v sovremennom karachaevo-balkarskom yazyke (osnovnye voprosy teorii). Nal'chik, 1983. {I. H. Akhmatov. Structural and semantic models of a sentence in modern Karachay-Balkar (basic ingredients of a theory). Nalchik, 1983.}
- Aliiev 1930 — U. B. Aliiev. Karachaevo-balkarskaya grammatika. Kislovodsk, 1930. {U. B. Aliyev. Karachay-Balkar grammar. Kislovodsk, 1930.}
- Aliiev 1972 — U. B. Aliiev. Sintaksis karachaevo-balkarskogo yazyka. Moskva, 1972. {U. B. Aliyev. Syntax of Karachay-Balkar. Moscow, 1972.}
- Beavers 2009 — J. Beavers. Multiple Incremental Themes and Figure/Path Relations. In: T. Friedman, S. Ito (eds.). *SALT XVIII*. Ithaca: Cornell University, 2009. P. 90—107.
- Beavers 2011 — J. Beavers. On Affectedness. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2011, 29. P. 335—370.
- Beavers, Koontz-Garboden 2020 — J. Beavers, A. Koontz-Garboden. *The Roots of Verbal Meaning*. Oxford: Oxford University Press, 2020.
- Borovkov 1935 — A. K. Borovkov. Ocherki karachaevo-balkarskoj grammatiki. In: *Yazyki Severnogo Kavkaza i Dagestana*. Vyp. 1. Moskva; Leningrad, 1935. S. 11—50. {A. K. Borovkov. Essays in Karachay-Balkar grammar. In: *Languages of the North Caucasus and Dagestan*. Issue 1. Moscow; Leningrad, 1935. P. 11—50.}
- Caudal, Nicolas 2004 — P. Caudal, D. Nicolas. Types of degrees and types of event structures. In: C. Maienborn, A. Wollstein-Leisten (eds.). *Event arguments: Foundations and applications*. Tübingen: Niemeyer, 2004.
- Champollion 2017 — L. Champollion. *Parts of a whole: Distributivity as a bridge between aspect and measurement*. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- Chechenov, Akhmatov 1997 — A. A. Chechenov, I. Kh. Akhmatov. Karachaevo-balkarskii yazyk. In: E. R. Tenishev, E. A. Potseluevskii, I. V. Kormushin, A. A. Kibrik (otv. red.). *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki*. Moskva, 1997. {A. A. Chechenov, I. H. Akhmatov. Karachay-Balkar. In: E. R. Tenishev, E. A. Potseluyevsky, I. V. Kormushin, A. A. Kibrik (eds.). *Languages of the world. Turkic languages*. Moscow, 1997.}
- Chomsky 1995 — N. Chomsky. Bare phrase structure. In: G. Webelhuth (ed.). *Government and Binding Theory and the Minimalist Program*. Cambridge: Blackwell, 1995. P. 383—439.
- Dodueva 1997 — A. T. Dodueva. Formal'no-semanticheskie modeli prostykh predlozhenii s predikatami dvizheniya v karachaevo-balkarskom yazyke. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Makhachkala, 1997. {A. T. Dodueva. Formal semantic models of simple sentences with movement predicates in Karachay-Balkar. Summary of the PhD thesis. Makhachkala, 1997.}

- Dowty 1979 — D. Dowty. Word meaning and Montague grammar: The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ. Dordrecht: Reidel, 1979.
- Filonenko 1940 — V. I. Filonenko. Grammatika balkarskogo yazyka. Nal'chik, 1940. {V. I. Filonenko. Grammar of Balkar. Nalchik, 1940.}
- Hay et al. 1999 — J. Hay, Ch. Kennedy, B. Levin. Scale structure underlies telicity in 'degree achievements'. In: T. Matthews, D. Strolovitch (eds.). SALT 9. Ithaca: CLC Publications, 1999. P. 127—144.
- Heim, Kratzer 1998 — I. Heim, A. Kratzer. Semantics in generative grammar. Oxford: Blackwell Publishers, 1998.
- Kearns 2007 — K. Kearns. Telic senses of deadjectival verbs. In: *Lingua*. 2007, 117. P. 26—66.
- Kennedy 2007 — Ch. Kennedy. Vagueness and grammar. In: *Linguistics and Philosophy*. 2007, 30. P. 1—45.
- Kennedy 2012 — Ch. Kennedy. The composition of incremental change. In: V. Demonte, L. McNally (eds.). *Telicity, Change, State: A Cross-Categorial View of Event Structure*. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 103—121.
- Kennedy, Levin 2002 — Ch. Kennedy, B. Levin. Telicity corresponds to degree of change. Handout. UCLA, 2002.
- Kennedy, Levin 2008 — Ch. Kennedy, B. Levin. Measure of Change: The Adjectival Core of Degree Achievements. In: L. McNally, C. Kennedy (eds.). *Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics and Discourse*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 156—182.
- Kennedy, McNally 2005 — Ch. Kennedy, L. McNally. Scale structure and the semantic typology of gradable predicates. In: *Language*. 2005, 81. P. 345—381.
- Khabichev 1966 — M. A. Khabichev. Karachaevo-balkarskii yazyk. In: N. A. Baskakov (otv. red.). *Yazyki narodov SSSR. T. 2. Tyurkskie yazyki*. Moskva, 1966. S. 213—233. {M. A. Khabichev. Karachay-Balkar. In: N. A. Baskakov (ed.). *Languages of the USSR. Vol. 2. Turkic languages*. Moscow, 1966. P. 213—233.}
- Khapchaeva 1989 — T. Kh. Khapchaeva. Sposoby vyrazheniya dlitel'nosti v karachaevo-balkarskom i russkom yazykakh. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1989. {T. H. Khapchaeva. Ways of expressing duration in Karachay-Balkar and Russian. Summary of the PhD thesis. Moscow, 1989.}
- Kibrik 1972 — A. E. Kibrik. Metodika polevykh issledovanij: k postanovke problemy. Moskva, 1972. {A. E. Kibrik. *Methods of field linguistics: Setting the stage*. Moscow, 1972.}
- Kodzasov 2002 — S. V. Kodzasov. Cherekskii govor karachaevo-balkarskogo yazyka. Foneticheskii ocherk. Rukopis'. Moskva, 2002. {S. V. Kodzasov. The Cherek dialect of Karachay-Balkar. An essay in phonetics. Ms. Moscow, 2002.}
- Kratzer 1996 — A. Kratzer. Severing the External Argument from its Verb. In: J. Rooryck, L. Zaring (eds.). *Phrase Structure and the Lexicon*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1996. P. 109—137.
- Krifka 1992 — M. Krifka. Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution. In: I. Sag, A. Szabolsci (eds.). *Lexical matters*. Stanford: CSLI, 1992. P. 29—53.
- Krifka 1998 — M. Krifka. The origins of telicity. In: S. Rothstein (ed.). *Events and Grammar*. Dordrecht: Kluwer, 1998. P. 197—235.
- Lizunova 1991 — R. D. Lizunova. Semantika analiticheskikh konstruktssii s glagolami dvizheniya. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Alma-Ata, 1991. {R. D. Lizunova. Semantics of analytical constructions with verbs of movement. Summary of the PhD thesis. Alma-Ata, 1991.}
- Lyutikova i dr. 2006 — E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov, M. Yu. Ivanov, A. B. Shluinskii, A. G. Pazel'skaya. Struktura sobytiya i semantika glagola v karachaevo-balkarskom yazyke. Moskva, 2006. {E. A. Lyutikova, S. G. Tatevosov, M. Y. Ivanov, A. B. Shluinsky, A. G. Pazelskaya. Event structure and verbal meaning in Karachay-Balkar. Moscow, 2006.}
- Maisak 2005 — T. A. Maisak. Tipologiya grammatikalizatsii konstruktssii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2005. {T. A. Maysak. Typology of grammaticalization of the constructions with verbs of motion and position. PhD thesis. Moscow, 2005.}
- Nasilov 1989 — D. M. Nasilov. Problemy tyurkskoi aspektologii. Aktsional'nost'. Leningrad, 1989. {D. M. Nasilov. *Topics in Turkic aspectology. Actionality*. Leningrad, 1989.}
- Otarov (red.) 2002 — I. M. Otarov (otv. red.). Voprosy leksiki, grammatiki i semantiki karachaevo-balkarskogo yazyka. Nal'chik, 2002. {I. M. Otarov (ed.). *Issues in the lexicon, grammar and semantics of Karachay-Balkar*. Nalchik, 2002.}
- Piñón 2008 — Ch. Piñón. Aspectual composition with degrees. In: L. McNally, C. Kennedy (eds.). *Adjectives and Adverbs: Syntax, Semantics and Discourse*. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 183—219.
- Rotstein, Winter 2004 — C. Rotstein, Y. Winter. Total adjectives vs. partial adjectives: Scale structure and higher-order modifiers. In: *Natural Language Semantics*. 2004, 12. P. 259—88.
- Svenonius, Kennedy 2006 — P. Svenonius, Ch. Kennedy. Northern Norwegian Degree Questions and the Syntax of Measurement. In: M. Frascarelli (ed.). *Phases of Interpretation*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 133—161.
- Sylpargarov 1999 — Kh.M. Sylpargarov. Osobennosti stroya karachaevo-balkarskogo yazyka. Algoritmy postroeniya proizvodnykh grammaticheskikh edinit. Karachaevesk, 1999. {H. M. Silpargarov. Features of the structure of Karachay-Balkar. Algorithms for constructing derived grammatical items. Karachaevesk, 1999.}
- Tatevosov 2009 — S. G. Tatevosov. Aspektual'naya kompozitsiya. In: S. G. Tatevosov (otv. red.). *Tubalarskie ehtyudy*. Moskva, 2009. S. 78—133. {S. G. Tatevosov. Aspectual composition. In: S. G. Tatevosov (ed.). *Studies in Tubalar*. Moscow, 2009. P. 78—133.}

Tatevosov 2016 — S. G. Tatevosov. Glagol'nye klassy i tipologiya aktsional'nosti. Moskva, 2016. {S. G. Tatevosov. Verb classes and a typology of actionality. Moscow, 2016.}

Tatevosov 2017 — S. G. Tatevosov. Sistema glagol'nykh kategorii. In: S. G. Tatevosov i dr. (red.). Ehlementy tatarskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Misharskii dialekt. Moskva, 2017. S. 53—156. {S. G. Tatevosov. The system of verbal categories. In: S. G. Tatevosov et al. (ed.). Elements of Tatar in a typological perspective. Mishar dialect. Moscow, 2017. P. 53—156.}

Tekuev 1973 — M. M. Tekuev. Slozhnye glagoly v karachaevo-balkarskom yazyke (deeprichastiya s vspomogatel'nymi glagolami) v sravnitel'nom plane. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1973. {M. M. Tekuev. Compound verbs in Karachay-Balkar (adverbs plus auxiliaries) in a comparative perspective. Summary of the PhD thesis. Moscow, 1973.}

Ulakov 2016 — M. Z. Ulakov (otv. red.). Sovremennyyi karachaevo-balkarskii yazyk: V 2 ch. Ch. 1. Nal'chik, 2016. {M. Z. Ulakov (ed.). Modern Karachay-Balkar: In 2 parts. Part 1. Nalchik, 2016.}

Urusbiev 1963 — I. Kh. Urusbiev. Spryazhenie glagola v karachaevo-balkarskom yazyke. Cherkessk, 1963. {I. H. Urusbiev. Verb conjugation in Karachay-Balkar. Cherkessk, 1963.}

Winter 2006 — J. Winter. Closure and telicity across categories. In: Semantics and Linguistic Theory. 2006, 16. P. 329—346.

Zhappuev (red.) 1982 — A. A. Zhappuev (otv. red.). Aktual'nye voprosy karachaevo-balkarskoi grammatiki i leksiki. Nal'chik, 1982. {A. A. Zhappuev (ed.). Current issues in Karachay-Balkar grammar and lexicon. Nalchik, 1982.}

The Oxford guide to the Uralic languages
M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.).
Oxford: Oxford University Press, 2022. xlix + 1115 p.

Кашкин Егор Владимирович,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва); egorka1988@gmail.com

1. Введение

Существует целый ряд изданий, содержащих обзорные сведения об уральских языках — их историческом развитии, социолингвистическом положении, фонетике, грамматике и лексике (см., например, [Collinder 1957; Лыткин и др. (ред.) 1974; 1975; 1976; Елисеев и др. (ред.) 1993; Abondolo (ed.) 1998]). В последние десятилетия изучение уральских языков значительно продвинулось благодаря как учету достижений лингвистической теории и типологии, так и активизации корпусных и полевых исследований. Поэтому назрела необходимость в их глубоком сопоставительном описании, которое было бы адекватно включено в современный научный контекст. Рецензируемая книга решает эту задачу, являясь частью выходящей в издательстве «Oxford University Press» серии сборников о различных группах языков мира — романских [Ledgeway, Maiden (eds.) 2016], трансъевразийских¹ [Robeets, Savelyev (eds.) 2020], австралийских [Bowern (ed.) 2023], малайско-полинезийских [Adelaar, Schapper (eds.) 2023]. Редакторы и авторы книги — опытные специалисты по уральским языкам и носители некоторых из них: М. Бакро-Надь, Й. Лааксо, Е. К. Скрибник, Дж. Брэдли, С. И. Буркова, Р. Грюнталь, Ф. Зигль, О. А. Казакевич, Г. Клумпп, М. Рисслер, Ю. Юликоски и др. (всего 43 участника публикации).

Издание состоит из трех крупных частей. В **части 1** («The making of the Uralic languages») обсуждается история уральских языков, социолингвистическая ситуация, развитие литературных стандартов. **Часть 2** («Language descriptions») включает очерки по конкретным языкам. В **части 3** («General issues and case studies») дается сопоставительный обзор языковых явлений, относящихся к различным уровням.

Прежде чем перейти к подробному разбору каждой из частей, остановимся на принципах подачи материала в книге. Они выгодно отличаются от предшествующих подобных изданий своей типологической ориентацией и доступностью для читателей, не знакомых с уральскими языками и с распространенными в уралоистике конвенциями. Примеры из языков, для которых не разработан орфографический стандарт на основе латиницы, приводятся не в каком-либо из вариантов финно-угорской транскрипции, а в системе Международного фонетического алфавита (ИФА); во многих случаях это дополняется (но не заменяется) записью в традиционной кириллической орфографии. Языковые примеры сопровождаются поморфемным глоссированием.

2. Часть 1: история, социолингвистика, письменность

Часть 1 состоит из шести глав. **Глава 1** посвящена проблемам реконструкции прауральского языка. В ней проанализированы предлагавшиеся в литературе варианты генетической классификации уральских языков. Обсуждаются существующие решения в области фонологической реконструкции, в первую очередь с опорой на работы [Janhunen 1981; Sammallahti 1988]. Устройство реконструированных систем соотносится с представлениями современной фонологической типологии. Аргументируются гипотезы об артикуляционных характеристиках, стоящих за реализациями различных фонем. Отмечаются закономерности в фонотактике и морфонологии, которые могут быть с той или иной степенью уверенности реконструированы на прауральском уровне. Также дается обзор исследований, касающихся морфологической и синтаксической реконструкции; оговаривается ряд лакун, которые существуют в этих областях. Приводятся классифицированные по семантическим группам примеры лексем, реконструированных на прауральском уровне. Затронут вопрос внешних связей прауральского языка.

---

¹ По сути указанный том посвящен алтайским языкам. В тексте мы сохранили терминологию его авторов.

Глава 2 логически продолжает предыдущую главу и суммирует сведения об этапах развития языков-потомков прауральского. Обсуждаются праязыки более низкого уровня: прафинский, прасаамский, прамордовский, прамарийский, прапермский, прасамодийский. Относительно угорских языков высказываются сомнения в существовании единого праязыка, поэтому история хантыйского, мансийского и венгерского рассматривается по отдельности. Анализ опирается на комплекс разносторонних методик. Так, предпринимается попытка реконструировать контакты перечисленных праязыков, основываясь на источниках тех массивов заимствований, которые удастся выявить в них (ср. древние болгарские, балтийские, (индо)иранские заимствования в мордовских языках наряду с более поздними татарскими и русскими). В связи с этим уделяется внимание и топонимическим данным. Выдвигаются предположения о прародине и типичных занятиях носителей тех или иных языков на основе того, какие семантические группы лексики реконструируются в них, а какие нет (в английском тексте книги за этим подходом стоит термин *palaeolinguistics*). Например, для прасаамского языка продуктивно реконструируется лексика, связанная с охотой на дикого оленя (что, по-видимому, было значимым занятием носителей), а для прапермского — названия растений (дуба, орешника, сибирской сосны), распространенных в таком сочетании в бассейне Камы.

В **главе 3** рассматривается становление литературного стандарта уральских языков, имеющих официальный статус на уровне целых государств, — венгерского, финского и эстонского. Обсуждение начинается с периода Средних веков. Дается краткая историческая справка о первых письменных памятниках на указанных языках. Характеризуются главные принципы, на которых были основаны их графические системы. Далее в более широком историческом контексте описаны последующие процессы развития литературных языков и сферы их использования в различные периоды. Упомянуты, в частности, орфографические изменения, примеры проявления языкового пуризма, проблемы выбора опорных диалектов для литературных языков. Также дается очерк языковой ситуации в Венгрии, Финляндии и Эстонии в XX—XXI вв. Отдельно освещается вопрос сохранения соответствующих языков в диаспорах.

Глава 4 посвящена миноритарным уральским языкам (и в некоторых случаях территориальным разновидностям крупных языков), находящимся под угрозой исчезновения, и деятельности по их сохранению и ревитализации. Степень сохранности языков оценивается исходя из принятых в мировой практике критериев: межпоколенческой передачи, количества носителей, сфер использования языка, присутствия языка в системе образования и наличия учебных материалов, юридического статуса языка, отношения к языку в сообществе, существующего уровня документации. Приводится множество конкретных иллюстраций, основанных в том числе на собственном исследовательском и практическом опыте авторов (например, достаточно подробно раскрывается практика организации языковых гнезд в разных регионах).

Социолингвистическая тематика продолжается в **главе 5**, где обсуждается языковая политика в России — и в целом, и с большей подробностью в том, что касается уральских языков. Приводится очерк истории языковой политики со времен царской России и до наших дней (для заинтересованных этой проблематикой читателей может быть полезен и подробный текст в [Беликов, Крысин 2001: 332—414]). Кратко обсуждается ситуация в отдельных регионах России, где распространены уральские языки. В целом эта глава, как и текст касающихся языков России фрагментов **главы 4**, весьма критична по отношению и к собственно вопросам языковой политики (ср. хотя бы известный «закон о родных языках», существенно осложнивший функционирование автохтонных языков России в системе школьного образования), и к более общим аспектам политической ситуации. Обращение к последним, впрочем, кажется нам оправданным для объяснения читателю того контекста, под влиянием которого развиваются социолингвистические процессы.

Глава 6 посвящена разработке графики и орфографии для миноритарных уральских языков в различные периоды. Обсуждается, в частности, миссионерская деятельность, языковое строительство в советский период, современные проблемные вопросы (например, довольно подробно раскрываются этапы и трудности совершенствования хантыйской письменности, а также затрагивается вопрос о применимости разработанных в докомпьютерную эпоху систем письма в электронной коммуникации в наши дни и о некоторых ведущихся в этой сфере проектах). Кроме того, приводится краткая справка об используемой во многих научных публикациях финно-угорской транскрипции.

3. Часть 2: очерки по конкретным языкам

Часть 2 включает 33 главы (7—39). В них содержатся очерки по отдельным уральским языкам, предваряемые обобщающими очерками по группам языков. Рассматриваются саамские (**главы 7—13**), прибалтийско-финские (**главы 14—22**), мордовские (**глава 23**), марийские (**глава 24**), пермские (**главы 25—27**), угорские (**главы 28—33**), самодийские (**главы 34—39**) языки. Очерки строятся по одному

плану с возможностью частных корректировок, обусловленных особенностями конкретного языка. Обсуждаются история, социолингвистическое положение, наиболее значимые исследования каждого языка. Приводится информация о фонетике и фонологии (системы вокализма и консонантизма, фонотактика, супraseгментные явления; в этом же блоке характеризуются морфонологические процессы). Суммируются сведения из области морфологии (грамматические категории различных частей речи, инвентари показателей и краткие сведения об их семантике, образцы парадигм, образование нефинитных форм глагола, важнейшие словообразовательные аффиксы и модели). Дается краткая синтаксическая характеристика каждого языка (базовый порядок слов; устройство клаузы, именной группы, глагольной группы, других типов составляющих; полипредикативные структуры). Приводятся некоторые обобщения о лексическом составе языка, в частности об источниках заимствований. Завершаются языковые главы образцами текстов и рекомендациями литературы.

Информация о конкретных языках излагается крайне четко с опорой на исследовательский опыт (а в некоторых случаях и на компетенцию носителя языка) их авторов и с необходимыми отсылками к другим источникам. Следует отметить и высокую лингвистическую грамотность описаний, превосходящую многие из грамматик уральских языков (в то же время описания отвечают, насколько это в принципе возможно, критерию «теоретической нейтральности», и их понимание не требует погружения в какие-либо узкие теории). Поскольку в силу огромного объема текста проблематично обсуждать в рамках одной рецензии все описательные решения авторов (среди которых есть как очевидные, так и подвергавшиеся дискуссии в уралистике), мы остановимся на отдельных вопросах, показавшихся нам значимыми с описательной или с теоретической точки зрения.

Некоторые утверждения нуждаются, как нам кажется, в несколько более внимательной теоретической рефлексии. Так, распространенные в уральских языках атрибутивизаторы систематически упоминаются в разделах о словообразовании как аффиксы, образующие прилагательные от существительных: см., например, с. 461—462 о марийских языках (*ушкал* ‘корова’ — *ушкалан* ‘с коровой/коровами’), с. 499 о коми (*бӧж* ‘хвост’ — *бӧжа* ‘с хвостом’), с. 518 об удмуртском (*шуд* ‘счастье’ — *шудо* ‘счастливый’). Несмотря на то что в ряде случаев атрибутивные дериваты подвергаются лексикализации и могут трактоваться как адъективные лексемы по крайней мере в практической лексикографии (ср. приведенный удмуртский пример), анализ таких аффиксов как образующих прилагательные в целом не вполне корректен с синтаксической точки зрения. Зачастую в их сферу действия может включаться не только существительное, но и его зависимые, ср. в примере (1) из горномарийского языка оформление атрибутивизатором *-an²* группы *klovoj sänzä* ‘голубые глаза’. Кроме того, атрибутивизатор может присоединяться к существительному, уже включающему словоизменительные показатели, ср. пример (2) из известной песни на коми языке.

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (1) *klovoj sänzä-än ädär amasa-m pač-än*
 синий глаз-PROP девочка дверь-ACC открыть-PRET
 ‘Дверь открыла голубоглазая девочка’ [Хомченкова 2018: 234].

КОМИ

- (2) *лӧз синь-яс-а тӧдса пилот*
 синий глаз-PL-ATTR знакомый пилот
 ‘голубоглазый знакомый пилот’ [https://koi.wikipedia.org/wiki/Тӧдса_пилот].

Из рассмотрения единицы *sänzään* как прилагательного следовал бы анализ с его модификацией другим прилагательным (*klovoj*), что не соответствует общим свойствам прилагательных в горномарийском языке и вызывает вопросы с точки зрения теоретических подходов к синтаксису именной группы и ее зависимых. Еще больший вопрос возникает по поводу примера (2): если единица *синьяса* является прилагательным, то почему она включает показатель множественного числа существительных и каков морфосинтаксический статус этого показателя? Эти соображения применимы и к другим языкам с подобными конструкциями, см., например, обсуждение уральского материала в [Kozlov 2020], а также идеи синтаксического анализа, аргументированные с привлечением разнообразной выборки языков в [Гращенков 2019: 331—350]. Таким образом, мы считали бы более оправданным анализ атрибутивизаторов не как показателей, меняющих часть речи оформленного ими слова, а как модификаторов синтаксического уровня, маркирующих составляющую и меняющих ее статус в синтаксической структуре.

² В проекте, в рамках которого написана цитируемая статья, этот атрибутивизатор обозначается термином «проприетив».

Некоторые другие аналитические утверждения в частноязыковых главах также выглядят спорными (и, надо заметить, в той или иной степени корректируются в главах **части 3**). Так, на с. 445 о посессивных показателях 2-го и 3-го лица единственного числа в марийских языках утверждается, что они часто функционируют как маркеры определенности. Эта трактовка представляется упрощенной, что следует в том числе из обсуждения информационной структуры в **главе 54** (с. 1025—1026) и из цитируемой там литературы.

На с. 448 два прошедших времени в марийских языках рассматриваются как противопоставленные по эвиденциальности: первое прошедшее время обозначает засвидетельствованную ситуацию, а второе прошедшее время — незасвидетельствованную. Такая точка зрения действительно высказывалась в литературе, см. [Серебренников 1960: 158—170; Пенгитов и др. (ред.) 1961: 184—189] и др. Впрочем, и в этих работах обсуждаются примеры, которые не могут быть объяснены таким образом, ср. употребление второго прошедшего времени (отгlossированного нами как претерит) в (3), где ситуация, очевидно, засвидетельствована говорящим:

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

- (3) *Мый ушкaл-ым чoдpa-и нaнгa-ен-aм, пу-ым ру-эн-aм.*
я корова-ACC лес-ILL водить-PRET-1SG дерево-ACC рубить-PRET-1SG
'Я корову в лес водил, дрова рубил' [Серебренников 1960: 161].

Сложность различения двух прошедших времен обсуждается и в **главе 46** (с. 921), посвященной ТАМ-категориям и эвиденциальным формам уральских языков. Утверждается, что первое прошедшее время в марийских языках относится к недавним, непосредственно наблюдаемым, перфективным событиям, а второе описывает более отдаленные во времени, ненаблюдаемые, имперфективные события (становясь нейтральным прошедшим временем). При этом проблема признаётся требующей дальнейшего изучения.

Альтернативная трактовка соотношения рассматриваемых форм, оставшаяся без внимания в рецензируемой книге, была предложена на горномарийском материале в [Голосов, Козлов 2018]. Авторы утверждают, что второе прошедшее время — это «прошедшее время без дополнительных семантических осложнений», а первое прошедшее время — это «прошедшее время с дополнительным условием смежности времени ассерции и позиции Наблюдателя» [там же: 188]. Так, в (4) наряду со вторым возможно первое прошедшее время (гlossа AOR), указывающее на ситуации, произошедшие давно, однако смежные с предыдущей доступной Наблюдателю ситуацией:

ГОРНОМАРИЙСКИЙ

- (4) *män'-än kogo papa tol-ân / tol'-â tädä-n do-kâ dä*
я-GEN большой бабушка приходить-PRET приходить-AOR.3SG тот-GEN к-ILL2 и
*keles-en / kelesä-š, što vär-äškä-žä män' ške=ok saltak-âš ke-em*³.
сказать-PRET сказать-AOR.3SG что место-ILL-POSS.3SG я REFL=EMPH солдат-ILL идти-NPST.1SG
'[Мой дед с детства хромал на одну ногу. Однажды барин сказал, что мой дед должен пойти в солдаты.] Моя прабабка пошла к нему и сказала, что она вместо него сама в солдаты пойдет' [там же: 177].

Тот факт, что уральские языки характеризуются разным уровнем разработанности литературной нормы, отражается на объекте грамматических описаний в книге: в одних случаях это в большей степени живая речь носителей диалектов, в других — литературная разновидность языка. В последнем случае стремление авторов к нормативности описаний может приводить к потере информации. В качестве примера рассмотрим проблему числового оформления существительных в конструкциях с количественными числительными и кванторными словами (ср. коми *кык морт* 'два человека', *уна морт* 'много людей'). О коми (с. 491) и марийских (с. 437) языках в книге утверждается, что существительное в такой конструкции всегда оформляется единственным числом. Об удмуртском языке (с. 519) делается оговорка о том, что наряду с формой единственного числа возможна, в силу русского влияния, форма множественного числа, как *вить ниль-ёс* (пять девочка-PL) 'пять девочек', ср. вариант *вить ныл* с единственным числом. Если для коми языка к приведенной трактовке не обнаруживаются видимых возражений (см., например, [Федюнёва (ред.) 2000: 44—48] о литературной системе, [Шматова, Черниговская 2012: 232—237] о диалектных данных), то относительно марийских языков утверждение выглядит излишне нормативным. Фиксация в количественных конструкциях форм множественного числа наряду с формами единственного числа, как в (5), подробно обсуждается в [Гужаров 1987: 16—21], см. также анализ

³ Гlossы унифицированы с другими марийскими примерами в рецензии. В цитируемой статье для второго прошедшего времени используется гlossа PRF (перфект).

благоприятных для этой конструкции синтаксических и семантических факторов на горномарийском материале в [Сидорова 2018].

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ

(5) *Пётыр-ын бригады-ште кум пёръен, кум ўдыр-влак.*

Петр-GEN бригада-IN три мужчина три девушка-PL

‘В бригаде Петра трое мужчин, три девушки’ [Тужаров 1987: 17].

Что касается трактовки русского влияния как ключевого фактора, обуславливающего маркирование существительного множественным числом в количественных конструкциях удмуртского языка, то в посвященных этой теме работах отмечаются более сложные синтаксические (например, субъектная позиция, наличие других словоформ между числительным и существительным) и лексико-семантические (например, дискретность, личность vs. предпочтительное маркирование единственным числом единиц измерения) закономерности, которые могут способствовать выбору формы множественного числа, см. [Кондратьева 2011: 445—447; Стрелкова 2013: 177—186]. Подобные правила числового маркирования не могут быть сведены к устройству русской системы и, следовательно, не могут объясняться только влиянием русского языка. Поэтому предлагаемая в книге трактовка выглядит как некая нормализация, за которой, однако, скрываются более сложные языковые механизмы.

4. Часть 3: сопоставление языковых явлений

Часть 3 включает 15 глав, содержащих сопоставительное рассмотрение различных явлений в уральских языках. В предыдущих обобщающих работах такого типа изложение строилось от конкретных языков (в рецензируемом издании это реализовано в **части 2**). Перспектива рассмотрения данных, отталкивающаяся от конкретных явлений, делает книгу новаторской для своего жанра и одновременно включает ее в актуальное направление внутригенетических сопоставительных исследований уральских языков (упомянем хотя бы сборники [Кузнецова (отв. ред.) 2012; Klumpp et al. (eds.) 2018]). Научный контекст **части 3** поясняется и самими авторами в **главе 40**.

Главы 41—43 посвящены проблемам фонетики. В качестве общего соображения отметим, что они смотрелись бы более выигрышно, если бы высказанные в них положения несколько более активно иллюстрировались количественными данными, полученными в результате инструментальных исследований. В то же время и при текущей подаче информации читатель может найти базовые сведения и ссылки на другие источники, и с этой точки зрения обзорные главы, безусловно, полезны.

В **главе 41** обсуждается палатализация согласных — как имеющая место в сильной позиции, так и обусловленная фонетическим контекстом. Приводятся артикуляционные и акустические характеристики рассматриваемых согласных. Систематизируются данные о фонетических контекстах — триггерах палатализации. Уральские языки классифицируются по наличию в них палатальных (palatal) и палатализованных (palatalized) согласных. Различие между ними, насколько можно понять из текста, исходит из типологических представлений (см. систему IPA): палатальные согласные образуются между средней частью спинкой языка и твердым нёбом, а у палатализованных согласных артикуляция подобного типа дополняет основную. Здесь, однако, возникает вопрос, во всех ли случаях выбор между палатальными и палатализованными согласными корректно сделан авторами исходных описаний (и корректно проинтерпретирован автором главы) на основе не только фонологических или перцептивных соображений, но и результатов инструментальных исследований артикуляции.

В **главе 42** рассматривается градация согласных. Под ней понимаются регулярные чередования («усиление» или «ослабление») согласных при словоизменении или словообразовании, ср. в финском языке *ahdas* ‘узкий’ и форму генитива *ahtaan*. В основном анализируется материал прибалтийско-финских и саамских языков, где и распространено это явление; в отдельных случаях привлекается материал нганасанского языка. Описаны состав ступеней чередования для разных языков, вовлеченные в них согласные, фонетические контексты.

Глава 43 посвящена просодическим явлениям, преимущественно словесного уровня. Характеризуются системы словесного ударения в различных уральских языках. В частности, обсуждается первичное и второстепенное ударение, позиция ударения в словоформе, отличительные акустические признаки ударных гласных, примеры привязки ударения к определенным морфемам. Приводится справка о распространении тех или иных структур слога. Дается краткий обзор исследований фразовой просодии, пока не слишком многочисленных и подробных.

В последующих главах **части 3** обсуждаются вопросы грамматики. Темой **главы 44** является категория падежа. Затрагивается проблема границ того, что признается падежными показателями в разных

описаниях; упоминаются некоторые периферийные случаи (как словоформы с маркером комитатива *-ga* и с рядом других показателей в эстонском языке, морфосинтаксическое поведение которых отличается от базовых падежных форм). Приводится очерк того, какие инвентари падежей фиксируются в уральских языках. Характеризуется взаимодействие падежа с другими морфологическими категориями имени (например, существование специальных падежных показателей посессивного склонения). Значительное внимание уделяется влиянию семантических и морфосинтаксических факторов на дистрибуцию падежных показателей. Проанализированы модели дифференцированного маркирования объекта: оно может зависеть, в частности, от референциального статуса именной группы, одушевленности, аспектуальных характеристик клаузы. При этом лишь кратко упомянут фактор информационной структуры высказывания, роль которого раскрывается подробнее в **главе 54**. После небольшого экскурса, посвященного кодированию падежными формами ряда грамматических функций (в частности, агенса при пассиве, неглагольного предиката, дативного «субъекта»), рассматривается дифференцированное маркирование субъекта (к сожалению, без аргументации того, имеют ли те или иные единицы приоритетные признаки синтаксического субъекта, ср., например, [Тестелец 2001: 317—359]), цели, некоторых других адъюнктов. Особое внимание уделяется пространственным падежам: суммируются сведения о том, какие базовые пространственные значения (исходная точка, локализация, конечная точка, маршрут и др.) кодируются в разных языках падежными формами. Упоминаются и падежи, используемые в других адвербиальных контекстах (цели, причины и проч.). Затрагивается проблема комитативно-инструментальной полисемии, а также выражение каритивной семантики с помощью падежных аффиксов.

Глава 45 посвящена маркированию лица как в глагольных формах, так и в именных посессивных формах. Рассматриваются парадигмы субъектного и объектного спряжений, случаи синкретизма в них (например, отсутствие противопоставления по числу объекта между формами объектного спряжения) и некоторые морфологические особенности. В случае с именными посессивными показателями значительно больший акцент сделан на семантические и синтаксические свойства (морфологическая информация, однако, также доступна). Систематизированы базовые структурные типы посессивных конструкций с точки зрения маркирования вершины и зависимого, перечислены основные кодируемые ими семантические отношения (в качестве дополнения к этому очерку мы бы рекомендовали статью [Pleshak 2018], где этот круг проблем проанализирован подробнее на материале уральских языков Волго-Камского ареала). Обсуждаются дискурсивные употребления посессивных показателей, связанные с выражением идентифицируемости референта, выбора из множества, контрастивности и других информационно-структурных отношений. Упоминается употребление посессивных форм 1-го лица единственного числа в вокативных контекстах, а также наличие в северносамодийских языках дестинативных показателей с семантикой потенциального обладания.

В **главе 46** представлены ТАМ-категории (время, аспект, модальность) и категория эвиденциальности. Характеризуется и в целом, и по отдельным группам языков инвентарь форм времени, к которым отнесены как синтетические формы, так и некоторые аналитические образования (например, сочетания лексического и бытийного глаголов). Рассматриваются средства выражения значений, причисляемых авторами к акциональным и относящихся в первую очередь к зонам фазовости и количественной аспектуальности, — инхотатива, результатива, дуратива, делимитатива, итератива и др. Такими средствами могут быть суффиксы глагольной деривации, превербы, сложные глаголы и другие аналитические образования. Отметим, что в главе опущено обсуждение акциональности как лексической характеристики глагольной основы, ср. противопоставление состояний, деятельностей, свершений и достижений в [Vendler 1957] и его дальнейшее развитие на различном языковом материале (см. [Татевосов 2015; 2016] и цитируемые там работы). Помимо того, что само по себе распределение глаголов по акциональным классам и состав акциональных классов в языке могут быть предметом межязыкового варьирования (см. указанные монографии С. Г. Татевосова), эти характеристики могут быть связаны с употреблением базовых ТАМ-категорий, а также влиять на допустимость и интерпретацию глагола в сочетании с деривационными аффиксами или в аналитических конструкциях. Касательно уральских языков см. иллюстрирующие эту возможность описания различных деривационных показателей — [Козлов 2018а, б] в мокшанском, [Макарчук 2019] в горномарийском, [Татевосов 2020] в ненецком и др. Дальнейший сопоставительный анализ таких случаев видится нам интересной задачей.

В главе 46 содержится, кроме того, обзор систем наклонений в уральских языках. Упомянуты и другие способы выражения модальных значений, которые не трактуются как маркеры каких-либо наклонений: модальные предикаты и частицы, нефинитные формы, аналитические конструкции. Обсуждаются формы с эвиденциальной семантикой — как специализированные (в частности, в самодийских языках), так и связанные с выражением иных грамматических значений (например, 2-е прошедшее время в пермских языках). В последнем случае, однако, возникает проблема разграничения факторов, влияющих на

употребление формы, и построения модели, которая бы описывала и объясняла взаимодействие этих факторов. Со ссылками на предшественников авторы признают, что 2-е прошедшее время может иметь эвиденциальную семантику, а также маркировать временную дистанцию и иметь признаки перфекта (в дополнение к сказанному см. [Цыпанов 2005: 129—135]). На данный момент эта проблема, по-видимому, не получила исчерпывающего решения.

В главе 47 рассматриваются способы выражения отрицания, различающиеся в зависимости от синтаксической конструкции и от типа глагольной формы. Поскольку эта тема уже освещалась на уральском материале в ряде хорошо известных сопоставительных работ (см. в первую очередь сборник [Miestamo et al. (eds.) 2015]), мы опустим подробный разбор.

В главе 48 обсуждаются нефинитные формы — причастия, деепричастия, инфинитивы, номинализации (с оговорками о проблемах классификации, о возможной полифункциональности форм и о различных терминологических традициях). Рассматриваются вопросы темпоральной референции, модальных компонентов семантики и залоговых характеристик причастий, а также формы отрицательных причастий. Затрагиваются синтаксические свойства номинализаций (отглагольных имен): автор главы, в частности, обращает внимание на наличие у них как именных (например, возможность вложения в послеложную группу или регулярное оформление зависимых как приименных), так и глагольных свойств (например, возможное в зависимости от языка и формы сохранение аккузативного управления). Иллюстрируется употребление деепричастий с разнообразной внутренней формой не только в таксисной функции, но и с дополнительными значениями результата, предпочтения и др. Приводятся частотные синтаксические контексты употребления инфинитивов. Кроме того, внимание уделяется использованию нефинитных форм в перифрастических конструкциях, выражающих значения из зоны TAM или эвиденциальности, ср. удмуртские примеры (6)—(7) с номинализацией/причастием на *-ем*.

УДМУРТСКИЙ

(6) (Мынам) книга-ез лыдӓ-ем-е вань.

1SG.GEN книга-ACC читать-AN-POSS.1SG EX

‘Я прочитал книгу’ (с. 947).

УДМУРТСКИЙ

(7) (Мынам) книга-ез лыдӓ-ем-е пот-э.

1SG.GEN книга-ACC читать-AN-POSS.1SG выйти-PRS.3SG

‘Я хочу прочитать книгу’ (с. 948).

Глава 49 посвящена проблеме порядка слов. Несмотря на то что уральские языки традиционно считаются языками SOV и этому соответствуют известные типологические корреляции (см. порядок «зависимое — вершина» в именной и послеложной группах), в некоторых из них в той или иной мере распространен порядок SVO, что связывается в главе с ситуациями языкового контакта. Как утверждает автор главы, в коми, мордовских, карельском, вепском языках порядок SVO варьируется с SOV, тогда как в финском, эстонском, ливском и большинстве саамских языков порядок SOV вторичен. Рассматриваются факторы, которые могут влиять на порядок слов (информационная структура, морфосинтаксический статус объекта и др.). Утверждения иллюстрируются данными корпусных исследований. При этом, по-видимому, может возникать проблема того, какой из наблюдаемых вариативных порядков (SOV/SVO) признавать базовым, учитывая различные информационно-структурные конфигурации в примерах, а также то, что субъект или объект во многих примерах не выражен. Отдельно обсуждаются порядки слов SV и VS в непереходных клаузах (в частности, в экзистенциальных), другие мотивированные информационной структурой порядки с начальной позицией предиката или объекта, позиция вопросительных слов, порядок элементов в отрицательных конструкциях и возможности их разрыва.

В главе 50 внимание уделяется адлогам (преимущественно послелогам) и образуемым ими синтаксическим группам. Основную проблему представляют серийные послелоги, восходящие к существительным и находящиеся на разных стадиях грамматикализации, в силу чего объем их субстантивных свойств оказывается различным. В главе анализируются именно такие свойства, по которым послеложные группы могут быть сопоставлены с именными: падежное маркирование зависимого, способность послелога присоединять именные показатели падежа, числа и посессивности.

В главе 51 рассматриваются экзистенциальные (‘В холодильнике есть молоко’), локативные (‘Молоко в холодильнике’) и предикативные посессивные (‘У меня есть молоко’) конструкции. Соответствующие им фреймы включают схожие элементы (тему, ее локализацию и утверждение о местонахождении), свойства которых, однако, могут различаться (см., например, разные референциальные характеристики темы в экзистенциальных и в локативных конструкциях). Авторы главы обсуждают порядок слов

в перечисленных конструкциях, падежное оформление участников, использование маркеров определенности и посессивности. Проанализированы свойства экзистенциальных предикатов: их происхождение (формы бытийного глагола / специализированные единицы), выражение временной референции и отрицания. Конструкции предикативной посессивности, как показано в главе, чаще устроены по аналогичной модели с экзистенциальными конструкциями, хотя имеются и посессивные конструкции, построенные по модели английских конструкций с *have* (предикат в них может иметь различные значения наряду с посессивным — ‘держать’, ‘использовать’ и др.).

Глава 52 посвящена неглагольной предикации, ранее уже рассмотренной подробно на уральском материале в [de Groot (ed.) 2017]. Иллюстрируется возможность наличия и отсутствия связки при таких предикатах, а также появления глагольных показателей на именной словоформе (это происходит в мордовских и самодийских языках). Кроме того, обсуждаются так называемые «динамические связки» (со значением ‘становиться’), числовое согласование, выражение отрицания, различия в референциальных характеристиках именной группы в позиции предиката и некоторые семантические типы неглагольной предикации. Авторы главы подробно останавливаются на сравнительных конструкциях, следующих в зависимости от языка различным стратегиям морфосинтаксического оформления (наличие или отсутствие специального аффикса, возможность выражения этим аффиксом более широкой степенной семантики, аналитическая стратегия). Приводятся также примеры выражения физических (‘На улице холодно’) и психологических (‘Мне страшно’) состояний.

В **главе 53** обсуждаются свойства полипредикативных конструкций (clause combining). Во-первых, это конструкции с финитной зависимой клаузой, часто включающие заимствованные союзы либо предположительно калькирующие модели, распространенные в русском и в других европейских языках. Существует и модель с комплементаризацией, развившимся на базе грамматикализованного деепричастия от глагола со значением ‘говорить’: она, вероятно, следует аналогичной модели тюркских языков. Например, в (8) комплементаризация *маньин* является формой деепричастия от глагола *манаиш* ‘говорить’. Упомянуты финитные клаузы с частицами, к которым автор главы относит, например, единицу *ке* в удмуртском и ее аналоги в других языках, а также вопросительные слова.

ЛУГОВОЙ МАРИЙСКИЙ⁴

- (8) *Кунам-гынат тый мый де-к-ем нӧртыл-ат маньин ұшан-ен-ам.*
 когда-INDEF ты я к-ILL2-POSS.1SG возвращаться-NPST.2SG SAYING верить-PRET-1SG
 ‘Я верил, что ты когда-нибудь вернешься ко мне’ (с. 999).

Во-вторых, в главе рассматриваются полипредикативные структуры с нефинитной зависимой клаузой. В некоторых точках обсуждение пересекается с **главой 48**. Характеризуются деепричастные конструкции, выражающие таксисные значения; особое внимание уделяется противопоставлению по односубъектности / разносубъектности. Автор главы оговаривает и возможность маркирования деепричастий посессивными показателями: обуславливающие его факторы (как референциальные свойства участников, информационная структура), по-видимому, требуют дальнейших исследований. Кроме того, обсуждается причастная стратегия образования относительных предложений: доступные для причастий позиции релятивизации, темпоральная референция. Приводится информация о конструкциях с номинализациями, в том числе отмечается полифункциональность многих причастных форм, способных выступать в синтаксических позициях, характерных для номинализаций.

Помимо анализа уральского материала, исходящего из типов нефинитных форм, данные обсуждаются в перспективе, отталкивающейся от типов конструкций. Систематизируются сведения о том, как могут оформляться сентенциальные актанты, относительные предложения, обстоятельственные клаузы.

Глава 54 посвящена информационной структуре, а именно различным способам выражения информационно-структурных отношений. Саму постановку задачи следует признать новаторской и крайне важной. Влияние информационно-структурных факторов на различные грамматические явления в уральских языках хорошо известно из литературы (многочисленные ссылки читатель может найти в тексте главы). Однако, насколько нам известно, системно сопоставлять устройство различных релевантных с этой точки зрения грамматических феноменов никто не пытался. В главе обсуждаются среди прочего случаи изменения порядка слов (см. также **главу 49**), использование частиц (здесь изложение довольно фрагментарно в силу того, что многие частицы в уральских языках недостаточно исследованы), морфологическое маркирование имен и глаголов. Сделаны наблюдения об ареальном распределении различных моделей.

⁴ Глоссы в (8) унифицированы с марийскими примерами, приведенными выше.

В связи с маркированием имен обсуждается в первую очередь дифференцированное кодирование прямого объекта, которое может зависеть от информационно-структурных факторов, в зависимости от языка взаимодействующих с факторами референциального статуса, одушевленности, аспектуальных характеристик клаузы и др. Раскрываются и некоторые особенности употребления посессивных показателей в дискурсивной функции (конкретные информационно-структурные характеристики в этом случае варьируются по языкам); упомянуты и развившиеся в ряде языков специализированные показатели референциального статуса (артикли в венгерском, аффиксы указательного/определенного склонения в мордовских).

Что касается маркирования глаголов, основное внимание уделяется объектному согласованию и его корреляциям в различных языках с топикальностью или определенностью прямого дополнения, а также с перфективностью клаузы. Кроме того, суммируются модели диатетических сдвигов, мотивированных информационной структурой: имперсональные и пассивные конструкции, а также конструкции с продвижением топикального дативного участника в позицию прямого дополнения (*dative shift*).

5. Библиография

Книга содержит обширную библиографию, которая занимает более 60 страниц и представляет самостоятельную ценность. Вместе с тем в ней отсутствуют многие работы российских авторов, которые могли бы быть полезны для обсуждения различных сюжетов. Некоторые ссылки уже приводились нами выше. Помимо этого, касательно топонимии прибалтийско-финских языков (**глава 2**) не упомянуто ни одной работы И. И. Муллонен (см., например, [Муллонен 1994; 2008; Захарова и др. 2018]). В связи с вопросами определения прародины в той же главе была бы релевантна книга [Норманская, Дыбо 2010] и развернувшаяся вокруг нее дискуссия [Живлов 2011; 2012; Дыбо, Норманская 2012]. Относительно проблем ударения (**глава 43**) было бы нелишним учесть монографию [Норманская 2018] (см. также более ранние работы, в частности [Норманская 2008]) и размещенные в открытом доступе фонетические данные, на которые опирается анализ автора и которые представляют очевидную эмпирическую значимость даже в том случае, если у автора главы имеются возражения относительно выводов цитируемой работы. Превербы в обско-угорских языках, в первую очередь в хантыйском (**главы 31—32**, см. также **главу 46** о типологии аспектуальных маркеров), подробно проанализированы в статьях В. Н. Соловар [Соловар 2018; 2019; 2021 и мн. др.], также не учтенных в книге. Неравномерно охвачены статьи из сборника [Кузнецова (отв. ред.) 2012]: они довольно активно привлекаются в главах о полипредикации, но не учитываются в связи с описанием именных категорий и именной группы (в частности, в **главах 44—45**, а также в очерках по отдельным языкам), см. [Усачёва 2012] о падежной семантике, [Шматова, Черниговская 2012] о числовом маркировании, [Симоненко, Леонтьев 2012] о свойствах именных групп, в том числе о падежном оформлении приименных зависимых и о посессивном маркировании. Эти и другие библиографические лакуны объяснимы, поскольку в книге такого масштаба было бы невозможно объять необъятное. В то же время для дальнейшего поступательного развития уралистики мы бы считали необходимым учет текущего состояния исследований в других странах и других традициях и непрерывное взаимодействие разных традиций, а также стремление самих авторов к расширению аудитории своих работ, которая, к сожалению, зачастую ограничивается конференциями и изданиями из близкого академического круга.

6. Заключение

Рецензируемое издание вносит важный вклад в описание уральских языков и в более тесное включение их материала в широкий теоретический и типологический контекст. С учетом масштаба поставленной задачи неизбежно, что те или иные решения авторов могут подвергаться дискуссии, которая ни в коей мере не умаляет ценности издания и стимулирует развитие предметной области. Книга будет полезна для специалистов по уральским языкам и по типологии. Содержащаяся в ней информация весьма разнообразна и представляет интерес как для опытных уралистов, так и для читателей, не знакомых с уральскими языками и нуждающихся в базовой справке. В частности, мы бы рекомендовали широко использовать ее в преподавании вузовских курсов, связанных с теоретической грамматикой, историей и современным состоянием уральских языков. Мы надеемся, что выход в свет этой книги будет способствовать дальнейшей активной публикации работ по тем проблемам уралистики, которые пока не были исследованы должным образом в русле современной лингвистики.

Список сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо, ACC — аккузатив, AN — имя действия (action noun), AOR — аорист (первое прошедшее время), ATTR — атрибутивизатор, DETR — детранзитивизатор, EMPH — эмфатическая частица, EX — экзистенциальный маркер, GEN — генитив, ILL — иллатив, ILL2 — второй (непродуктивный) иллатив, IN — инессив, INDEF — показатель неопределенного местоимения, NPST — непрошедшее время, PL — множественное число, POSS — посессивность, PRET — претерит (второе прошедшее время), PROP — проприетив, PRS — настоящее время, REFL — рефлексив, SAYING — грамматикализованный предикат речи, SG — единственное число.

Литература

- Беликов, Крысин 2001 — *В. И. Беликов, Л. П. Крысин*. Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001.
- Голосов, Козлов 2018 — *Ф. В. Голосов, А. А. Козлов*. Наблюдатель в системе прошедших времен горномарийского языка // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2018, 2 (14). С. 154—194.
- Гращенков 2019 — *П. В. Гращенков*. Грамматика прилагательного. Типология адъективности и атрибутивности. М.: Языки славянской культуры, 2019.
- Дыбо, Норманская 2012 — *А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская*. К методике сравнения этимологических работ (ответ на рецензию М. А. Живлова) // *Вопросы языкового родства*. 2012, 7. С. 119—135.
- Елисеев и др. (ред.) 1993 — *Ю. С. Елисеев, К. Е. Майтинская, О. И. Романова* (ред.). Языки мира. Уральские языки. М.: Наука, 1993.
- Живлов 2011 — *М. А. Живлов*. Рецензия: Ю. В. Норманская, А. В. Дыбо. Тезаурус: лексика природного окружения в уральских языках. 2010 // *Вопросы языкового родства*. 2011, 6. С. 217—226.
- Живлов 2012 — *М. А. Живлов*. К вопросу о критериях оценки этимологических работ (ответ А. В. Дыбо и Ю. В. Норманской) // *Вопросы языкового родства*. 2012, 7. С. 136—152.
- Захарова и др. 2018 — *Е. В. Захарова, Д. В. Кузьмин, И. И. Муллонен, Н. Л. Шибанова*. Топонимные модели Карелии в пространственно-временном контексте. М.: Языки славянских культур, 2018.
- Козлов 2018a — *А. А. Козлов*. Акциональная семантика основ и деривационный вид // С. Ю. Толдова, М. А. Холодилова (отв. ред.), С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева, И. А. Стенин (ред.). Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2018. С. 417—437.
- Козлов 2018b — *А. А. Козлов*. Фреквентатив // С. Ю. Толдова, М. А. Холодилова (отв. ред.), С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева, И. А. Стенин (ред.). Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2018. С. 438—457.
- Кондратьева 2011 — *Н. В. Кондратьева*. Словоизменение имени существительного в удмуртском языке (грамматические категории падежа и числа). Дис. ... докт. филол. наук. Ижевск: УдГУ, 2011.
- Кузнецова (отв. ред.) 2012 — *А. И. Кузнецова* (отв. ред.), *Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинин* (ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.
- Лыткин и др. (ред.) 1974 — *В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редей, Я. Гуя, А. П. Феоктистов, Г. И. Ермушкин* (ред.). Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974.
- Лыткин и др. (ред.) 1975 — *В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редей* (ред.). Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М.: Наука, 1975.
- Лыткин и др. (ред.) 1976 — *В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редей* (ред.). Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976.
- Макарчук 2019 — *И. В. Макарчук*. Глагольный аттенуатив в горномарийском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019, 2 (15). С. 130—162.
- Муллонен 1994 — *И. И. Муллонен*. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994.
- Муллонен 2008 — *И. И. Муллонен*. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008.
- Норманская 2008 — *Ю. В. Норманская*. Реконструкция прафинно-волжского ударения. М.: Тезаурус, 2008.
- Норманская 2018 — *Ю. В. Норманская*. Реконструкция прауральского разноместного ударения и его влияние на развитие системы вокализма. М.: Языки народов мира, 2018.
- Норманская, Дыбо 2010 — *Ю. В. Норманская, А. В. Дыбо*. Тезаурус. Лексика природного окружения в уральских языках. М.: Тезаурус, 2010.
- Пенгитов и др. (ред.) 1961 — *Н. Т. Пенгитов, И. С. Галкин, Н. И. Исанбаев* (ред.). Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1961.

Серебрянников 1960 — *Б. А. Серебрянников*. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Издательство Академии наук СССР, 1960.

Сидорова 2018 — *М. А. Сидорова*. Числовое маркирование существительного в горномарийских количественных конструкциях // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2018, 2 (14). С. 400—427.

Симоненко, Леонтьев 2012 — *А. П. Симоненко, А. П. Леонтьев*. Морфосинтаксис именного комплекса в финно-пермских языках: анализ в рамках программы минимализма // *А. И. Кузнецова (отв. ред.), Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина (ред.)*. Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 262—339.

Соловар 2018 — *В. Н. Соловар*. Особенности семантики хантыйских глаголов с превербом *apa* // *Вестник угроведения*. 2018, 3 (8). С. 470—478.

Соловар 2019 — *В. Н. Соловар*. Семантические особенности обско-угорских глаголов с превербом *län / lan* // *Вестник угроведения*. 2019, 1 (9). С. 71—83.

Соловар 2021 — *В. Н. Соловар*. Структурно-семантические особенности обско-угорских глаголов с превербами *хулт / холт / хоц / хот* // *Вестник угроведения*. 2021, 3 (11). С. 493—502.

Стрелкова 2013 — *О. Б. Стрелкова*. Имена числительные удмуртского языка. История и типология. Ижевск: Удмуртский университет, 2013.

Татевосов 2015 — *С. Г. Татевосов*. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Татевосов 2016 — *С. Г. Татевосов*. Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры, 2016.

Татевосов 2020 — *С. Г. Татевосов*. О семантике ненецкого Итератива // *Урало-алтайские исследования*. 2020, 2 (37). С. 58—76.

Тестелец 2001 — *Я. Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М.: Издательство РГГУ, 2001.

Тужаров 1987 — *Г. М. Тужаров*. Грамматические категории имени существительного в марийском языке. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1987.

Усачёва 2012 — *М. Н. Усачёва*. Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках // *А. И. Кузнецова (отв. ред.), Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина (ред.)*. Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 147—217.

Федюнёва (ред.) 2000 — *Г. В. Федюнёва (ред.)*. Ёня коми кыв. Морфология. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2000.

Хомченкова 2018 — *И. А. Хомченкова*. Способы выражения комитативных значений в горномарийском языке // *Проблемы языка. Сборник научных статей по материалам Шестой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (12—14 марта 2018 г.)*. М.: ИЯЗ РАН: Канцлер, 2018. С. 226—248.

Цыпанов 2005 — *Е. А. Цыпанов*. Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2005.

Шматова, Черниговская 2012 — *М. С. Шматова, Е. А. Черниговская*. Категория числа существительного в марийском и пермских языках // *А. И. Кузнецова (отв. ред.), Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина (ред.)*. Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. С. 221—249.

Abondolo (ed.) 1998 — *D. Abondolo (ed.)*. The Uralic languages. London; New York: Routledge, 1998.

Adelaar, Schapper (eds.) 2023 — *A. Adelaar, A. Schapper (eds.)*. The Oxford guide to the Malayo-Polynesian Languages of Southeast Asia. Oxford: Oxford University Press, 2023.

Bowern (ed.) 2023 — *C. Bowern (ed.)*. The Oxford guide to Australian languages. Oxford: Oxford University Press, 2023.

Collinder 1957 — *B. Collinder*. Survey of the Uralic languages. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1957.

de Groot (ed.) 2017 — *C. de Groot (ed.)*. Uralic essive and the expression of impermanent state. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017.

Janhunen 1981 — *J. Janhunen*. Uralilaisen kantakielen sanastosta // *Journal de la Société finno-ougrienne*. 1981, 77. P. 219—274.

Klumpp et al. (eds.) 2018 — *G. Klumpp, L. Mazzitelli, F. Rozhanskiy (eds.)*. Special issue: Typology of Uralic languages: current views and new perspectives. *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. 2018, 1 (9).

Kozlov 2020 — *L. Kozlov*. Noun attributivization in Uralic. MA Thesis. Moscow: HSE, 2020.

Ledgeway, Maiden (eds.) 2016 — *A. Ledgeway, M. Maiden (eds.)*. The Oxford guide to the Romance languages. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Miestamo et al. (eds.) 2015 — *M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds.)*. Negation in Uralic languages. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015.

Pleshak 2018 — *P. Pleshak*. Adnominal possessive constructions in Mordvin, Mari and Permic // *ESUKA — JEFUL*. 2018, 1 (9). P. 139—168.

Robeets, Savelyev (eds.) 2020 — *M. Robeets, A. Savelyev* (eds.). *The Oxford guide to the Transeurasian languages*. Oxford: Oxford University Press, 2020.

Sammallahti 1988 — *P. Sammallahti*. Historical phonology of the Uralic languages with special reference to Samoyed, Ugric, and Permic // *D. Sinor* (ed.). *The Uralic languages*. Leiden: Brill, 1988. P. 478—554.

Vendler 1957 — *Z. Vendler*. Verbs and times // *The Philosophical review*. 1957, 2 (66). P. 143—160.

References

Abondolo (ed.) 1998 — *D. Abondolo* (ed.). *The Uralic languages*. London; New York: Routledge, 1998.

Adelaar, Schapper (eds.) 2023 — *A. Adelaar, A. Schapper* (eds.). *The Oxford guide to the Malayo-Polynesian Languages of Southeast Asia*. Oxford: Oxford University Press, 2023.

Belikov, Krysin 2001 — *V. I. Belikov, L. P. Krysin*. *Sotsiolingvistika*. Moskva: RGGU, 2001. {*V. I. Belikov, L. P. Krysin*. *Sociolinguistics*. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2001.}

Bowern (ed.) 2023 — *C. Bowern* (ed.). *The Oxford guide to Australian languages*. Oxford: Oxford University Press, 2023.

Collinder 1957 — *B. Collinder*. *Survey of the Uralic languages*. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1957.

de Groot (ed.) 2017 — *C. de Groot* (ed.). *Uralic essive and the expression of impermanent state*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2017.

Dybo, Normanskaya 2012 — *A. V. Dybo, Yu. V. Normanskaya*. K metodike sravneniya etimologicheskikh rabot (otvet na retsenziyu M. A. Zhivlova). In: *Voprosy yazykovogo rodstva*. 2012, 7. S. 119—135. {*A. V. Dybo, Yu. V. Normanskaya*. Towards a proper methodology for comparing etymological studies (a reply to Mikhail Zhivlov). In: *Journal of Language Relationship*. 2012, 7. P. 119—135.}

Eliseev i dr. (red.) 1993 — *Yu. S. Eliseev, K. E. Maitinskaya, O. I. Romanova* (red.). *Yazyki mira. Ural'skie yazyki*. Moskva: Nauka, 1993. {*Yu. S. Eliseev, K. E. Maitinskaya, O. I. Romanova* (eds.). *Languages of the World. Uralic languages*. Moscow: Nauka, 1993.}

Fedyuneva (red.) 2000 — *G. V. Fedyuneva* (red.). *Öniya komi kyv. Morfologiya. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo*, 2000. {*G. V. Fedyuneva* (ed.). *Contemporary Komi language. Morphology*. Syktyvkar: Komi Publishing House, 2000.}

Golosoov, Kozlov 2018 — *F. V. Golosoov, A. A. Kozlov*. Nablyudatel' v sisteme proshedshikh vremen gornomariiskogo yazyka. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2018, 2 (14). S. 154—194. {*F. V. Golosoov, A. A. Kozlov*. Perspective point in past tenses' system in Hill Mari. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2018, 2 (14). P. 154—194.}

Grashchenkov 2019 — *P. V. Grashchenkov*. *Grammatika prilagatel'nogo. Tipologiya ad"ektivnosti i atributivnosti*. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2019. {*P. V. Grashchenkov*. *Grammar of adjective, Typology of adjectivity and attributivity*. Moscow: Languages of Slavic culture, 2019.}

Janhunen 1981 — *J. Janhunen*. Uralilaisen kantakielen sanastosta. In: *Journal de la Société finno-ougrienne*. 1981, 77. P. 219—274.

Khomchenkova 2018 — *I. A. Khomchenkova*. Sposoby vyrazheniya komitativnykh znachenii v gornomariiskom yazyke. In: *Problemy yazyka. Sbornik nauchnykh statei po materialam Shestoi konferentsii-shkoly "Problemy yazyka: vzglyad molodykh uchenykh"* (12—14 marta 2018 g.). Moskva: IYaz RAN: Kantsler, 2018. S. 226—248. {*I. A. Khomchenkova*. Ways of expressing comitative meanings in Hill Mari. In: *Language issues. Proceedings volume of the VI conference-school "Language issues: a young scholar's perspective"* (12—14 March 2018). Moscow: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences: Kantsler, 2018. P. 226—248.}

Klumpp et al. (eds.) 2018 — *G. Klumpp, L. Mazzitelli, F. Rozhanskiy* (eds.). Special issue: Typology of Uralic languages: current views and new perspectives. *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. 2018, 1 (9).

Kondrat'eva 2011 — *N. V. Kondrat'eva*. Slovoizmenenie imeni sushchestvitel'nogo v udmurtskom yazyke (grammaticheskie kategorii padezha i chisla). Dis. ... dokt. filol. nauk. Izhevsk: UdGU, 2011. {*N. V. Kondratyeva*. Nominal inflection in Udmurt (grammatical categories of case and number). Doctoral thesis. Izhevsk: Udmurt State University, 2011.}

Kozlov 2018a — *A. A. Kozlov*. Aktsional'naya semantika osnov i derivatsionnyi vid. In: *S. Yu. Toldova, M. A. Kholodilova* (otv. red.), *S. G. Tatevosov, E. V. Kashkin, A. A. Kozlov, L. S. Kozlov, A. V. Kukhto, M. Yu. Privizentseva, I. A. Stenin* (red.). *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. Moskva: Buki Vedi, 2018. S. 417—437. {*A. A. Kozlov*. Actional semantics of stems and derivational aspect. In: *S. Yu. Toldova, M. A. Kholodilova, S. G. Tatevosov, E. V. Kashkin, A. A. Kozlov, L. S. Kozlov, A. V. Kukhto, M. Yu. Privizentseva, I. A. Stenin* (eds.). *Elements of Moksha in a typological perspective*. Moscow: Buki Vedi, 2018. P. 417—437.}

Kozlov 2018b — *A. A. Kozlov*. Frekventativ. In: *S. Yu. Toldova, M. A. Kholodilova* (otv. red.), *S. G. Tatevosov, E. V. Kashkin, A. A. Kozlov, L. S. Kozlov, A. V. Kukhto, M. Yu. Privizentseva, I. A. Stenin* (red.). *Elementy mokshanskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. Moskva: Buki Vedi, 2018. S. 438—457. {*A. A. Kozlov*. Frequentative. In: *S. Yu. Tol-*

- dova, M. A. Kholodilova, S. G. Tatevosov, E. V. Kashkin, A. A. Kozlov, L. S. Kozlov, A. V. Kukhto, M. Yu. Privizentseva, I. A. Stenin (eds.). *Elements of Moksha in a typological perspective*. Moscow: Buki Vedi, 2018. P. 438—457.
- Kozlov 2020 — L. Kozlov. *Noun attributivization in Uralic*. MA Thesis. Moscow: HSE, 2020.
- Kuznetsova (otv. red.) 2012 — A. I. Kuznetsova (otv. red.), N. V. Serdobol'skaya, S. Yu. Toldova, S. S. Sai, E. Yu. Kalinina (red.). *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. Moskva: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2012. {A. I. Kuznetsova, N. V. Serdobolskaya, S. Yu. Toldova, S. S. Sai, E. Yu. Kalinina (eds.). *Finno-Ugric languages: fragments of grammatical description. Formal and functional approaches*. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2012.}
- Ledgeway, Maiden (eds.) 2016 — A. Ledgeway, M. Maiden (eds.). *The Oxford guide to the Romance languages*. Oxford: Oxford University Press, 2016.
- Lytkin i dr. (red.) 1974 — V. I. Lytkin, K. E. Maitinskaya, K. Redei, Ya. Gulya, A. P. Feoktistov, G. I. Ermushkin (red.). *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniiya (voprosy proiskhozhdeniya i razvitiya finno-ugorskikh yazykov)*. Moskva: Nauka, 1974. {V. I. Lytkin, K. E. Maitinskaya, K. Rédei, J. Gulya, A. P. Feoktistov, G. I. Ermushkin (eds.). *Essentials of Finno-Ugric linguistics (issues of the origin and development of the Finno-Ugric languages)*. Moscow: Nauka, 1974.}
- Lytkin i dr. (red.) 1975 — V. I. Lytkin, K. E. Maitinskaya, K. Redei (red.). *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniiya. Pribaltiisko-finskie, saamskii i mordovskie yazyki*. Moskva: Nauka, 1975. {V. I. Lytkin, K. E. Maitinskaya, K. Rédei (eds.). *Essentials of Finno-Ugric linguistics. Balto-Finnic, Saami, and Mordvin languages*. Moscow: Nauka, 1975.}
- Lytkin i dr. (red.) 1976 — V. I. Lytkin, K. E. Maitinskaya, K. Redei (red.). *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniiya. Mariiskii, permskie i ugorskie yazyki*. Moskva: Nauka, 1976. {V. I. Lytkin, K. E. Maitinskaya, K. Rédei (eds.). *Essentials of Finno-Ugric linguistics. Mari, Permic, and Ugric languages*. Moscow: Nauka, 1976.}
- Makarchuk 2019 — I. V. Makarchuk. *Glagol'nyi attenuativ v gornomariiskom yazyke*. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019, 2 (15). S. 130—162. {I. V. Makarchuk. *Verbal attenuative in Hill Mari*. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019, 2 (15). P. 130—162.}
- Miestamo et al. (eds.) 2015 — M. Miestamo, A. Tamm, B. Wagner-Nagy (eds.). *Negation in Uralic languages*. Amsterdam—Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2015.
- Mullonen 1994 — I. I. Mullonen. *Ocherki vepsskoi toponimii*. Sankt-Peterburg: Nauka, 1994. {I. I. Mullonen. *Essays on the Veps toponymy*. St. Petersburg: Nauka, 1994.}
- Mullonen 2008 — I. I. Mullonen. *Toponimiya Zaonezh'ya: slovar' s istoriko-kul'turnymi kommentariyami*. Petrozavodsk: Karel'skii nauchnyi tsentr RAN, 2008. {I. I. Mullonen. *Toponymy of Zaonezhye: dictionary with historic and cultural comments*. Petrozavodsk: Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, 2008.}
- Normanskaya 2008 — Yu. V. Normanskaya. *Rekonstruktsiya prafinno-volzhsckogo udareniya*. Moskva: Tezaurus, 2008. {Yu. V. Normanskaya. *Reconstruction of Proto-Finno-Volgaic stress*. Moscow: Tezaurus, 2008.}
- Normanskaya 2018 — Yu. V. Normanskaya. *Rekonstruktsiya praural'sckogo raznomestnogo udareniya i ego vliyanie na razvitie sistemy vokalizma*. Moskva: Yazyki narodov mira, 2018. {Yu. V. Normanskaya. *Reconstruction of Proto-Uralic free stress and its influence on the development of the system of vocalism*. Moscow: Languages of the world, 2018.}
- Normanskaya, Dybo 2010 — Yu. V. Normanskaya, A. V. Dybo. *Tezaurus. Leksika prirodnoho okruzheniya v ural'skikh yazykakh*. Moskva: Tezaurus, 2010. {Yu. V. Normanskaya, A. V. Dybo. *Thesaurus. Lexicon of natural environment in Uralic*. Moscow: Tezaurus, 2010.}
- Pengitov i dr. (red.) 1961 — N. T. Pengitov, I. S. Galkin, N. I. Isanbaev (red.). *Sovremennyyi mariiskii yazyk. Morfologiya*. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961. {N. T. Pengitov, I. S. Galkin, N. I. Isanbaev (eds.). *Contemporary Mari language. Morphology*. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1961.}
- Pleshak 2018 — P. Pleshak. *Adnominal possessive constructions in Mordvin, Mari and Permic*. In: *ESUKA — JEFUL*. 2018, 1 (9). P. 139—168.
- Robeets, Savelyev (eds.) 2020 — M. Robeets, A. Savelyev (eds.). *The Oxford guide to the Transeurasian languages*. Oxford: Oxford University Press, 2020.
- Sammallahti 1988 — P. Sammallahti. *Historical phonology of the Uralic languages with special reference to Samoyed, Ugric, and Permic*. In: D. Sinor (ed.). *The Uralic languages*. Leiden: Brill, 1988. P. 478—554.
- Serebrennikov 1960 — B. A. Serebrennikov. *Kategorii vremeni i vida v finno-ugorskikh yazykakh permskoi i volzhskoi grupp*. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960. {B. A. Serebrennikov. *Categories of tense and aspect in the Finno-Ugric languages of the Permic and Volgaic groups*. Moscow: USSR Academy of Sciences Publishing house, 1960.}
- Shmatova, Chernigovskaya 2012 — M. S. Shmatova, E. A. Chernigovskaya. *Kategoriya chisla sushchestvitel'nogo v mariiskom i permskikh yazykakh*. In: A. I. Kuznetsova (otv. red.), N. V. Serdobol'skaya, S. Yu. Toldova, S. S. Sai, E. Yu. Kalinina (red.). *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. Moskva: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2012. S. 221—249. {M. S. Shmatova, E. A. Chernigovskaya. *The category of noun number in Mari and Permic*. In: A. I. Kuznetsova, N. V. Serdobolskaya, S. Yu. Toldova, S. S. Sai, E. Yu. Kalinina (eds.). *Finno-Ugric languages: fragments of grammatical description. Formal and functional approaches*. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2012. P. 221—249.}

Sidorova 2018 — M. A. Sidorova. Chislovoe markirovanie sushchestvitel'nogo v gornomariiskikh kolichestvennykh konstruktsiyakh. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2018, 2 (14). S. 400—427. {M. A. Sidorova. Number marking of nouns in quantified expressions in Hill Mari. In: *Acta Linguistica Petropolitana*. 2018, 2 (14). P. 400—427.}

Simonenko, Leont'ev 2012 — A. P. Simonenko, A. P. Leont'ev. Morfosintaksis imennogo kompleksa v finno-permskikh yazykakh: analiz v ramkakh programmy minimalizma. In: A. I. Kuznetsova (otv. red.), N. V. Serdobol'skaya, S. Yu. Toldova, S. S. Sai, E. Yu. Kalinina (red.). *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. Moskva: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2012. S. 262—339. {A. P. Simonenko, A. P. Leontiev. Morphosyntax of nominal complex in the Finno-Ugric languages: analysis in the minimalist framework. In: A. I. Kuznetsova, N. V. Serdobolskaya, S. Yu. Toldova, S. S. Say, E. Yu. Kalinina (eds.). *Finno-Ugric languages: fragments of grammatical description. Formal and functional approaches*. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2012. P. 262—339.}

Solovar 2018 — V. N. Solovar. Osobennosti semantiki khantyiskikh glagolov s preverbom ara. In: *Vestnik ugrovedeniya*. 2018, 3 (8). S. 470—478. {V. N. Solovar. Features of the semantics of Khanty verbs with the preverb ara. In: *Bulletin of Ugric Studies*. 2018, 3 (8). P. 470—478.}

Solovar 2019 — V. N. Solovar. Semanticheskie osobennosti obsko-ugorskikh glagolov s preverbom läp / lap. In: *Vestnik ugrovedeniya*. 2019, 1 (9). S. 71—83. {V. N. Solovar. Semantic specifics of Ob-Ugric verbs with preverb läp / lap. In: *Bulletin of Ugric Studies*. 2019, 1 (9). P. 71—83.}

Solovar 2021 — V. N. Solovar. Strukturno-semanticheskie osobennosti obsko-ugorskikh glagolov s preverbami χδλt / χλt / χδś / χt. In: *Vestnik ugrovedeniya*. 2021, 3 (11). S. 493—502. {V. N. Solovar. Structural and semantic features of Ob-Ugric verbs with preverbs χδλt / χλt / χδś / χt. In: *Bulletin of Ugric Studies*. 2021, 3 (11). P. 493—502.}

Strelkova 2013 — O. B. Strelkova. Imena chislitel'nye udmurtskogo yazyka. Istorija i tipologiya. Izhevsk: Udmurtskii universitet, 2013. {O. B. Strelkova. Numerals in Udmurt. History and typology. Izhevsk: Udmurt university, 2013.}

Tatevosov 2015 — S. G. Tatevosov. Aktsional'nost' v leksike i grammatike. Glagol i struktura sobytiya. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2015. {S. G. Tatevosov. Actionality in lexicon and grammar. Verb and event structure. Moscow: Languages of Slavic culture, 2015.}

Tatevosov 2016 — S. G. Tatevosov. Glagol'nye klassy i tipologiya aktsional'nosti. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2016. {S. G. Tatevosov. Verb classes and the typology of actionality. Moscow: Languages of Slavic culture, 2016.}

Tatevosov 2020 — S. G. Tatevosov. O semantike nenetskogo Iterativa. In: *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2020, 2 (37). S. 58—76. {S. G. Tatevosov. On the meaning of the Iterative in Nenets. In: *Ural-Altai Studies*. 2020, 2 (37). P. 58—76.}

Testelets 2001 — Ya. G. Testelets. Vvedenie v obshchii sintaksis. Moskva: Izdatel'stvo RGGU, 2001. {Ya. G. Testelets. Introduction to the theory of syntax. Moscow: Russian State University for the Humanities Publishing house, 2001.}

Tsypanov 2005 — E. A. Tsypanov. Grammaticheskie kategorii glagola v komi yazyke. Syktyvkar: Komi nauchnyi tsentr URO RAN, 2005. {E. A. Tsypanov. Grammatical categories of verb in Komi. Syktyvkar: Komi Research Centre of the Uralic branch of the Russian Academy of Sciences, 2005.}

Tuzharov 1987 — G. M. Tuzharov. Grammaticheskie kategorii imeni sushchestvitel'nogo v mariiskom yazyke. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987. {G. M. Tuzharov. Grammatical categories of noun in Mari. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987.}

Usacheva 2012 — M. N. Usacheva. Lokativnye padezhi v sostave grupp s prostranstvennym znacheniem v permskikh yazykakh. In: A. I. Kuznetsova (otv. red.), N. V. Serdobol'skaya, S. Yu. Toldova, S. S. Sai, E. YU. Kalinina (red.). *Finno-ugorskie yazyki: fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podkhody*. Moskva: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2012. S. 147—217. {M. N. Usacheva. Locative cases in the phrases with the spatial meaning in the Permic languages. In: A. I. Kuznetsova, N. V. Serdobolskaya, S. Yu. Toldova, S. S. Say, E. Yu. Kalinina (eds.). *Finno-Ugric languages: fragments of grammatical description. Formal and functional approaches*. Moscow: Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, 2012. P. 147—217.}

Vendler 1957 — Z. Vendler. Verbs and times. In: *The Philosophical review*. 1957, 2 (66). P. 143—160.

Zakharova i dr. 2018 — E. V. Zakharova, D. V. Kuz'min, I. I. Mullonen, N. L. Shibanova. Toponimnye modeli Karelii v prostranstvenno-vremennom kontekste. Moskva: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2018. {E. V. Zakharova, D. V. Kuz'min, I. I. Mullonen, N. L. Shibanova. Toponymic patterns of Karelia in the spatiotemporal context. Moscow: Languages of Slavic cultures, 2018.}

Zhivlov 2011 — M. A. Zhivlov. Retsenziya: Yu. V. Normanskaya, A. V. Dybo. Tezaurus: leksika prirodnogo okruzheniya v ural'skikh yazykakh. 2010. In: *Voprosy yazykovogo rodstva*. 2011, 6. S. 217—226. {M. A. Zhivlov. [Review] Y. Normanskaya, A. Dybo. Thesaurus: the lexicon of nature environment in Uralic languages. 2010. In: *Journal of Language Relationship*. 2011, 6. P. 217—226.}

Zhivlov 2012 — M. A. Zhivlov. K voprosu o kriteriyakh otsenki etimologicheskikh rabot (otvet A. V. Dybo i Yu. V. Normanskoi). In: *Voprosy yazykovogo rodstva*. 2012, 7. S. 136—152. {M. A. Zhivlov. The issue of finding proper criteria to evaluate etymological studies (a reply to Anna Dybo & Yuliya Normanskaya). In: *Journal of Language Relationship*. 2012, 7. P. 136—152.}

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков журнала (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — Э. А. Грунина. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. И. С. Гурвич. М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. F. Lessing. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — Г. Дёрфер. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — Н. К. Дмитриев. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — F. Kiefer, B. Gyuris. Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. F. Kiefer. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — I. Nikolaeva. Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. J. Fernandez-Vest. Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — В. М. Иллич-Свитыч. Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — L. V. Clark. Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — G. Doerfer. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — E. Helimski. База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Учредители
А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская

Редактор
М. Л. Максимова

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков
jurnaluraltai@mail.ru

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Дата выхода номера
01.10.2023

Founded by
Anna V. Dybo, Yu. V. Normanskaya

Editor
Maria Maksimova

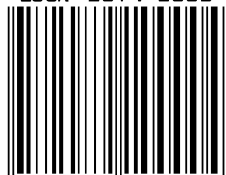
Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages
jurnaluraltai@mail.ru

Phone
+7 (495) 691-63-06

Publication date
01.10.2023

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >